Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

**Н.Г. Краснодембская,
Е.С. Соболева, В.Н. Кисляков**

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ И ЕГО ВКЛАД В ИНДИЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ РАН

Санкт-Петербург
2018

УДК 39(548.7+540)
ББК 36.5(3)
А65

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева, В.Н. Кисляков

А65 Михаил Степанович Андреев и его вклад в индийские коллекции Музея антропологии и этнографии РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 220 с. (Kunstkamera Petropolitana).

ISBN 978-5-88431-346-0

Книга посвящена одному из ярких эпизодов в истории Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, связанному с собирательской деятельностью видного отечественного востоковеда и этнографа — М.С. Андреева (1873–1948). Он внес значительный вклад в формирование этнографических фондов МАЭ, в том числе индийского собрания. М.С. Андреева можно рассматривать также как одного из пионеров формирования самой методики научно-собирательской деятельности МАЭ.

История индийских сборов М.С. Андреева описывается на фоне общего развития индологического направления в МАЭ в конце XIX — первой четверти XX в. В основу положены материалы из СПФ АРАН и АМАЭ РАН, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Впервые же приводится подробное описание южноазиатских коллекций, собранных М.С. Андреевым, и дается их научная оценка.

Материалы книги могут быть использованы историками, этнографами, исследователями культуры Индии и России, а также искусствоведами.

Ключевые слова: Михаил Степанович Андреев, российские востоковеды, индология, история МАЭ РАН, коллекции МАЭ (Кунсткамера) РАН.

The book reveals one of the most striking episodes in the history of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography — the activities of Mikhail S. Andreev (1873–1948), a prominent Russian orientalist and ethnographer. He made a significant contribution to the formation of ethnographic collections of the MAE, including the Indian Department. M.S. Andreev can also be regarded as one of the pioneers of the creation of the MAE's method of scientific collecting practice.

The history of Indian collections delivered by M.S. Andreev is described in the context of the general development of Indological studies in the MAE in the late 19th — first quarter of the 20th centuries. The monograph is based on the documents preserved in the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS and the Scientific Archive of the MAE RAS, a significant part of the data is published for the first time. A detailed description of the South Asian acquisitions by M.S. Andreev for the MAE is done, and their scientific evaluation is given.

The book can be used by historians, ethnographers, researchers of Indian and Russian cultures, as well as by art historians and museum experts.

Keywords: Mikhail S. Andreev, Russian Orientalists, Indology, history of the Museum of Anthropology and Ethnography, collections of the MAE (Kunstkamera) RAS.

УДК 39(548.7+540)
ББК 36.5(3)

© Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева, В.Н. Кисляков, 2018
© Оформление серии. В. Яковлев, 2018
© МАЭ РАН, 2018

ISBN 978-5-88431-346-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. Индология в МАЭ
в конце XIX — первой четверти XX в. 9

Глава 2. Михаил Степанович Андреев:
путь человека и ученого 55

Глава 3. Коллекции МАЭ по Южной Азии,
собранные М.С. Андреевым 75

Приложение 1. Андреев Михаил Степанович 148

Приложение 2. О коллекции № 1789.
М.К. Кудрявцев. Фрагмент дворца
из города Насик (Индия) 158

Приложение 3. Список коллекции № 2055 170

Приложение 4. Список коллекции № 2418 193

Приложение 5. Коллекции МАЭ РАН, собранные
М.С. Андреевым в Афганистане и Средней Азии 209

Источники 213
Библиография 214
Список сокращений 219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Некоторое время тому назад в МАЭ РАН начиналась работа над проектом «Созидатели Кунсткамеры», к которому была привлечена значительная часть сотрудников из разных отделов МАЭ.

Многие еще помнят те времена, когда историей нашего музея занимались лишь единицы специалистов. К счастью, теперь положение дел изменилось и ведется не только изучение отдельных коллекций, но составлены и составляются многие каталоги коллекций и экспонатов, в том числе и в электронных вариантах. Заметим, тем не менее, что при попытках обобщить то, чем мы владеем, и дать сводные описания наших музейных сокровищ пока что во главу угла преимущественно ставился ***предмет*** как таковой и меньше внимания придавалось подробностям самой истории собирательства.

Новый проект был задуман именно с целью выявить ***персоналии***, придать звучание ***именам*** тех, кому мы обязаны бесценными богатствами и музейными традициями, привлечь научное и общественное внимание к истории создания и строительства уникального музейного организма, каким является первый российский естественно-научный музей, основанный Петром Первым и ныне существующий под именем Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Был задуман проект по составлению и публикации энциклопедического справочника-словаря имен собирателей коллекций

и устроителей экспозиций нашего музея. Описание собирательства и строительства нашего музея, перечисление имен тех, кто внес свой вклад в это дело, могут преподать и нравственный урок, поскольку здесь много примеров самоотверженного служения одному из оригинальнейших институтов нашей культуры. Эта история содержит немало драматических эпизодов и является доказательством широты воззрений, бескорыстного интереса к проявлениям не только национальной, но и чужой культуры, к образу жизни, мыслей и чувств различных народов мира.

Ранее появлялись в основном два вида публикаций по истории музея: труды общего характера, описывавшие основные эпизоды этой истории, и описания отдельных коллекций или групп коллекций. Новый подход призван дать более полное и конкретное представление об историческом процессе развития музея, а также высветить и личный вклад каждого из его созидателей.

Задуманная работа планировалась быть осуществленной в два основных этапа: а) составление самого свода имен собирателей, сначала по всем основным подразделениям МАЭ, а затем сведенного воедино; б) написание поименных словарных статей с обобщенной оценкой роли и вклада каждого собирателя в создание музея. На втором этапе реализации проекта на основе полученного свода имен предполагалось развернуть работу по написанию полноценных статей для энциклопедического словаря собирателей предметных коллекций и устроителей экспозиций МАЭ «Созидатели Кунсткамеры». Очень важным полагалось дать научную характеристику собранных коллекций с кратким описанием их состава и значимости (особо отмечая дары в коллекции МАЭ).

Предполагалось создать энциклопедический словарь с содержательной вводной статьей об общей истории МАЭ РАН и рядом приложений (например, списка учреждений, с которыми совершался обмен экспонатами или от которых поступали в МАЭ коллекции того или иного происхождения), а также и фотографиями наиболее значимых и известных из созидателей МАЭ.

Частично планы эти осуществились: в основном был составлен список имен собирателей предметных коллекций МАЭ. Это было сделано на основе изучения описей и других архивных материалов музея. В список включали имена всех собирателей и лиц, от которых поступили коллекции, независимо от полноты известных о них сведений. Так что в нескольких экземплярах список этот существует. Однако осуществление проекта оказалась отнюдь не простым, осложненным многими обстоятельствами.

Трудной оказалась задача следовать выработанной схеме сведений о собирателях. Предполагалось, что свод имен будет содержать такие данные, как ФИО собирателя (или лица, передавшего коллекцию), даты его жизни и перечень поступивших от него коллекций. Соответствующая информация о них предполагалась в следующем порядке: номер коллекций с указанием года поступления, года сбора, способа поступления (дар, покупка, экспедиционный сбор или другое), страны, народа, состава коллекции, числа предметов. Оказалось, что о многих собирателях недостаточно сведений и другие задачи еще требуют большой подготовительной и поисковой работы.

Тем не менее идея посмотреть на историю нашего музея, фокусируясь на отдельных личностях его созидателей, осталась и постепенно воплощается в жизнь. Вот и настоящая книга посвящена одной из ярких личностей в истории собирательства МАЭ, блоку редких (особенно для своего времени) коллекций, представляющих значительный научный интерес и все еще мало отраженных в научных трудах. Отдельные предметы этого собрания давно представлены на постоянной музейной экспозиции, называемой в настоящее время «Народы Южной Азии».

От Михаила Степановича Андреева в МАЭ поступили три коллекции по культуре народов Индии. Авторы настоящей книги искренне надеются, что ее публикация положит начало особой серии музейных изданий, посвященных отдельным авторским сборам, комплексам коллекций по различным народам и регионам мира. Такой серии можно было бы дать название «Созидатели Кунсткамеры».

Ее осуществлением мы бы отдали дань глубокого уважения нашим предшественникам в науке, запечатлели бы новые сведения и факты из истории нашего музея, по праву считающегося колыбелью отечественной науки.

В основу книги положены документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (далее — СПФ АРАН) и хранящиеся в МАЭ материалы. Отдельные письма М.С. Андреева из Индии опубликованы А.А. Вигасиным, Т.Н. Загородниковой и др. Включенные в книгу документы переведены нами на русский язык. Вводятся в научный оборот в полном объеме сведения из коллекционных описей МАЭ. Научные описи коллекций, собранных М.С. Андреевым, составили Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мерварт, Л.Б. Баславская, Б.В. Росина, С.А. Маретина.

Особую благодарность хочется выразить хранителям фондов МАЭ Л.Л. Левизи, Л.Ф. Трущенковой, Н.И. Андросовой, Л.Э. Сутягиной, Т.Ф. Лопатиной.

Благодарим за консультации коллег-индологов И.Ю. Котина, Я.В. Василькова, М.Ф. Альбедиль, О.Н. Меренкову.

Библиографические справки выполнены при содействии сотрудников библиотеки МАЭ, за что им особая благодарность.

Иллюстрации для книги подготовлены сотрудниками ФАВ-лаборатории МАЭ РАН Е. А. Толмачевой и С.Б. Шапиро.

Выражаем благодарность сотрудникам РИО за высокопрофессиональный подход к изданию.

Мы благодарны Ю.К. Чистову, Е. А. Резвану, Е.А. Михайловой, директору МАЭ РАН А.В. Головнёву за помощь и поддержку.

Глава 1

Индология в МАЭ в конце XIX — первой четверти XX в.

Собрания по культуре и этнографии народов Южной Азии в настоящее время являются одними из богатейших в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В нем сконцентрированы этнографические коллекции, относящиеся к народам практически всех стран южноазиатского региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Непал). Фонды его содержат более 13 тыс. предметов, характеризующих различные стороны быта и культуры местного населения. С помощью собранных в отделе экспонатов можно рассказывать об основных занятиях, жилище, одежде и пище, мировоззрении, религии и верованиях, а также об искусстве и ремеслах различных южноазиатских этносов [Краснодембская 1983].

В экспозицию «Народы Южной Азии» включена примерно десятая часть имеющихся фондов. «Индийский зал» МАЭ имеет длительную историю. О чем-то подобном мечтал еще Петр I. Он придавал важнейшее значение отношениям России с Индией. В его личных коллекциях, которые легли в основу собраний созданной им в 1714 г. Кунсткамеры, были и индийские предметы. К сожалению, бóльшая часть этих коллекций погибла при пожаре в 1747 г. В первых каталогах музея упоминались сосуды, украшения, скорлупа (вернее, костянки) кокосовых орехов. В музейных

документах встречаются и упоминания о ранней коллекции индийских монет. После расформирования Кунсткамеры в первой трети XIX в. большинство этих предметов было передано в Эрмитаж. Те, что сохранились в Этнографическом музее (он был выделен из Петербургской Кунсткамеры в 1836 г.), уже и после его реорганизации в 1879 г. в Музей антропологии и этнографии, как о том свидетельствуют документы, оставались не атрибутированными. Поэтому их практически не могли использовать в экспозициях.

Долгое время индийские предметы хранились и выставлялись в музее, не будучи должным образом описаны и зарегистрированы. Поэтому многие сохранившиеся ранние экспонаты оказались включенными в отдельные описи с грифом «из старых собраний» уже в позднее время — в 1930-е и даже в 1940-е годы (например, коллекция № 4804 вобрала в себя около 500 старинных предметов неизвестного происхождения, а была составлена только в 1949 г.). Даже коллекция, собранная основателем русской индологической школы И.П. Минаевым (1840–1890) в его поездках по Южной Азии (№ 226), не является по-настоящему системной, так как она поступила в музей не от него самого, а после его смерти от его близких родственников в 1893 г. [Краснодембская 1983].

Возможно, индийские предметы имелись и в составе буддийских собраний Академии. Необходимость развития буддологии как направления научных исследований оказалась одним из главных аргументов при рассмотрении вопроса об учреждении при Императорской Академии наук Музея антропологии и этнографии. Имелось в виду изучение буддийского вероучения преимущественно у народов России. В проекте записки-обоснования прямо утверждалось, что

> «*упомянутые выше влияния Китая, а равно и Тибета на наших южно- и восточносибирских инородцев в особенности сказываются в религиозном отношении, в их буддийско-ламайском вероисповедании. Предметы и принадлежности*

этого богослужения имеют поэтому особое значение и для изучения многих из наших инородцев, и, согласно с тем, им отведено немаловажное место и в нашем Музее. Коллекции, составленные по этой части еще Палласом и другими путешественниками прошедшего столетия, были много пополнены вследствие состоявшейся в прошедшем году, по Высочайшему повелению, передачи в Этнографический Музей предметов этого рода из Эрмитажа, а в последнее время еще значительно обогатились вследствие приобретения для Музея, по Высочайшему повелению, коллекции буддийских предметов, вывезенной князем Ухтомским из Забайкальской области, из Монголии и из Китая» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 31–32].

Решением Государственного Совета № 31 от 12 мая 1879 г. был создан Музей по антропологии и этнографии [Там же. Л. 14]. Директором музея был назначен академик Леопольд Иванович Шренк (1826–1894).

В июне 1886 г. Государственный Совет разрешил «*постройку нового флигеля для Библиотеки Императорской Академии по переулку подле Библиотеки Академии и насупротив здания Академических Музеев*» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1888. Ед. хр. 14. Л. 32]. В 1887 г. директор Библиотеки Академии наук академик А.А. Куник уступил помещение в верхнем этаже нового флигеля в Таможенном переулке для нового музея (над Книжным складом).

«*Там в двух больших и светлых залах верхнего этажа была устроена выставка зоологических коллекций генерала Пржевальского. Особая Комиссия, назначенная Президентом ИАН графом Д. Толстым для обсуждения вопроса о выгоднейшем размещении Библиотеки и открытых для публики Музеев Академии, в составе академиков В. Радлова, А. Штрауха, Ф. Шмидта. А. Куника под председательством Л. Шренка, приняла решение соединить два музея*» [Там же. Л. 40–47 об.].

Итак, Музей был торжественно открыт для публики весной 1891 г., тогда же был опубликован первый музейный путеводитель. И в конце того же года было подсчитано, что в МАЭ хранится уже 23 829 предметов [Музей антропологии и этнографии... 1917: 246].

> *«1893 г. ознаменовался тремя крупными поступлениями в Музей от барона Штакельберга из Японии и Филиппинских островов, от наследниц профессора И.П. Минаева В.П. и А.П. Шнейдер — ценное собрание, главным образом по буддизму из Непала и Бирмы (274 предм.) и от К.И. Вебера — большое собрание по археологии и этнографии Кореи (144 пр.)»* [Там же. С. 247].

Надо сказать, что до конца XIX в. все еще не были выработаны до конца научные принципы показа коллекций «культурных стран Азии». Был принят обычай экспонирования «чудес и редкостей», и индийские артефакты демонстрировались вместе с предметами из других регионов Азии. Возможно, поэтому для первоначального показа были выбраны две ступки оригинальной гоанской работы из слоновой кости, выполненные в индо-португальском стиле, и нарядный резной ящик XVIII в.

8 января 1894 г. скончался директор Музея академик Л.И. Шренк, и академик В.В. Радлов (1837–1918) был избран на должность директора МАЭ 15 марта 1894 г. С этого времени

> «*Музей переходит из ведения Физико-Математического Отделения в ведение Историко-Филологического. Этот переход мотивирован в постановлении Конференции тем, что “во-первых, материалы, собранные в этом Музее, больше соответствуют лингвистическим и историко-бытовым исследованиям”, и, во-вторых, что “в I Отделении Академии наук не имеется ученого, интересующегося этнографией”*» [Там же].

В.В. Радлов занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. Был минимален штат сотрудников музея — всего три человека (он включал директора, ученого-хранителя и служителя музея). Даже для уже скопившихся за почти два века коллекций стали малы площади (как для хранения, так и для экспонирования). Сам В.В. Радлов, готовясь к новой должности, так оценил положение в музее:

> «*Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей Антропологии и Этнографии, я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций. Кто знает затруднительное положение, в котором находится этот Музей, не располагающий достаточным местом для выставления предметов и даже для подготовительных работ и не имеющий в своем распоряжении необходимых денежных средств, может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов*» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 2–3 об.].

Теперь в МАЭ были приняты правила регистрации новых поступлений: экспонаты заносятся в списки и сопровождаются этикетками в течение года от поступления в музей. Кроме регистрации по спискам, заведена регистрация по карточкам, причем каждую карточку стараются сопроводить фотографией или рисунком предмета. Карточки «*изготавливаются в нескольких экземплярах и распределяются не только по этническим группам, но и по культурным категориям и в порядке эволюции*» [Музей антропологии и этнографии... 1917: 249].

> «*Ввиду крайнего несоответствия бюджетных сумм Музея с его все разрастающимися нуждами, в 1909 г. был учрежден Попечительный Совет Музея, который специально должен был заботиться о привлечении частных средств в Музей. Успешность этого учреждения, почетным председателем которого состоит Его Императорское Высочество Князь*

Александр Георгиевич Романовский, Герцог Лейхтенбергский, достаточно доказывается тем, что за четырехлетний период своего существования он принес Музею 136.000 рублей. На средства членов Попечительного Совета, между прочим, выстроен третий этаж Музея, приобретен целый ряд ценных коллекций и снаряжена экспедиция в Индию» [Там же. С. 250–251].

В 1913 г. привлечен для работы в индийском отделе д-р Гейдельбергского университета Густав Герман Христиан Мерварт. И на 1 января 1914 г. нештатными сотрудниками МАЭ числятся профессор Алексей Иванович Иванов (1878–1937) (отдел культурных стран Азии); д-р Герман Христианович Мерварт (отдел Индии) [Там же. С. 255].

Особое внимание уделено фотографическому отделу, где «*имеется специальная фотографическая мастерская, хорошо обставленная, со специальным павильоном для съемок*», и здесь «*предпринято фотографирование всех предметов Музея*». Задумано, чтобы каждый отпечаток был прикреплен к регистрационной карточке предмета. Организован также отдел фонограмм, «*иллюстрирующий музыку и речь первобытных народов*». В отделе фотографий хранится 10 631 негативов, 15 099 позитивов и 1884 разных других изображений; в отделе фонограмм — 152 валика звукозаписей различных народов Сибири [Там же. С. 257–258].

Радикально меняется система сборов этнографических материалов, которая становится планомерной. Прежде музей вынужденно

«играл чисто пассивную роль приемника того, что по тому или другому случаю ему доставалось. Бывало, что поступали крайне ценные дары, как собрания Юнкера, Миклухо-Маклая, Ладыженского, Географического Общества, Музея Адмиралтейского Департамента и т.д., но все это были дары случайные. Иногда и Академия поручала своим экспедициям собирать этнографические коллекции, но все это делалось

попутно, между прочим. В силу этих условий многие собрания Музея состояли из предметов совершенно разрозненных и в научном отношении представляли сравнительно небольшую ценность». Теперь в *«основу деятельности Музея положен принцип собирания путем научных экспедиций и командировок лиц, предварительно подготовленных к такой деятельности в Музее»*.

Такие экспедиции предпринимались либо самостоятельно Музеем, если это позволяли его средства, либо совместно с другими учреждениями. С 1897 по 1914 г. почти ежегодно устраивалась какая-нибудь новая экспедиция: в Монголию, в Турфан и в Енисейскую губернию, в Киргизию, на Сахалин и в Манчжурию, в Якутию, Австралию, Северную и Южную Америку, в Персию и Восточную Африку, к индейцам Канады и в Мексику. И, наконец, в 1914 г. была организована экспедиция в Индию под руководством Г.Х. Мерварта.

По замыслу В.В. Радлова, Музей должен был стать крупным научным центром, где бы, с одной стороны, проводились бы планомерные этнографические изыскания, а с другой — были бы устроены содержательные экспозиции, способные служить истинно научным пособием по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. Он *«должен был дать сколько-нибудь полную картину постепенного развития человеческого рода и разнообразного культурного положения различных племен»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 2–3 об.].

Начал новый директор с того, что сразу же (12 марта 1894 г.) просил Историко-Филологическое отделение Императорской Академии наук (далее — ИФО ИАН) дать ему

«право войти в сношение с лицами, живущими в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, представить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально назначены корреспондентами Музея

по Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук с выдачей на это звание диплома» [Там же. Л. 2].

Благодаря введенному в 1898 г. институту корреспондентов МАЭ музей обогатился коллекциями из разных стран мира, но индийских вещей среди них было немного. Из скудных бюджетных сумм выкраивались средства и на содержание музея, и на покупку предметов. В.В. Радлов, изучив опыт музеев Европы, вводил в Санкт-Петербурге многие новшества, которые принесли ему успех. Вырабатывался научный подход к сбору и хранению коллекционных материалов и устройству музея, было положено начало разбору и каталогизации уже существовавших коллекций, продумывались план и методика новых сборов.

Пополнение коллекций различными путями было постоянной приоритетной задачей.

Как уже сообщалось выше, в 1893 г. МАЭ приобрел буддийскую коллекцию И.П. Минаева у его племянниц и наследниц В.П. и А.П. Шнейдер (274 пр. — бронзовые бурханы, иконы на холсте, другие культовые предметы, ритуальная утварь) [Музей антропологии и этнографии... 1917: 248]. Коллекция была зарегистрирована под № 226. Это были первые южноазиатские приобретения музея — в основном из Непала (а также из Бирмы). Иван Павлович Минаев (1840–1890) являлся основателем русской индологической школы. Известный буддолог, знаток древних индийских языков, блестящий филолог, он фактически может считаться также родоначальником этнографической индологии в России. Именно он призывал изучать, кроме классической индийской древности, как он выражался, «живую Индию», т.е. реально существующий уклад жизни, живые языки, фольклор. И сам он в своих трудах сделал первые шаги в этом направлении. Его последователями считали себя участники уникальной этнографической экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию 1915–1918 гг. супруги Мерварт — Герман Христианович (в 1916 г. он принял православие и имя Александр Михайлович) (1884–1932) и Людмила Александровна (1888–1967).

Коллекция № 226 поступила в МАЭ, к сожалению, после безвременной кончины И.П. Минаева от неизлечимой болезни и потому не имела комментариев собирателя. Она все еще недостаточно изучена, но некоторые ее экспонаты представлены в экспозиции «Народы Южной Азии». Только спустя девять или десять лет был зарегистрирован любопытнейший экспонат, привезенный И.П. Минаевым с Цейлона: лук веддов, автохтонов острова (коллекция № 813) [Зимина 2015].

В том же году для музея были куплены у К.И. Вебера оригинальные веера из Цейлона и Индии.

Одно из первых крупных индийских коллекционных собраний поступило в МАЭ от императора Николая II в 1897 г. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1896. Ед. хр. 1. Л. 14]. Ранее, 9 декабря 1894 г., по предложению Августейшего Президента Императорской Академии наук Великого Князя Константина Константиновича, было принято решение *«передать в МАЭ предметы, привезенные Государем Императором в бытность его Наследником Цесаревичем из своего путешествия на Восток в 1890–1891 гг.»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 31. Л. 15]. Индийские предметы распределились по трем коллекциям — № 308, 309 и 312 (всего около 250 единиц). Здесь наличествуют предметы культа, быта, художественные ремесленные изделия, статуэтки (типы населения), а также великолепные образцы традиционного оружия, богатый шахматный столик, модель оригинальной лодки. Предметы из Сиама и Сайгона (до 70 единиц) объединены в коллекцию № 310.

Другая крупная царская коллекция стала тогда началом европейского отдела МАЭ. 29 апреля 1897 г.

> *«Государю Императору благоугодно было повелеть передать в Этнографический Музей при Императорской Академии наук находящиеся в Зимнем Дворце коллекцию одежд, поднесенную Болгарским народом в Бозе почившему Императору Александру II, по случаю 25-летия Его Царствования, 19.02.1880 г.»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1896. Ед. хр. 1. Л. 14).

20 декабря 1899 г. Министерство Императорского Двора уведомило ИАН, что из Императорского Эрмитажа передаются в МАЭ костюмы (бурятский, мингрелский, греческий (в другом варианте документа — албанский. — *Авт.*), черногорский — мужской и женский на манекенах с подставками, три татарских шелковых кафтана, две чохи Синдского Раджи (Tschoha — robes de Rajah), кашмирская шаль [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 58, 77–78].

16 февраля 1900 г. В.В. Радлов сообщил Историко-Филологическому Отделению ИАН, что Берлинский Этнографический Музей отдает МАЭ по обмену две большие коллекции из дублетов (Африка; Южная Азия — Индия, Сиам, Зондские о-ва). Мена была расценена как крайне выгодная. Прием дублетов в Берлине и составление их списков было поручено старшему этнографу МАЭ Д.А. Клеменцу (1848–1914) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 53. Л. 168–170].

В южноазиатский фонд МАЭ в результате поступило две коллекции собирателя Ф. Ягора (1816–1900): № 604 (украшения из Северо-Западной, Восточной и Южной Индии) и № 609 (цейлонская керамика), всего — более 50 номеров, около 100 предметов. Ранее (вероятно, хлопотами В.В. Радлова) в МАЭ через Берлинский музей народоведения поступила в дар еще одна коллекция этого собирателя (№ 293, поступление 1895 г.), содержавшая индийские предметы культа и бытовые вещи (одежду, ткани, украшения, а также оружие [Соболева 2016]) — более 70 номеров, свыше 100 предметов.

Начиная кампанию по увеличению бюджетного финансирования, В.В. Радлов писал 3 января 1898 г. в записке министру финансов:

> *«В нашем музее оставили следы своих трудов великие русские исследователи и путешественники прошлого и текущего столетия — материалы для истории русской науки, памятники ума, бесстрашия и усердия ее работников. У нас хранятся фактические свидетельства живого и сердечного*

отношения и этнографической науки Русских государей, начиная с Великого Петра и оканчивая ныне благополучно царствующим Государем Императором — Николаем Александровичем. Коллекция вещей и принадлежностей быта, поднесенных Болгарией, из 25 местностей Княжества, Освободителю своему, императору Александру II, коллекция из путешествия Государя Императора Николая Александровича, в бытность его Наследником Престола, помимо своего высокого научного значения, представляют собою целые страницы Русской Истории» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 53. Л. 7].

Последовательная политика по сортировке, учету и каталогизации старых коллекций давала В.В. Радлову все больше оснований утверждать, что МАЭ более, чем все другие наши музеи, осененные именем Петра Великого, связан с его Кунсткамерой и Кабинетом. По инициативе В.В. Радлова накануне празднования двухсотлетия Петербурга 13 ноября 1902 г. было возбуждено ходатайство о переименовании Музея. 21 декабря 1902 г. «*Государь Император Высочайше соизволил [*дать согласие*] на наименование Музея по Антропологии и Этнографии ИАН "Музеем антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого"*» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Ед. хр. 90. Л. 4].

В 1901 г. началось переоборудование Музея новой выставочной мебелью, в 1902 г. к зданию была добавлена пристройка со стороны двора (прихожая, раздевальная, комната для распаковки вновь поступающих вещей). Это позволило увеличить количество экспонируемых вещей и включить музей в систему народного просвещения.

В итоге «*комиссия для осмотра переустроенного Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого в составе: председатель — В.В. Латышев, члены — академики К.Г. Залеман, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Н. Чернышев — осмотрела новые экспозиции 25 ноября 1903 г. и разрешила его открыть после публикации нового "Путеводителя",*

что и было сделано» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 166].

Большую роль в эти годы в развитии индологического направления российской этнографии играл Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934). Известный востоковед, санскритолог и знаток буддизма, он преподавал на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, а также являлся председателем этнографического отделения Императорского Русского Географического общества, с 1903 г. — экстраординарный (с 1908 г. — ординарный) академик. С.Ф. Ольденбург руководил изучением и каталогизацией буддийских коллекций, участвовал в выставлении и описании в «Путеводителе» по МАЭ отдела буддизма (который располагался в верхнем зале музея). В 1909–1910 гг. и 1914–1915 гг. он также руководил академическими экспедициями в Западный Китай и Восточный Туркестан. Непременный секретарь Академии наук в 1904–1929 гг., в 1916 г. С.Ф. Ольденбург стал директором Азиатского музея.

Рядом с директором МАЭ с 1902 г. находился его соратник и помощник — Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927). И не только он. Новые радетели музея считали, что задачей МАЭ должно стать не случайное собирательство, а планомерные и систематические этнографические изыскания и экспедиционные сборы. Выставки музея они хотели превратить в подлинно научное пособие по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. Однако вернемся к «индийской части» музея.

Итак, с 21 декабря 1902 г. Музей по Антропологии и Этнографии Императорской Академии Наук стал Музеем антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого ИАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 253]. Обретение нового — повышенного — статуса позитивно отразилось на развитии музея, привлекло к нему дотации и спонсоров.

Дирекция МАЭ оказывала помощь создававшемуся в Петербурге Этнографическому отделу Русского Музея Императора Александра III (ныне — Российский этнографический музей). В 1904 г. Комиссия, выбранная III-м Отделением Императорской

Академии наук, в составе академиков В.В. Радлова, В.В. Латышева и С.Ф. Ольденбурга,

«обсудив вопросы, возбужденные в письме Великого Князя Георгия Михайловича касательно разграничения в будущем сфер деятельности Этнографического Отдела Музея Императора Александра III и состоящего при Императорской Академии Наук Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, пришли к заключению, в частности, что:

<…>

2. Назначение Академического музея состоит в том, чтобы в тщательно подобранных этнографических объектах из быта самых различных племен и народов представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности.

3. Что касается Этнографического Отдела Музея Александра III, то, судя по тому, что в своей деятельности он ограничивается исключительно Россией и прилегающими странами, то является музеем территориальным; по этому самому цель его — скорее практическая, патриотическая. Его цель — представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею. Каковы бы ни были достоинства этой картины, но в научном отношении она по необходимости всегда будет страдать некоторою отрывочностью, именно благодаря принципу территориальности. Ламаизм, например, будет оторван от своего индийского собрата — буддизма и брахманизма, тюрки и арабы будут оторваны от соплеменников африканских, чукчи от своих американских сородичей, евреи европейские от азиатских и африканских и т.д.

<…>

6. Музеи не конкурируют и в финансовом отношении. Академический музей в течение своего долгого существования

поддерживается главным образом пожертвованиями членов академии и привлеченных или сочувствующих лиц. Только в 1892 г. Музей добился суммы в 3000 руб. на приобретение коллекций, но и эта скудная сумма, ввиду общей скудности средств, расходовалась по другим статьям бюджета, и новые коллекции в последние годы по-прежнему получались исключительно в виде дара сочувствующих целям музея лиц. Между тем музей Императора Александра III обладает ежегодной суммой в 40 000 руб. на приобретение коллекций» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 55. Л. 15–16 об., 19].

С.Ф. Ольденбург и впоследствии неоднократно вовлекался в дела, связанные с вышеуказанными музеями. Так, В.В. Радлов, К.Г. Залеман, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург как члены Комиссии по вопросу об упорядочении академических изданий на заседании Общего Собрания ИАН 14 октября 1906 г. высказались в пользу перемещения Книжного склада с первого этажа здания по Таможенному пер. и упорядочения помещения [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 68]. Это помещение было передано МАЭ, и там были развернуты американские экспозиции.

С.Ф. Ольденбург даже неоднократно принимал на себя обязательства по руководству МАЭ, в 1907 г., пока В.В. Радлов был в командировке [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1907. Ед. хр. 154. Л. 356], затем — в 1912 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 159. Л. 366]. А сам В.В. Радлов был председателем Выборной Комиссии по избранию С.Ф. Ольденбурга, экстраординарного академика, в ординарные академики по литературе и истории азиатских народов [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 385 об.].

Ученые поддерживали друг друга и в науке, и в жизни в непростых обстоятельствах, когда всегда ощущался дефицит средств, а целесообразность спонсирования научных задач каждый раз приходилось специально доказывать. Когда 12 мая 1918 г. ординарный академик Василий Васильевич Радлов скончался, С.Ф. Ольденбург опубликовал некролог в «Известиях» Академии [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165. Л. 45 об.]. Затем

С.Ф. Ольденбург как директор Азиатского музея ассигновал из сумм Музея 6 тыс. руб. на уплату за приобретенное для музея собрание книг и журналов от Александра Васильевича Радлова, а академик В.В. Бартольд (директор МАЭ после В.В. Радлова) выделил на эти же цели 6 тыс. руб. из сумм МАЭ [Там же. Л. 486 об.].

В МАЭ целенаправленно создавался буддийский отдел, но регулярный приток экспонатов в него, который начался с 1897 г., в основном происходил из Центральной и Восточной Азии (фрески и другие образцы древнего буддийского искусства, преимущественно собранные участниками упомянутых выше Туркестанских экспедиций). Эта тематика интересовала многих зарубежных специалистов, в том числе немецкого профессора А. Грюнведеля, который неоднократно участвовал в соответствующих российских археологических экспедициях и собрал экспонаты для Берлина. В 1908 г. он был избран иностранным почетным членом-корреспондентом Императорской Академии наук [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 415].

Восточноазиатский и Европейский отделы МАЭ росли особенно интенсивно и систематически. Иначе обстояло дело с индийским и индокитайским отделами, но теперь положение начало изменяться.

> *«Благодаря энергии В.В. Радлова эти отделы, насчитывавшие ранее по 1–2 предметам (две ступки из слоновых клыков и резной ящик), приняли характер систематических коллекций. Государем Николаем II были пожертвованы сиамские вещи (предметы роскоши), д-р Ягор из Берлина подарил богатую коллекцию из Индии, лейпцигский профессор Ганс Мейер поднес Музею богатейшую (до 400 пр.) коллекцию индокитайских одежд, с Международной рыболовной выставки поступила коллекция сиамских рыболовных принадлежностей, от А.Н. Казнакова, барона Стаэль фон-Гольштейна и русского консула Некрасова в Бомбее поступили, наконец, коллекции по брахманизму. В последнее время есть надежда и на приобретение большой коллекции с Цейлона, Сиама, Китая и Япо-*

нии, собранной Н.И. Воробьевым — таким образом, и маленький цейлонский отдел, едва намеченный в Музее и являющийся в зародыше (коллекция от братьев Хэт, купленная с Костюмной выставки в 1907 г.), будем надеяться, разовьется и представит нам один из интереснейших в этнографическом отношении уголков мира. Оба отдела — Индийский вместе с Цейлоном и Индо-Китаем, связывающий азиатский культурный пояс с полукультурной Индонезией, в настоящее время насчитывает примерно до 1 тыс. предметов» [Музей антропологии и этнографии… 1907: 87, 88].

В отчетах МАЭ этого периода об южноазиатских коллекциях не упоминается. В 1907 г. Индия включена в один раздел с Китаем, Японией, Кореей и Индокитаем, но никаких конкретных фактов об особо выдающихся индийских вещах не приведено.

Тем не менее сдвиги и здесь действительно происходили. В 1902 г. зарегистрирована (а значит, подготовлена к экспонированию и введению в научный оборот) коллекция № 710, поступившая в дар от барона П.Л. Шиллинга фон Канштадта (1796–1837) еще в 1841 г. и содержащая индийские предметы буддийского культа (три номера). Коллекция № 731, купленная у упомянутых братьев Хэйт из Бомбея, содержащая очень простые, но редкие предметы (костюмы, украшения рыбаков из Махараштры, а также куклы, изображающие представителей этой касты — 20 номеров), зарегистрирована в 1903 г. В том же году в коллекции № 743 зарегистрирована шкатулка из слоновой кости от неизвестного дарителя, из старинных коллекций МАЭ (возможно, из собрания самого Петра I). В коллекции № 744 — подарок доктора И.А. Штуцера: 15 пластин слоновой кости из Цейлона (материал для ремесленных поделок).

В 1904 г. в дар музею от российского консула в Бомбее В. Некрасова поступили 20 фигурок, изображающих типы индийского населения, а также чучело кобры (коллекция № 849, 21 номер); от директора Кавказского музея в Тифлисе А.Н. Казнакова — предметы индуистского и буддийского культов (коллекция № 889, 47

номеров), в 1912 г. зарегистрирована поступившая от него же коллекция вееров и сумок из Индии и Цейлона (№ 1964, 4 предмета).

В 1905 г. через Русское Географическое общество поступил предмет (коллекция № 902), до сих пор являющийся своеобразной «визитной карточкой» МАЭ: огромная фигура демона — стража входа с Цейлона (ныне Шри Ланка), которая была установлена в вестибюле музея. Существует предположение, что этот экспонат входил в число даров, поднесенных наследнику русского престола Николаю Александровичу во время его путешествия по Востоку.

Похоже, в это время был брошен клич среди востоковедов и интеллигенции Петербурга (и не только) по возможности способствовать пополнению коллекций МАЭ. Забота об этом становится престижным деянием. Академию наук, судя по всему, любили, считалось важным делать дары в академические музеи. Приходят дары (в том числе из Германии), а также поступают и предложения о покупках.

От молодого преподавателя университета санскритолога барона А.А. Сталь-фон-Гольштейна (1877–1937) в 1904–1908 гг. поступили в дар МАЭ четыре коллекции (№ 847, 905, 914 и 1776, около 50 предметов): индийские глиняные сосуды, фигурки типов населения, мраморное изображение Ганеши, образцы вышивки. Собиратель спешил с дарами и часть предметов прислал из Индии через С.Ф. Ольденбурга.

В 1907 г. получен дар от Германа Мейера (1871–1832) из Лейпцига (коллекция № 1180): 50 театральных масок (дерево, краски, лак), связанных происхождением с народным демоническим культом сингалов — основного населения о-ва Цейлон. Это собрание теперь является гордостью МАЭ: маски старинные, некоторые не имеют аналогов ни в каких других музеях мира. Позже, в 1911 г., в Индийском фонде МАЭ появилась еще одна маска — дар господина Чослева (коллекция № 1842).

В 1908 г. приват-доцентом Санкт-Петербургского университета А.С. Щепотьевым преподнесены музею два лубочных образа индуистских божеств (коллекция № 1308). Точнее, «*А.С. Щепотьев*

15 октября 1908 г. принес в дар Академии два лубочных индийских образа, приобретенных им в Мадуре в апреле сего года. Историко-Филологическое Отделение ИАН приняло решение передать лубки в МАЭ и выразить дарителю благодарность Академии» [СПФ АРАН. Ф.1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 392 об.).

От известного ботаника В.И. Липского (1863–1937) в этом же году поступила цейлонская щетка из волокна кокосового ореха (коллекция № 2093), от Вл.Вл. Святловского (1869–1927) — модель цейлонской лодки (коллекция № 1616).

В 1911 г. поступают в дар пять предметов индийского искусства от статского советника А.А. Адамова (коллекция № 1844), слон черного дерева от В.Ф. Брошеля (коллекция № 2010). Через Музей Удельного ведомства получена содержательная коллекция индийских предметов быта и культа (№ 1907, 107 номеров), собранная известным русским географом, ботаником и путешественником Андреем Николаевичем Красновым (1862–1914).

Г. Функсон в 1913 г. подносит в дар музею редкостные предметы: лук, колчан и стрелы одного из ассамских племен (нага) Индии (коллекция № 2096, 19 предметов).

Некоторые экспонаты появляются в результате обмена с другими учреждениями: например, из Ботанического сада поступает сингальская керамика, а также цейлонские предметы для сбора чая, которые были зарегистрированы в 1909 г. (коллекция № 1367, 24 номера). Собирателем этой коллекции был упомянутый выше В.И. Липский.

МАЭ постоянно ищет и находит новые возможности для пополнения южноазиатских фондов. Так, отставной унтер-офицер морской службы Иван Семенов предложил музею приобрести модели судов с Цейлона и Мадагаскара [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 332]. В 1905 г. это собрание поступило в МАЭ (коллекция № 941). Оно оказалось весьма ценным: два предмета, входящие в его состав, говорят нам о народных традициях мореплавания в тропических широтах [Лебедева, Соболева 2015].

В 1906 г. приобретена, а частично подарена, коллекция (зарегистрирована под № 1044) от сотрудника МАЭ Н.И. Воробьева,

содержащая музыкальные инструменты, игрушки, образцы плетения сингалов и тамилов Цейлона — всего 80 номеров. Н.И. Воробьев был специально командирован музеем на Цейлон для сборов этнографического материала. «[Т.К.] *Чоков, и.о. консула, оказал ему содействие*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 59. Л. 57 об.]. Некоторые из этих предметов и теперь представлены в экспозиции МАЭ.

В 1907 г. приобретены у г-жи С.А. Таренецкой две статуэтки, изображающие индуистских божеств (коллекция № 1224, регистрировал Н.И. Воробьев). В 1911 г. куплена индийская сабля у И.С. Таборовского (коллекция № 2011), а в 1913 г. — два цейлонских кинжала (у г-жи Пуаре, коллекция № 2209). В 1912 г. у инженера Гаспара Ратнера из Лондона МАЭ приобрел 18 литографий с изображениями индуистских божеств (коллекция № 2236).

Несмотря на случайный характер источников поступления, прослеживается тенденция приобретать предметы, характерные для культуры региона. И это не только тенденция, но и принцип. Потенциальным собирателям коллекций сотрудники МАЭ в этот период посылали инструктивные письма, давали консультации. Эти советы превращали даже далеких корреспондентов в исследователей, которые накапливали ценный, нередко монографический научный материал, особенно по сибирскому искусству. Этот опыт переносился и на собирательство за рубежом.

Приведем пример подобного письма от 9 декабря 1899 г. «*от исполняющего должность старшего этнографа Музея*» Д.А. Клеменца самаркандскому уездному врачу Константину Евгеньевичу Островских, который предложил свои услуги по собиранию этнографической коллекции среди узбеков, таджиков, бухарцев, но не определил условий сотрудничества.

> «*Музей не предлагает денежный аванс: перерасход бюджета, не знакомы с Вами и с коллекциями.*
>
> *Наиболее удобный для Музея способ Вашего сотрудничества был бы такой: получение коллекций, собранных Вами,*

и уплата по представленному Вами счёту их стоимости. Пересылка вещей может проводиться почтою в посылках весом не более пуда. Таковые, на основании Устава ИАН и § 60-го почтовых правил, должны быть принимаемы бесплатно.

Музей интересуется, прежде всего, домашней обстановкой, промыслами и занятиями населения. Все самодельное ценно для нас, все покупное и привозное имеет мало значения. Дорогих изделий Музей приобретать не имеет средств; нам доступно только повседневное.

Желательно было бы иметь орудия земледелия местной работы, изделия из кожи, образцы тканей. Справьтесь, сколько могут стоить ткацкие для тканей и ковров, пряжи для выпрядения ниток бумажных и шерстяных, красильные вещества.

Очень интересны были бы сартовские колыбели: нет ли разницы в устройстве колыбелей между разными народами. Важны очень детские игрушки и игры взрослых. Ещё большее значение могли иметь принадлежности дервиша.

Из деревянных поделок могут быть удобны только негромоздкие вещи, важнее других между прочим производство горшочков. Равным образом, конечно, имеет большое значение одежда, особенно женская и детская.

*В Туркестанском крае теперь немало фотографов. Вы чрезвычайно обязали бы Музей, если [*бы*] узнали, от кого можно приобрести более или менее полные коллекции типов и сцен местных жителей и по каким ценам.*

И.Д. ст. этнографа Музея Д. Клеменц» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 52. Л. 83–86].

Благодаря активной разносторонней деятельности своих сотрудников музею в этот период удалось установить отношения со многими профильными учреждениями страны.

Так, в Музее Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества (Омск) имелся костюм син-

галезского / сингальского рыбака — единственный предмет из подобного рода коллекций.

> «*Ввиду этого Распорядительный Комитет Западно-Сибирского Отдела ИРГО, имея в виду, что в Музее Академии имеется во всяком случае более полная коллекция подобного рода, постановил принести в дар Музею Академии наук выше упомянутый костюм сингалезского рыбака, каковой и препровождается*».

Предмет был получен 21 октября 1901 г., о чем 24 октября доложено Академии, чтобы выразить благодарность отделу [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 50. Л. 169, 175]. В дополнение 13 декабря 1901 г. в МАЭ препровождались шляпа и сандалии к этому костюму [Там же. Л. 175]. 24 октября 1901 г. Западно-Сибирскому ОИРГО была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1901. Ед. хр. 148. Л. 312 об.].

В реальности, это было только начало формирования цейлонской коллекции. Позже целая серия предметов пополнила цейлонский отдел музея.

4 сентября 1902 г. Великая Княжна Ксения Александровна просила для Первой Международной выставки исторических и современных костюмов выдать одежду русских и других из дублетов, обязуясь вернуть их [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 101]. По завершении выставки МАЭ получил и все подаренные организаторам этнографические объекты, также манекены. Среди них имелись цейлонские и индийские коллекции от братьев Хэйт, в частности коллекция, посвященная касте рыбаков Махараштры (упомянутая коллекция № 731, 20 номеров) [Русско-индийские 1999: 110–113].

27 мая 1903 г. академик В.В. Радлов довел до сведения Отделения, что за последние два месяца текущего года профессором доктором Гансом Мейером (1858–1929) из Лейпцига принесены в дар МАЭ три очень ценные этнографические коллекции: кол-

лекция предметов быта жителей Новой Зеландии, состоящая из 35 вещей; коллекция предметов одежды народов Индокитая, состоящая из 170 вещей; коллекция костюмов бомбейских рыбаков, состоящая из 26 вещей.

> *«Ввиду значительных заслуг проф. Ганса Мейера по отношению к Музею, академик В.В. Радлов просил Отделение разрешить выдать проф Мейеру диплом корреспондента Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 130.).

3 июля 1904 г. Государь Император Николай II пожаловал Гансу Мейеру орден Св. Анны 2 ст. с бриллиантовыми украшениями.

Характерно, что этот трудно добываемый этнографический материал не только обрабатывался, но и, судя по всему, выставлялся. Так, из аванса МАЭ на март 1908 г. (200 руб.) было приобретено «*20 аршин полотна для экрана для Цейлонских масок*» — 21.03.1908 МАЭ оплатил счет Герчина на 5 руб. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Ед. хр. 29. Л. 71 об.]

Казна музею помогала недостаточно. Коллекции поступали как пожертвования частных лиц и покупались на месте. До 1907 г. МАЭ не имел возможности организации самостоятельных экспедиций (а это, по убеждению В.В. Радлова, было единственной рациональной формой собирательства) [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1910. Ед. хр. 54. Л. 37].

И все же было сделано немало, и это позволило наконец-то в 1909 г. указать Индию как область, «*требующую исполнения обязанностей специального сотрудника МАЭ*». Объясняя необходимость увеличить штат, директор В.В. Радлов сетовал, что «*один младший этнограф охватывал: славянские народы России, Китая, Японии, Индии, Сиама, Археологию. При этом дирекция еще не искала специалиста-индолога, эти обязанности предполагалось возложить на сотрудника, который будет изучать "культурные народы Азии"*» [СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 92–93 об.].

С 1905 г. переписку с собирателями о приобретении, затем — об обмене коллекциями стал вести Л.Я. Штернберг. Объем корреспонденции и география деловых контактов быстро расширялись. Некоторые контрагенты даже обращались к Л.Я. Штернбергу «*Господин Директор*». Наибольшую для МАЭ актуальность представляли коллекции и отдельные предметы из Африки и Америки, которые заполняли лакуны в коллекциях. Приобретение южноазиатских предметов в этот период составляло скорее исключение, чем правило. Заметим, что одновременно активизировался практический интерес российских востоковедов к Индии, где целая плеяда специалистов собирала оригиналы или заказывала копии рукописей на восточных языках. Эти сборы составили отделы в Азиатском музее ИАН, Публичной и университетской библиотеках и др.

История индийского отдела Азиатского музея перекликается с историей МАЭ. Азиатский музей был устроен в 1818 г. академическим хранителем Д. Функом во флигеле Главного здания Академии, обращенном к Университетской линии. В 1903 г. Азиатский музей переместился в новое помещение. Тогда даже обсуждался проект разместить его в Библиотеке Академии наук, поскольку Азиатский музей представлял собой скорее библиотеку, чем собственно музей. Там хранились рукописи на восточных языках, книги о странах Востока (в том числе по Египту и Африке), восточные монеты, камни и предметы с надписями. Этнографические предметы, которые первоначально были переданы из Кунсткамеры в Азиатский музей, позже вернулись в Этнографический музей. Дирекция МАЭ, в свою очередь, регулярно передавала профильные предметы в Азиатский музей.

Академик В.В. Радлов возглавлял Азиатский музей в 1885–1890 гг. 2 мая 1907 г. он вновь принял заведование Азиатским музеем на время пребывания академика К.Г. Залемана за границей [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1907. Ед. хр. 154. Л. 338 об.].

В академическом Азиатском музее «*скромное собрание рукописей на индийских языках пополняется случайными и редкими поступлениями, отчасти копиями, заказанными в Индии для*

работ русских индологов». В 1914 г. каталог этих рукописей готовил к печати Н.Д. Миронов. В своих отчетах Азиатский музей указывает пожертвованную бароном А.А. Сталь-фон-Гольштейном в 1906 и 1908 гг. коллекцию из 178 санскритских и одной пенджабской рукописей, а также одну на неизвестном наречии. В 1907 г. скончался в Ашхабаде индийский торговец Хаса-Джас, от которого было получено 24 рукописи. В 1910 г. за 1000 руб. куплено 15 единиц хранения от Н.И. Воробьева (Сиам, Цейлон). 16 тамильских рукописей в 1913 г. прислал М.С. Андреев. Но самым драгоценным достоянием считались древние рукописи, добытые в Китайском Туркестане *(«буддийский сборник изречений Dharmapada на пракритском языке, писанный на березовой коре, являющийся, по всей вероятности, древнейшей из известных доселе индийских рукописей; приобретен для генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского»*). Значительная часть этих рукописей была описана и издана С.Ф. Ольденбургом [Музей антропологии и этнографии... 1917: 230–233].

В 1909 г. общее количество вещей в МАЭ выросло почти втрое (увеличившись на 8 тысяч предметов только за последний год). Предметов из Южной Азии было по-прежнему мало. Они находились в ведении младшего этнографа Б.Ф. Адлера (1874–1942), который одновременно должен был заниматься славянскими народами России, Китаем, Японией, Индией, Сиамом, а также археологией [СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 93 об.]. Предполагалось, что в дальнейшем в музее будет введена штатная единица специалиста по культурным странам Азии. Но особых планов по изучению Индии в МАЭ пока не строилось.

В 1909 г. произошло очень важное для МАЭ событие: по инициативе В.В. Радлова с разрешения Государственного Совета был создан Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Первое заседание Совета состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя Совета директора МАЭ В.В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга и почетного члена Ф.Ю. Шотлендера (1851–1914) [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1910.

Ед. хр. 157. Л. 362.]. Личный состав Совета постепенно пополнялся. Почетным Председателем в 1912 г. стал «*Его Императорское Высочество Князь А.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский*». За первые четыре года Совет выделил на нужды МАЭ 136 тыс. руб.

Совет немало способствовал расширению сферы деятельности МАЭ, пополнению его коллекций, развертыванию экспозиционно-выставочной и издательской деятельности. К сожалению, этот аспект истории МАЭ до сих пор исследован очень мало.

С помощью Попечительного Совета (а именно на средства Ф.Ю. Шотлендера) в том же 1909 г. был создан новый отдел. В записке В.В. Радлова Государю Императору, доложенной на Историко-Филологическом Отделении, предлагалось к трехсотлетнему юбилею Дома Романовых (к 1913 г.) открыть Галерею Петра Великого в МАЭ. Для ее устройства были выявлены и соединены все коллекции и предметы научного характера, имеющие отношение к особе Петра I, но до того времени хранившиеся в различных музеях и учреждениях. А для размещения данной экспозиции был специально надстроен третий этаж [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1909. Ед. хр. 8. Л. 2). Заведующим этим отделом 6 октября 1910 г. был избран надворный советник Н.И. Воробьев, ранее предложивший идею создать в МАЭ Галерею Императора Петра Великого [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1910. Ед. хр. 157. Л. 397 об.). Создание этого отдела имело для развития МАЭ огромное значение. 5 марта 1913 г. Галерею Императора Петра I посетил император Николай II. Он поддержал проект передачи МАЭ исторического здания Кунсткамеры после вывода оттуда Библиотеки Академии наук [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Л. 464 об.], что и было реализовано в 1923 г.

Личные вкусы и интересы попечителей позволяли сотрудникам музея привлекать их к широкому спектру программ. Так, почетные члены Совета причисленный к Государственной Канцелярии дворянин Борис Александрович Игнатьев (1887–?) (*«утвержден в сем звании Августейшим Президентом ИАН 12 декабря 1913 г.»*) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 44. Л. 27] и текстильный фабрикант Карл Карлович Шейблер (1888–

1934) (утвержден 24 февраля 1914 г.) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 44. Л. 31 об.] имели в числе приоритетов Индию.

Обменных коллекций из Индии другие музеи (кроме Берлинского музея народоведения) больше МАЭ не предлагали. Музею требовались цельные, научно собранные и описанные собрания. Наилучшие результаты, по мнению В.В. Радлова и других устроителей музея, мог дать только «экспедиционный» способ приобретения коллекций.

В 1910-е годы МАЭ удалось начать целенаправленную работу по приобретению коллекций в Южной Азии. Одновременно несколько человек предложили свои услуги в этом плане.

Завязал деловые отношения с МАЭ Джон (Йон) Гагенбек (1866–1940), младший брат знаменитого гамбургского торговца дикими животными Карла Гагенбека. Сбежав в юном возрасте из дома в Южные моря, он сделал там успешную карьеру как торговец перламутром. Поселившись в 1891 г. на о-ве Цейлон, он прожил там 25 лет и заложил базу первого зоопарка в районе Коломбо (Дехивала). Письмом из г. Коломбо от 7 марта 1912 г. Дж. Гагенбек предложил МАЭ приобрести этнографическую коллекцию с Андаманских островов (49 предметов культа, оружия, украшения, среди которых есть экземпляры ценные и редкие) за 750 марок, а также недорого — цейлонские маски и оружие [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8. Л. 30 об.]. Как свидетельствует письмо от 28 мая 1912 г., он согласился на сумму в 500 марок, которые МАЭ должен был перевести Карлу Гагенбеку в Штеллинген, и даже организовал перевозку четырех ящиков в Гамбург и далее в Петербург [Архив описи МАЭ № 1997]. Эта андаманская коллекция МАЭ № 1997 состоит из 91 предметов [Соболева 2007: 179–203].

К 300-летию Дома Романовых в Главную Дирекцию Императорского Русского Географического общества поступило 24 индийских музыкальных инструмента от Радж-Кумар Шиама Кумар Тагора из Калькутты. Была создана комиссия для их оценки, и 24 сентября 1914 г. вещи было решено передать в Консерваторию [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8. Л. 45].

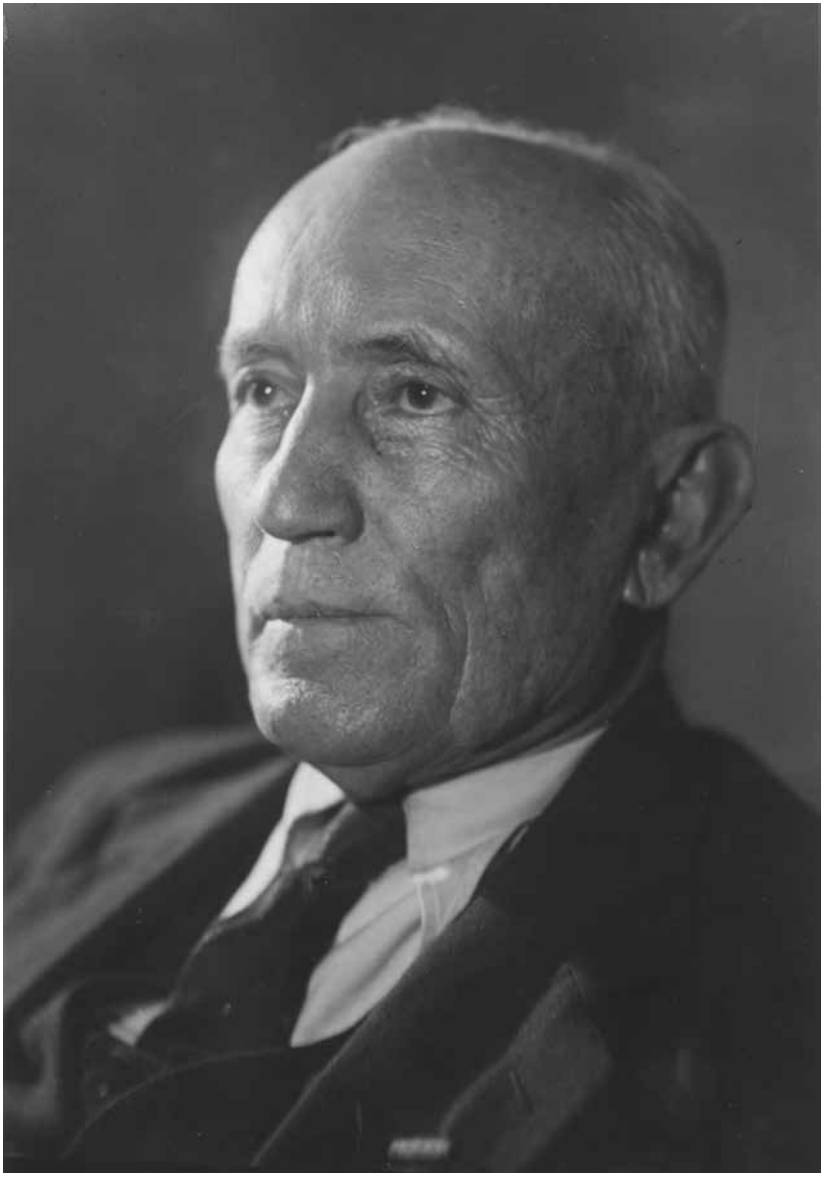


Рис. 1. Портрет М.С. Андреева (СПФ АРАН. Х. Оп. 1-А. Д. 116. Л. 1)

В 1905–1914 гг. МАЭ завязывает и отношения с Михаилом Степановичем Андреевым (1873–1948), служившим некоторое время при Императорском Генеральном консульстве в Бомбее. Подробности этих отношений будут изложены в последующих разделах. В те годы для музея российских товаров при консульстве ожидали присылки экспонатов от ситцевой мануфактуры К.К. Шейблера, позже ставшего попечителем МАЭ [Шуваева 2000]. И сам М.С. Андреев становится собирателем коллекций для МАЭ. Заинтересовавшись образцом старинного индийского зодчества (богатый резной деревянный дом в городе Насик, Махараштра), он приобрел наиболее сохранившуюся его часть на собственные деньги и, по рекомендации профессора Ф.И. Щербатского[1], отправил этот редкий экспонат в МАЭ (коллекция № 1789). Впоследствии музей с помощью М.С. Андреева смог обрести еще две уникальные (и в этнографическом, и в художественном отношении) коллекции. Это собрание южноиндийских деревянных рельефов (части священной храмовой колесницы) и металлической пластики (почти 300 ценнейших предметов, коллекция № 2055) и содержательный комплект бытовых предметов из Южной Индии (коллекция № 2814).

Когда группа слушателей Петербургского Психоневрологического института собралась отправиться в научную экспедицию в Индию и Японию, руководство МАЭ ходатайствовало о них перед Правлением Добровольного Флота. И 20 марта 1913 г. студентам было предоставлено право проезда от Одессы до Владивостока и остановки в попутных портах за плату со скидкой 25 % от установленной тарифом. В поездку собирались Борис Эйсурович, Даниил Лурье, Генрих Шлегель, Антонина Кравцова, Сергей Гейман, Иван Казанский, Исаак Розенталь, Николай Щелкунов

[1] Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942) — видный российский и советский индолог и тибетолог, академик РАН с 1918 г., считается одним из основателей российской школы буддологии. Перевел и издал ряд санскритских и тибетских текстов. Пользовался авторитетом в научных кругах благодаря широкой эрудиции в области индоведения.

и Георгий Барметов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 65. Л. 68]. Сергей Вениаминович Гейман (1887–1975), мещанин Иркутска, передал в МАЭ предметы, собранные во время этого путешествия, в том числе и из Индии (коллекция № 2256, шесть номеров). А в 1914 г. он отправился в Южную Америку в составе так называемой Студенческой экспедиции, успешно там работал, собрал коллекции для МАЭ, поддерживал активную переписку с Л.Я. Штернбергом.

Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970), магистр персидской словесности, прибыл для сбора книг в Индию в 1913 г. К тому времени он уже приобрел для МАЭ несколько коллекций в Персии. 27 марта 1913 г. он писал из Калькутты:

> *«Милостивый государь! Из Персии мне пришлось совершить путешествие через Месопотамию и Персидский залив в Индию. Я теперь нахожусь в Калькутте, где и думаю побыть несколько месяцев. А потому я опять хочу предложить Музею свои услуги, по примеру прошлых лет, в качестве “коллектора”.*
>
> *Разумеется, прошу точно указать, если Вам интересны такие коллекции, — что именно собирать — Индия так громадна, так подавляет своей бесконечной множественностью, что до некоторой степени трудно ориентироваться здесь.*
>
> *Конечно, редкостей здесь найти трудно — ведь сказывается Английское Правительство. Но “быт”, ежедневный, — очень богат и доступен.*
>
> *Если Вы мне хотите это поручить, то я, на этот раз, буду просить об авансе — здесь я не (в) месте своей службы, как было в Персии, а странствую, а потому у меня свободных денег не имеется. Высылайте через Русско-Азиатский Банк почтой на Генеральное Консульство в Калькутте, для передачи мне, в английских фунтах и притом имейте в виду, что письмо идет 3 недели в один конец.*
>
> *Я сам, вероятно, буду осенью в Петербурге и постараюсь выяснить все то, что будет не совсем ясно в письмах. В.А. Иванов»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 67. Л. 105–106].

От В.А. Иванова поступили две коллекции: № 2429 (медные печати и планы городов, пять предметов) и № 2544 (лубочные изображения божеств и другие предметы культа, 16 предметов) — зарегистрированы соответственно в 1915 и 1916 гг.

Дирекция МАЭ выразила В.А. Иванову благодарность (правда, за персидские коллекции), но 21 апреля 1914 г. отказалась от его услуг, так как в это время в Индию на два года отправлялась экспедиция Мервартов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 358]. В 1914 г. В.А. Иванов был зачислен на временную работу в Азиатский музей ИАН, для которого впоследствии собирал рукописи и книги, в том числе и в Индии.

О южноазиатских коллекциях в официальных публикациях МАЭ в те годы специально не писали, но в сводной таблице № 5 значится, что на 1913 г. в отделе Индии, Цейлона, Сиама и Бирмы числилось 39 коллекций и 1702 предмета (причем 1225 предметов были получены в дар, 472 куплены). До 1889 г. было известно всего о двух коллекциях, состоящих из пяти предметов (четыре — из Кунсткамеры, один получен в дар). Все имеющиеся вещи были уже зарегистрированы (кроме одного предмета) [Музей антропологии и этнографии... 1917: 297]. Для сравнения: всего за 25 лет в МАЭ поступило 130 698 предметов [Там же. С. 292–293].

Изменилась система сборов этнографических материалов, началась, как мы уже упоминали, активная планомерная деятельность. Так, для сборов коллекций для МАЭ привлекались участники экспедиций Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии (образован в 1903 г. под председательством В.В. Радлова). При этом многие командированные лица получали инструкции и подготовку в МАЭ (например, участники экспедиций академика С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и др.) [Там же. С. 258–259].

Наступает и новый этап в организации индологического направления в музее. Была задумана специальная экспедиция на Цейлон и в Индию. Этот замысел имел далеко идущие перспективы как в научном, так и в музейно-административном плане.

В.В. Радлов с самого начала своей деятельности в музее ратовал о расширении экспозиционных площадей МАЭ. Он стал Председателем Комиссии по переустройству библиотечного здания для приспособления его под помещения нескольких отделов МАЭ. Членами комиссии были С.Ф. Ольденбург, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, приглашенными — ст. этнограф Л.Я. Штернберг, архитекторы Г.Д. Гримм и С.М. Грузенберг. В.В. Радлов предполагал перевести в библиотечное здание бывшей Кунсткамеры отделы Китая, Японии, Америки, Индии, антропологии и археологии, Галерею Петра Великого [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 377, 382–382 об.].

В.В. Радлов свидетельствовал:

> *«Необычный рост Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого за последние годы приводит к необходимости принять самые быстрые и решительные меры к расширению ныне занимаемого им помещения. Все выставочные отделы Музея настолько переполнены, что дальнейшее размещение прибывающих коллекций стало совершенно невозможным. Между тем как экспедиции, так и частные пожертвования беспрерывно увеличивают число новых коллекций. Магазинное отделение Музея переполнено десятками тысяч предметов, оставшихся не выставленными за недостатком места. Уложенные в сундуки, которые нагромождены от пола до потолка, объекты становятся недоступными для обработки и обозрения специалистами. Ко всем этим затруднениям присоединяются отсутствие самых необходимых вспомогательных помещений для ученого персонала Музея. В настоящее время работают в музее постоянно человек 12, не считая случайных работников»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 379 об.].

Решался вопрос о выводе Библиотеки Академии наук из исторического здания Кунсткамеры (для книжных хранилищ строилось новое здание). В.В. Радлов предложил логичное и убе-

дительное обоснование права МАЭ на здание Кунсткамеры. Еще в 1910 г., открыв Галерею Петра Великого, он предложил продолжить увековечение темы императорского коллекционирования.

После того как от В.В. Радлова в 1913 г. поступило предложение о переводе ряда экспозиций МАЭ (отделы Китая, Японии, Америки, Индии, антропологии и археологии) в другое помещение [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 377, 382–382 об.], Почетный председатель Попечительного Совета А.Г. Романовский обратился к Историко-Филологическому отделению ИАН 29 января 1914 г. с рядом конкретных предложений, в том числе о переводе Галереи Петра Великого в переустроенное здание Кунсткамеры, а также «*о наименовании залы отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества Государя Императора, залами Его Императорского Величества Императора Николая II*» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 20].

Речь шла о тех самых коллекциях (около 250 индийских предметов), которые еще в 1896 г. были переданы в МАЭ, а привезены Николаем Александровичем в бытность его цесаревичем из путешествия на Восток в 1890–1991 гг. В основном это были образцы индийских ремесел: изделия из мрамора, серебра, бронзы, слоновой кости, черного дерева, образцы тканей, вышивки. В составе этого собрания имелись также различные виды традиционного индийского оружия (катары, палицы, ритуальные мечи), старинный шлем. Именно это собрание сочли главной базой для создания в МАЭ специального индийского отдела. Но эти предметы имели скорее художественно-историческую ценность.

Было учреждено Особое Совещание по обсуждению перестройки здания библиотеки АН (по докладу Министра Народного Просвещения 25 мая 1913 г.) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 67. Л. 193]. Его членами стали архитекторы А.М. Мюллер и Р.А. Берзин, сотрудники МАЭ Л.Я. Штернберг и С.М. Дудин (задачу эту они решали с 1914 по 1922 г.) [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1922. Ед. хр. 170. Л. 234 об.].

Претендовать на освобождающееся здание Кунсткамеры МАЭ мог и вследствие своего бурного роста. Приведем выдержку из справки от 3 декабря 1914 г.

«В Канцелярию Русского музея имени Императора Александра III. Согласно просьбе Этнографического Отделения Русского Музея имени Императора Александра III, сообщаем следующие сведения.

1) Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого занимает площадь в 580 кв. саж. и 6 кв. аршин, заключая 7 зал, причем 1 зала в особом здании.

2) Количество предметов — до 150.000.

3) Служителей постоянных, обслуживающих все нужды Музея, как по охране и надзору за публикой, так по специальным работам при регистрации, фотографированию и т.п. — 9, причем в дни, когда Музей открыт для публики, прикомандируются из общей команды Академии 3 чел. Кроме того, имеется особый служитель для столярных работ.

4) Годовое число посещений до 30.000. Музей открыт круглый год 4 раза в неделю, 2 раза платно, 2 раза бесплатно, и кроме того для школ и экскурсий Музей открыт в всякое время.

Старший этнограф Л. Штернберг» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 11].

Публика также проявляла к МАЭ повышенный интерес и выражала недовольство тем, что попасть туда было сложно. «Биржевые ведомости» 20 мая 1915 г. сообщали, что с 21 мая МАЭ опять закрывался на ремонт.

Показательна заметка Н.П. Ред «О музее Академии наук (письмо в редакцию)»:

«И это всё? За 50 лет? — спросил я. — Нет, — ответили мне. — Есть еще вещи на складе. Но они не разобраны. А, кроме того, недостаток помещения» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1915. Ед. хр. 8. Л. 14].

Экспонаты по Южной Азии отражали быт и культуру народов индийского субконтинента неполно, отрывочно и часто односторонне. Их было недостаточно для создания современной по методике экспонирования и научному замыслу экспозиции по Южной Азии. Поэтому задача приобретения комплексов вещей, пригодных для экспонирования, была поставлена перед организованной МАЭ специальной экспедицией на Цейлон и в Индию (от которой тогда еще не отделились Пакистан и Бангладеш).

Весной 1913 г. был выделен отдел Индии, он стал самым «младшим» из отделов МАЭ. По новому замыслу, в МАЭ должны были создать и специальную индийскую экспозицию (под Индией в те времена практически имелся в виду весь регион Южной Азии) и посвятить ей особый зал. Реализация этого плана состоялась лишь в 1923 г.

В экспозиции собирались показать сельский и городской быт, предметы материальной культуры, изделия ремесленников, культовые предметы, характеризующие религиозные воззрения и верования народов Южной Азии, образцы народного искусства. Для этого и была организована многолетняя экспедиция в Индию для изучения страны в лингвистическом и этнографическом отношениях, а также для собирания коллекций для МАЭ. Экспедиция эта была тщательно продумана и подготовлена. Несмотря на то что Первая мировая война застигла исследователей в самый разгар работы, несмотря на подозрительность местных властей и вынужденное удлинение сроков экспедиции при сокращении средств, работа была успешной. Г.Х. и Л.А. Мервартами были собраны ценные научные материалы и огромные этнографические коллекции по различным народностям Индии. Забегая вперед, скажем, что именно результаты этой экспедиции дали возможность создать задуманную экспозицию к 200-летнему юбилею РАН.

27 марта 1913 г. В.В. Радлов обратился в Историко-Филологическое отделение ИАН:

«Считая необходимым устроить в Музее специальный отдел культуры Индии и Индо-Китая и для осуществления

этого подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно было бы впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций, я с этой целью предложил рекомендованному мне специалистами доктору философии Гейдельбергского Университета, преподавателю гимназии Герману Христиановичу Мерварту, специально занимавшемуся санскритским и дравидийскими языками, научно подготовиться к предлагаемой мною экспедиции и оправиться в Берлин, чтобы работать там в течение лета в местных библиотеках и Музее народоведения под руководством профессора Грюнведеля. Ввиду этого прошу разрешить Конференции командировать г. Мерварта в Берлин с 1 мая с.г. и одновременно сделать распоряжение об исходатайствовании для него заграничного паспорта» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 367 об.].

Отправленный за консультациями в Германию Г.Х. Мерварт сообщал В.В. Радлову 22 / 9 июля 1913 г., что в Берлине проф. Грюнведель вдохновил его исследовать Цейлон, горы Нилгири, Внутренний Декан, Ориссу и Гималаи, особенно культы [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 65. Л. 263–266]. В Мюнхене директор Королевского Этнографического музея Л. Шерман также рекомендовал ему изучать демонические культы. Тем самым музеи разных стран сумели разделить между собой районы, в изучении которых они были особо заинтересованы, чтобы не распылять силы и не дублировать друг друга. В конце 1913 г. проф. Грюнведель вновь посетил Санкт-Петербург и работал в его музеях как тибетолог и буддовед [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 376].

Итак, с 1 октября 1913 г. был принят на службу по вольному найму в МАЭ с жалованием 80 р. в месяц Герман Христианович Мерварт, *«который благодаря подготовке в санскрите и дравидийских языках мог бы научно обрабатывать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 81]. Но он был при-

числен к МАЭ только 1 февраля 1914 г., затем 28 апреля 1914 г. заочно избран на сверхштатную должность младшего этнографа и утвержден в ней 10 сентября 1914 г. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 447 об.].

В феврале 1914 г. личные средства на экспедицию супругов Г.Х. и Л.А. Мерварт предоставили члены Попечительного Совета Б.А. Игнатьев и К.К. Шейблер [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 12–14 об.; СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 271]. Этот крупномасштабный проект продлился гораздо дольше, чем планировалось. Вернуться на родину семье Мерварт удалось лишь в 1923 г.

Музей в марте 1914 г. удостоил своего посещения и сам император. В течение полутора часов он подробно осмотрел все отделы, выразил одобрение по поводу образцового порядка и устройства, одобрил планы реставрации и переустройства библиотечного здания не позднее 1917 г., распределив отпуск необходимых сумм на три срока в течение 1915, 1916 и 1917 гг. Было решено отложить празднование 200-летнего юбилея Музея до окончания перестройки здания бывшей Кунсткамеры и открытия Музея в новом здании до 1917 г.

В.В. Радлов сообщал в Академию наук:

> «*Имею честь доложить Отделению, что 5-го числа сего марта Его Императорское Величество Государь Император осчастливил Музей своим посещением*». Николай II «*одобрил проект реставрации и переустройства бывшего здания Кунсткамеры, предназначавшегося для упомянутого Музея, а также помещения в этом здании Галереи Императора Петра I*».

Одновременно император «*изволил выразить Высочайшее соизволение наименовать залы отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 323–324].

Во время визита, считая галерею Петра Великого собственностью императорской фамилии, император также предложил для специального надзора за ней создать особую комиссию «*из лиц персонала Музея и чинов Министерства Императорского Двора*» [Там же. Л. 323–324].

Таким образом В.В. Радлов сумел привлечь к исполнению своих грандиозных планов и замыслов по расширению и усовершенствованию музея внимание членов правящей династии [Краснодембская, Соболева 2009: 257–266].

Личная заинтересованность самого императора в делах музея, по-видимому, сыграла немаловажную роль в осуществлении различных музейных проектов, в том числе и в организации индийской экспедиции. Заметим, что Л.А. Мерварт до своего перехода в сотрудники музея служила «*преподавательницей немецкого языка в гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 260].

26 марта 1914 г. в Отчете о деятельности Попечительного Совета о Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого за 1913 г. сообщается, что перед новыми почетными членами Совета «*открываются новые щедрые перспективы*».

> «*Борис Александрович Игнатьев, Губернский Секретарь, причисленный к Канцелярии Государственного Совета, Почетный Член Попечительного Совета Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, снарядивший для Музея на свои средства экспедицию в Индию, 28 мая 1914 г. выразил желание на свой счет поехать на некоторое время в Индию, чтобы принять посильное участие в работе экспедиции и затем отправиться в Японию и Северную Америку для ознакомления с местными музеями и при случае приобрести этнографические предметы для Музея. Считая эту поездку г. Игнатьева весьма полезной для интересов Музея, прошу Отделение командировать г. Игнатьева в упомянутые страны и вместе с тем возбудить ходатайство перед*

Государственным секретарем о разрешении ему отпуска на время командировки» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 406].

4 / 17 июня 1914 г. ему был выписан от МАЭ Открытый лист [Там же. Л. 421]. Но Канцелярия МИД отказалась выдать ему дипломатический паспорт, так как Игнатьев оправлялся за границу не по Высочайшему повелению [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 42].

В продолжительную экспедицию на о. Цейлон и в Индию были командированы

«Л.А. и Г.Х. Мерварт, которым поручено, кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел им. Государя Императора. Экспедиция эта, богато снаряженная, очень успешно работала до января 1915 г. на о. Цейлон, после чего переехала в Мадрас, собрав большой научный материал и обширное собрание предметов, которое по случаю военного времени, пока, к сожалению, не может быть транспортировано и хранится в русском консульстве на Цейлоне.

На экспедицию Г.Х. Мерварта в Индию Б.А. Игнатьев выделил 13 825 руб. 14 коп.

На средства того же г. Игнатьева приобретена ценная коллекция С.Д. Андреева [правильно — М.С. Андреева. — *Авт.*] *по религии Индии, хранившаяся в Музее до сего времени условно до благоприятного для приобретения случая. На коллекцию Игнатьев выделил 2035 руб.*». [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 421–421 об.].

С начала Первой мировой войны Б.А. Игнатьев находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Красного

Креста [Там же. Л. 420 об.], все же затем еще 2 тыс. руб. были выделены им (дополнительно к музейной субсидии в 6 тыс. руб.) экспедиции Г.Х. и Л.А. Мерварт в Индию.

История борьбы В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга за коллекции, усилия Академии наук по оплате их хранения за рубежом, помощь Мервартам и их возвращение в Музей отчасти уже были описаны [Краснодембская 1983], но, безусловно, заслуживают гораздо более основательного анализа и описания в будущем.

Попечители МАЭ получали награды в соответствии своему вкладу. Так, по докладу Почетного Председателя Попечительного Совета Его Императорского Высочества Князя Александра Георгиевича Романовского Герцога Лейхтенбергского по случаю посещения Его Императорским Величеством Музея К.К. Шейблер был представлен к чрезвычайной награде с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения.

> «*Почетный Член Попечительного Совета Карл Шейблер принес в дар Музею обширнейшие собрания, исключительные по количеству и научной ценности, по народам Индонезии и сверх того участвует в финансировании многолетней экспедиции в Индию, собирающей специально коллекции для вновь образуемого Отдела Индии имени Государя Императора. На возведение Карла Шейблера в потомственное дворянство, как видно из рескрипта Его Императорского Высочества Герцога Лейхтенбергского на имя Главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества, последовало Высочайшее соизволение*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 41–42].

Но Первая мировая война оборвала многие планы. Помощь К.К. Шейблера прекратилась, поскольку он оказался во время нашествия германцев в Лодзи и, по газетным сведениям, был увезен как военнопленный в Германию [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 420 об.].

17 сентября 1916 г. по ходатайству МАЭ был выдан Открытый лист председателю Российского Теософского общества Анне Алексеевне Каменской для поездки в Индию с целью изучения местных религий, сбора предметов культа и быта [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 375]. А.А. Каменская собрала для МАЭ небольшую коллекцию металлической пластики (№ 2659, 15 номеров) и 1 октября 1917 г. вернула Открытый лист в МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 71. Л. 54].

После революции 1917 г. ситуация с приобретением зарубежных коллекций резко изменилась. До середины 1920-х годов МАЭ удалось, преодолевая огромные трудности, сохранять коллекции в Петрограде, добиваться возвращения экспедиций и воссоединять разрозненные собрания. Проблема распределения предметов и доли индийских вещей в межмузейных обменах послереволюционного периода требует особого изучения.

Как видим, международное музейное сотрудничество в *«радловско-штернбергский период»* жизни МАЭ вообще рассматривалось как норма. Именно в это время осуществлялся международный межмузейный обмен экспонатами, в котором одну из ведущих ролей играл Л.Я. Штернберг.

До недавнего времени казалось, что для осуществления подобных масштабных мероприятий было достаточно просветительских идей, а также энтузиазма В.В. Радлова и помощников. По умолчанию считалось, что финансирование новых проектов, в том числе экспедиции в Индию, осуществлялось Императорской Академией наук. Однако более тщательное и подробное изучение архивных материалов открыло много новых интересных подробностей как в отношении идей, которые лежали в основе бурной музейной жизни на стыке двух веков, и их материальной поддержки, так и в отношении организации самих научных и практических деяний. Но эта тема отдельно рассматривается в рамках нашей публикации, поэтому обратимся к материалам (кстати сказать, еще почти не введенным в научный оборот), которые характеризуют и иные стороны деятельности МАЭ тех времен в отношении индологического направления.

В Попечительный Совет музея входили влиятельные люди, осуществлялись и дарения в МАЭ коллекций от иностранцев. К их числу относился, например, упоминавшийся выше профессор Герман Мейер из Лейпцига (ему МАЭ, в частности, обязан редкой коллекцией цейлонских масок).

Собирателей и дарителей избирали корреспондентами МАЭ, а за щедрые пожертвования и оказанные музею услуги награждали российскими орденами.

Материальные вопросы, видимо, вообще было решать непросто. В переписке членов различных экспедиций с дирекцией МАЭ тема средств, субсидий, переводов всегда стоит достаточно остро. Так или иначе, В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг старались использовать любые возможности для приобретения новых коллекций. В документах, хранящихся в СПФ АРАН, обычно указывается, за счет каких средств осуществлялись эти сделки: в них перечислены суммы, ассигнованные Музею на приобретение коллекций, частные пожертвования, целенаправленные покупки, дарения.

Способствовали пересылке индийских коллекций также Российские Генеральные консульства в Бомбее, Калькутте и Коломбо. Правление Добровольного Флота разрешило перевозить грузы ИАН бесплатно на своих пароходах, а Управление железных дорог давало МАЭ значительные скидки на провоз груза; оплата проезда участников экспедиций также оговаривалась особо.

Характерно для этого периода, что все участники этого необычайного по своей активности «музейного штурма» работали, как сказали бы теперь, «в тесной спайке». Очевидно, что они стояли на общей платформе, как настоящие единомышленники, поддерживали друг друга. Л.Я. Штернберг был ближайшим помощником директора, а в ряде случаев его заменял. Так, некоторые документы вместо В.В. Радлова подписывал Л.Я. Штернберг. Или в роли представителя музея выступал С.Ф. Ольденбург.

Вновь МАЭ обращается к теме пополнения коллекций в 1923 г. Непременный секретарь Российской Академии наук С.Ф. Ольденбург доложил, что 25 мая 1923 г. утвержден Советом

МАЭ проект распределения отделов МАЭ в старом и отведенном ему новом здании [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1923. Ед. хр. 172. Л. 217 об.). Для индийских коллекций отводился нынешний зал на втором этаже.

26 июня 1923 г. Непременный секретарь РАН сообщал, что МАЭ в обмен на музейные дублетные номера (отрезы бухарских, китайских, индийских, болгарских тканей, не имеющих научного значения) приобрел коллекцию персидских тарелок (24 пр.), киргизский свадебный головной убор (саукеле), персидское стекло (6 пр.), всего 46 номеров большого научного интереса [Там же. Л. 217 об.). Но история выделения индийских предметов из фондов МАЭ требует особого исследования.

В 1925 г. в МАЭ при активном участии Л.Я. Штернберга, супругов Мервартов и других сотрудников была разработана концепция юбилейной выставки к 200-летию Академии наук и Кунсткамеры. Были выделены средства, в частности, на изготовление манекенов и моделей для новой экспозиции. Южноазиатская тематика, наконец, получила в ней достойное место. Это стало возможно именно благодаря результатам экспедиций, в т.ч. с участием М.С. Андреева, Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мервартов.

Индийский отдел МАЭ был создан в самые краткие сроки. Он не уступал другим отделам МАЭ по объему и содержательности. Научные замыслы и принципы, впервые выработанные именно в «*радловско-штернбергский*» период жизни Музея, были положены в его основу.

Даже новых — богатых и систематически собранных — коллекций было бы недостаточно для полноценного показа этнографии и культуры многочисленных народов и народностей Южной Азии. К тому же для этого не нашлось бы и площадей (в музее попросту не хватало места). Поэтому был выработан тематический принцип в создании экспозиции. Экспонаты были разделены на два основные группы — предметы материального быта и предметы духовной культуры. Внутри каждой группы было намечено несколько отраслей, по каждой отрасли предметы были распределены по большим этнографическим областям.

Для отдела Индии был отведен нынешний зал здания Кунсткамеры на втором этаже. За него еще пришлось бороться. Музей в его старом здании не располагал необходимым помещением; помещение же, отводимое для этой цели администрацией Библиотеки РАН в новом здании, было недостаточно по площади и узости дверей. Директор и Секретарь МАЭ просили Правление РАН сделать распоряжение о предоставлении для отдела Индии «*двухсветного зала первого Отделения Библиотеки. При этом Музей необходимым считал объяснить, что возьмет на себя исполнение всех возможных для него условий, какие администрация библиотеки ему доставит, для совместного пользования этим залом, буде таковое неизбежно*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923 г.). Ед. хр. 3. Л. 118].

«*Из юбилейных сумм на установку и монтировку коллекций*» 28 мая 1925 г. было уплачено Н.Ф. Вальдману 104 руб. за женскую фигуру андаманки с ребенком для отдела Индонезии, раскрашенную и в парике [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Ед. хр. 20. Л. 151], 3 июня — 80 руб. за фигуру андаманца [Там же. Л. 160], 19 августа — 8 руб. 80 коп. за одну пару рук и одну пару ног [Там же. Л. 293]; Н. Дыдыкиной 10 июня — 106 руб. за фигуру сидячую брамина и мужскую голову с наклеенной бородой [Там же. Л. 164]; А. Вернер 11 июля — 140 р. за работы для отдела Индии [Там же. Л. 225], 19 августа — за бюсты тамилки, сингалезки, пару рук для сингалезки и пару ног [Там же. Л. 295]. Тогда же С.И. Юнкер-Крамская для отдела Индии изготовила модели [Там же. Л. 317].

По ранним планам МАЭ, часть этого зала предполагалось отвести Индонезии. Однако первая экспозиция отдела Индии полностью заполнила этот зал. Экспозиция была размещена зеркально современной «Народы Южной Азии». Осмотр начинался со стороны Ротонды, левая половина зала была посвящена разным аспектам материальной культуры, домашнего быта, ремесла индийцев. Завершали эту часть экспозиции образцы первобытных культов.

Через портик из резного тикового дерева посетитель переходил на другую половину зала, посвященную духовной культуре

Индии. Эта часть экспозиции начиналась с показа «браминского» [индуистского — *Авт.*] культа: были выставлены части храмовой колесницы, а на подиуме в центре зала — модель такой колесницы. Экспонировались изображения божеств, относящихся к культу бога Шивы и разным воплощениям бога Вишну. Далее экспонаты характеризовали быт отшельников и факиров, паломничество, внешние признаки кастового и сектового деления населения. Последние 16 витрин были посвящены театру: цейлонские маски, фигуры малабарского народного театра катхакали, бенгальский театр марионеток, а также отдельно — музыкальные инструменты и образцы письменностей. Для этой экспозиции были изготовлены фигура молящегося брахмана, фигуры актеров.

В связи с открытием новой экспозиции А.М. Мервартом был написан специальный путеводитель, который представлял собой сводку современных знаний о культуре и верованиях народов Южной Азии. Основное внимание было уделено индуизму, но часть его была посвящена и буддизму, и истории появления и развития ранних народных культов, описывались их отличительные черты [Мерварт 1927].

Кроме того, директор МАЭ академик Е.Ф. Карский рекомендовал ИФО АН СССР 15 сентября 1926 г. напечатать «Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг.» А.М. и Л.А. Мерварт вместе с другими отчетами по экспедициям [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1926. Ед. хр. 175. Л. 161]. Этот «Отчет» вышел в свет в 1927 г. [Мерварт А.М., Мерварт Л.А. 1927].

Практический опыт, накопленный В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом в экспедициях и в ходе переговоров по приобретению коллекций из других континентов (Америки, Африки), очевидно, показал, что следует найти иной способ для пополнения коллекций азиатских. Южная Азия не была районом интенсивной музейно-собирательской работы зарубежных исследователей, и практика МАЭ в этом плане оказалась уникальной. Отечественные исследователи выработали свои методы полевой работы. Состав их коллекций наглядно это показывает. Не случайно

посетители МАЭ высоко ценят индийские коллекции академического музея, приветствуют их показ на временных выставках.

Нынешняя экспозиция «Народы Южной Азии» МАЭ (или «Индийская экспозиция», как ее по старинке и для краткости нередко называют сотрудники музея) оригинальна и по своему устройству. Она принципиально отличается от других экспозиций МАЭ. Уже при первоначальном ее строительстве пришлось отказаться от принятого в Музее способа размещения предметов по географическим областям, народам, а затем по их характеру и назначению. Как писал в своем путеводителе по созданному отделу Индии А.М. Мерварт, «*картина индийской культуры чрезвычайно пестра и заключает в себе как самые различные этнические элементы, так и все степени человеческого развития*» [Мерварт 1927: 8].

В ходе дальнейшего развития МАЭ экспозиция по Южной Азии перестраивалась в 1949 г. Нынешняя выставка была создана в 1998 г. При этом основная концепция отдела «Народы Южной Азии» была сохранена [Подробнее см.: Альбедиль, Кисляков, Ревуненкова 2012].

Она выдержала испытание временем. Экспозиция стала меньше, количество вещей сокращено, исчезли некоторые разделы, но тематически экспозиция выверена так, что многие лакуны теперь оказались закрыты. В целом сохранена картина индийской этнографии. Других возможностей расширить экспозицию так и не было — не появилось новых выставочных площадей, не было возможности собрать новые полноценные коллекции. Пополнение фондов в минувшие десятилетия имело место, но носило случайный характер. В новых привозах преобладают редкости, выхваченные ценности. Однако новые собиратели старались целенаправленно пополнять недостающие разделы, а также стремились показать дальнейшее развитие культуры: что именно сохранилось, а что изменилось. Собрать полные коллекции по всем народам Южной Азии остается нереальной задачей: слишком велик регион, этническая специфика больших народов размыта, они практически не имеют этнографических музеев. В отноше-

нии малых народов положение благоприятнее: об их культуре больше материалов, им чаще уделяется внимание ученых.

Авторы современной экспозиции «Народы Южной Азии» сохранили благодарное уважение к трудам предшественников, которые не только заложили основы нашего этнографического собирательства, но и осуществили основное из того, что было ими задумано. Главные установки первоначальной экспозиции сохранены и до наших дней, несмотря на все перемены и усовершенствования, хотя выставка перестраивалась в 1949 и 1998 гг. Очевидно, что идеи В.В. Радлова по-прежнему плодотворны. Это доказывается и «индийской экспозицией» МАЭ, которая уже стала классической. Она реально приближает посетителей к миру Южной Азии, а экскурсоводам позволяет многое рассказать о культуре народов этого региона. Впрочем, нельзя не признать, что сложившийся «идеал» в значительной степени вынужденный.

Многие согласятся с тем, что экспозиция МАЭ «Народы Южной Азии» дает посетителю музея разнообразные направления раздумий, побуждает человека размышлять. Здесь чужой мир приходит в наш собственный и обогащает его. Образы музейной экспозиции приближают далекую культуру к нашему посетителю. Хотя, конечно, для любознательного человека осмотром экспозиции познание такой древней и сложной культуры не может ограничиться. Для понимания многих реалий этого специфического мира необходимы пространные разъяснения, ибо диковинные (а то и самые простые) предметы многозначны, в этикетке же все написать невозможно. Поэтому предметный ряд на экспозиции теперь пополняется оригинальными аудио- и видеоматериалами. Высококвалифицированные специалисты-индологи, работающие в МАЭ, постоянно участвуют в расширении и углублении познавательной базы для посетителей Музея. Кроме собственно научных трудов, они пишут научно-популярные книги, читают лекции, вводят все новые экспонаты в научный и просветительский оборот, участвуют в подготовке экскурсий по отделу «Народы Южной Азии».

Глава 2

Михаил Степанович Андреев: путь человека и ученого

Невозможно оценить деятельный вклад М.С. Андреева в создание южноазиатского собрания МАЭ (и тем самым в российскую и особенно петербургскую индологию) без хотя бы краткого обзора его личной и научной биографии, основных периодов и важнейших моментов его жизни. Мы не претендуем здесь на какие-то открытия: личность М.С. Андреева и его научная деятельность так значительны, что к их описанию и осмыслению уже многократно обращались и до нас. Более всего — в связи с его трудами по региону Центральной (Средней) Азии. Высоко ценны сведения, сообщенные супругой Михаила Степановича А.К. Писарчик: ее статья о М.С. Андрееве была опубликована в «Трудах» Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

В 1960 г. в Сталинабаде вышла книга «Памяти Михаила Степановича Андреева», к которой прилагается список опубликованных научных работ М.С. Андреева (54 названия) и описание его научного архива [Памяти 1960].

Полезнейшим пособием стали для нас труды главных биографов Михаила Степановича — Хадичи Файзиевны и Наримана Мансуровича Акрамовых, прежде всего их книга «Востоковед Михаил Степанович Андреев», вышедшая в Душанбе в 1973 г.,

к столетию со дня его рождения и основанная на глубоком изучении множества архивных и других научных материалов [Акрамова, Акрамов 1973].

Уникальные сведения о работе российских ученых в Индии находим в трудах Т.Н. Загородниковой, прежде всего и книге «Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.» [Загородникова 1999].

В наших целях мы стремимся выявить и подчеркнуть те качества личности М.С. Андреева и события его жизненного пути, которые позволили ему достичь серьезных успехов в индологическом направлении его деятельности.

М.С. Андреев родился в эпоху экономического и культурного освоения русскими Туркестана. Его отец Степан Митрофанович в 14 лет стал служащим у купца из Оренбурга, который вел торговлю со Средней Азией и отправлял юношу в эти края сопровождать свои караваны. Времена были неспокойные, еще шли военные действия, и Степану Митрофановичу пришлось подолгу оставаться жить в степи, среди казахов. Он хорошо узнал их быт и выучил язык. Так что в известном смысле Михаил Степанович со своим увлечением Востоком шел по «наторенной дорожке». Его отец со временем поселился в Ташкенте.

Михаила Степановича можно отнести к разряду тех везучих людей, кто рано определяет свои профессиональные склонности и делает этот выбор успешным смыслом своей жизни. «Деятельность М.С. Андреева, — писала А.К. Писарчик, — в наибольшей степени определили две страсти — к путешествиям и к исследованию быта и культуры народов посещаемых стран. Он побывал во многих районах России — от Сибири до Кавказа, но больше всего путешествовал по Туркестану и прилегающим к нему странам и регионам» [Писарчик 1977: 126].

Дата рождения М.С. Андреева — 11 (24) сентября 1873 г. Для получения образования он был отправлен родителями, хотя и небогатыми людьми, в Ташкентскую мужскую гимназию, где проучился шесть лет. Однако он прошел лишь четыре года основного гимназического курса. В 1889 г. он перешел учиться в созданную

незадолго до этого Туркестанскую учительскую семинарию, так как там была хорошая возможность изучать несколько восточных языков (персидский / таджикский, узбекский и даже арабский), к чему у юноши проявился особый интерес.

> «*Я почувствовал некоторый интерес к местным языкам, которые я не знал, и начал стремиться к их изучению. Это тогда было для не имеющего руководства и пособий мальчишки очень трудно, вернее даже невозможно. Я оставил поэтому гимназию и перешел в местную учительскую семинарию, где тогда преподавались местные языки*» (цит. по: [Акрамова, Акрамов 1973: 32]).

Сама судьба словно бы благоволила к М.С. Андрееву, исполняя многие его замыслы и, в частности, положив на его жизненном пути ряд знаменательных встреч с людьми, которые могли способствовать его профессиональному совершенствованию.

Так, в то время, когда М.С. Андреев поступил в ташкентскую Туркестанскую учительскую семинарию, там, в частности, преподавал Владимир Петрович Наливкин (1852–1918). Это была видная фигура российских туркестанских кампаний времен М.Д. Скобелева. В.П. Наливкин — участник известных хивинского и кокандского походов 1873–1875 гг. Фактически он явился и одним из первых российских востоковедов-практиков, знатоком языков и культуры народов Средней Азии. Его глубоко интересовали эти предметы и, выйдя из армии в отставку (из-за нравственных несогласий с методами действий М.Д. Скобелева), он перешел на гражданскую административную должность помощника начальника Наманганского уезда Ферганской области и значительную часть своей жизни посвятил их изучению.

Но впоследствии он оставил и эту службу и сосредоточился на этнографическом и лингвистическом изучении края, а также на просветительской (в чем-то и «культуртрегерской») деятельности. Вместе со своей женой (М.В. Наливкиной) он занялся исследованием социальных отношений у местного населения,

в частности, они в деталях описали общественное положение и быт женщин оседлых жителей Ферганской области.

В.П. Наливкин работал в «русско-туземной» школе в Ташкенте, а через некоторое время стал преподавать узбекский и таджикский языки в упомянутой Туркестанской учительской семинарии, которая, в частности, готовила преподавателей уже для сети русско-туземных школ. Позже он занимал некоторые важные административные должности (с 1890 по 1895 г. — должность инспектора народных училищ Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского края, а с 1901 г. — помощника военного губернатора Ферганской области), но продолжал и научную деятельность. Им был написан ряд трудов. «Краткая история Кокандского ханства» после издания в 1886 г. в Казани в 1899 г. была переведена на французский язык и опубликована в Париже. Были работы по истории, современному положению и задачам народного образования в Туркестанском крае и др. Подготовлен и издан ряд учебно-методических пособий и словарей (узбекско-русский и русско-узбекский, персидско-русский и русско-персидский), грамматика узбекского языка.

В.П. Наливкин принял активное участие и в общественно-политической жизни края. Так, 19 июля 1917 г. он занял должность председателя Туркестанского комитета Временного правительства и тем самым получил всю полноту местной исполнительной власти. Но в дальнейшем его политическая карьера не сложилась, личные надежды и политические взгляды не оправдались. И 20 января 1918 г. он по собственной воле ушел из жизни.

Несомненно, что вклад В.П. Наливкина в культурную историю края был очень значителен, его научная и преподавательская деятельность составляют в ней незабываемую страницу. Очевидно и то, что этот военный, ученый, практик оставил здесь часть своей души, во многих его поступках сквозит искренняя любовь «к земле и людям Туркестана». Очевидно, что этот пример оказал немалое влияние на М.С. Андреева, который называл В.П. Наливкина прекрасным преподавателем и ценил его как известного знатока языков и быта Средней Азии. И о самом М.С. Андрееве

тоже можно сказать, что он всей своей душой был по-настоящему привязан к этому краю.

В мужской учительской семинарии, куда Михаил Андреев был принят по конкурсу (успешно сдал вступительные экзамены), курс обучения длился четыре года. Программа занятий была достаточно широкой: здесь преподавались, кроме местных, русский и церковно-славянский языки, закон божий, русская и общая история, а также география, физика и математика, черчение, рисование и другие дисциплины, даже пение и музыка.

Здесь обучали столярному и сапожному ремеслу, а наряду с этим — восточной каллиграфии. В семинарии готовили преподавателей для местных русских и «русско-туземных» школ, с выраженной целью «обрусения» местного населения. В известном смысле это была некая особая арена взаимного узнавания разных культур.

Для М.С. Андреева узнавание Востока составляло главную задачу. Поэтому встреча с опытным в этом отношении В.П. Наливкиным была для него настоящим подарком. Когда же уровень преподавания местных языков в семинарии перестал его удовлетворять (это случилось после ухода Наливкина из училища), он стал самостоятельно пополнять свои знания в области языков и культуры народов Средней Азии. Это было замечено начальством семинарии, и В.П. Наливкин, узнав об усердии и заинтересованности ученика, начал давать ему уроки у себя на дому.

Страсть к путешествиям и полевым исследованиям культуры и быта местных народов зародилась у М.С. Андреева с тех семинарских лет. Даже время болезни (бронхит и плеврит), вынудившей его родителей послать сына в киргизский горный аул «на кумыс», было использовано им для изучения языка и быта еще одного восточного народа — киргизского. Возможно, в этом также сказалось руководство В.П. Наливкина, который инициировал летние (каникулярные) выезды семинаристов в различные населенные пункты для сбора этнографических и фольклорных материалов, что развивало у учащихся комплексный подход к изучению культуры местных народов. Во всяком случае, для

М.С. Андреева этот подход стал главным и обязательным во всей его самостоятельной научной работе.

Обучаясь в семинарии, М.С. Андреев искал для себя иных источников познания местных культурных традиций и для этого поступил в ташкентское медресе Ишан-Кули-Додхо. Это было необычным поступком и вызвало удивление и уважение учащихся и преподавателей. М.С. Андрееву удалось сблизиться с казием и мударрисом медресе, договориться об уроках языков и литературы Средней Азии, которые он получал в течение более двух лет. Они помогли ему усовершенствовать теоретические и практические филологические знания. Сам М.С. Андреев считал, что учеба и знакомства в медресе открыли ему «реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи» местных людей.

> «*В общем, это как-то хорошо открыло и мое сердце, и приучило уважать и хорошо относиться к людям, и видеть в них доброе и хорошее там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении которых я вырос в детстве*» (цит. по: [Акрамова, Акрамов 1973: 36].

По окончании в 1893 г. семинарии М.С. Андреев был назначен заведующим вечерними курсами при Ходжентском приходском училище, одновременно он стал преподавать местные языки в той семинарии, которую только что закончил. Вскоре он совершил и свои первые поездки с научно-исследовательскими целями по горной части Ходжентского и Самаркандского уездов, проявляя интерес как к этнографии, так и к археологии. И его увлечение наукой было вскоре же вознаграждено открытиями (надписей в Ворухском ущелье и др.). Продолжил он и лингвистические занятия: так, в 1895 г. совершил поездку в Бухару для изучения таджикско-бухарского наречия, проделав непростой в те времена путь через Самарканд, частично по железной дороге, а в основном — верхом.

И снова М.С. Андреева ждала знаменательная встреча, во многом определившая дальнейшую жизнь. В 1896 г. он поступает (по рекомендации от В.П. Наливкина) секретарем на службу

к А.А. Половцову, чиновнику особых поручений Министерства внутренних дел, совершавшему деловые поездки по Сибири, Средней Азии и Закавказью для изучения «переселенческого дела». Александр Александрович Половцов (1832–1909), дворянин, некогда получивший образование в Петербургском училище правоведения, важный сановник, близкий к самым высоким слоям общества, любитель прекрасного, коллекционер, эрудит, сделавший большую государственную карьеру и много послуживший российской науке и культуре. Он участвовал в создании художественно-учебного училища барона А.Л. Штиглица, был инициатором образования в 1865 г. и многие годы главой Русского исторического общества. На его средства издавался энциклопедический «Русский биографический словарь» со сведениями о жизни и деятельности выдающихся деятелей России, он явился главным собирателем и спонсором музея при училище А.Л. Штиглица. Он оценил выдающиеся способности и знания М.С. Андреева и принял участие в его судьбе. Во многом замыслы и вкусы этих людей совпадали, прежде всего это проявлялось в остроте и широте научно-исследовательских интересов, в неутомимости познавательного труда.

Видимо, с одобрения А.А. Половцова М.С. Андреев и в служебных поездках по краям Средней Азии продолжал научные исследования, а также сбор коллекций. В декабре 1896 г. в Ташкенте был создан Туркестанский кружок любителей археологии. М.С. Андреев был в числе его организаторов и затем — активнейшим участником на протяжении всего существования кружка (до 1917 г.), выступая на заседаниях с докладами, исполняя изыскательские поручения.

В 1898 г. М.С. Андреев был приглашен и принял участие в Турфанской экспедиции Российской академии наук, организованной В.В. Радловым и возглавленной Д.А. Клеменцем, которая увенчалась блестящими результатами. В октябре 1899 г. совместно с А.А. Половцовым он произвел раскопки, тоже с интересными находками (оссуарии из дома Максума Фузаилова), в Самарканде. И впоследствии почти ежегодно, хотя бы раз в году,

М.С. Андреев совершал научно-исследовательские и собирательские поездки по Средней Азии.

Сопутствуя А.А. Половцову, М.С. Андреев в 1897 г. побывал в Петербурге, где смог познакомиться с крупнейшими российскими востоковедами — иранистом К.Г. Залеманом, тюркологом В.В. Радловым, индологом С.Ф. Ольденбургом. По-видимому, он имел с ними серьезные собеседования, в том числе состоялись языковые занятия. Впоследствии эти ученые давали очень благоприятные отзывы о нем как о востоковеде. Биографы К.Г. Залемана даже относили М.С. Андреева к числу учеников известного ираниста. Зиму 1898–1899 гг. М.С Андреев в качестве секретаря А.А. Половцова провел в Париже, где, надо думать, не упустил шанса потренироваться в живом французском языке. Он любил изучать языки и владел многими, не только восточными, но и западными: у него был природный талант лингвиста. О М.С. Андрееве рассказывали, что он так хорошо владел языками и даже диалектами жителей Средней Азии, что «каждый собеседник считал его своим соплеменником» [Акрамова, Акрамов 1973: 49]. Совпадение научных интересов А.А. Половцова и М.С. Андреева проявилось, в частности, в их общем труде, вышедшем в свет в 1911 г. [Андреев, Половцов 1911].

А.А. Половцов не оставлял вниманием М.С. Андреева практически до конца своей жизни. Этот государственный человек (а он с 1883 г. в течение девяти лет был государственным секретарем, имел звание статс-секретаря императора Александра III, являлся влиятельной персоной в Государственном совете) способствовал продвижению М.С. Андреева по службе в серьезных государственных целях. В частности, вероятно, по его рекомендациям интерес к М.С. Андрееву проявило Военное министерство. Когда в 1905 г. А.А. Половцов был назначен российским генеральным консулом в Бомбее, М.С. Андреев вместе с ним в качестве секретаря (а однажды в течение двух месяцев он замещал заболевшего консула) попал в Индию, где у него, по всей очевидности, была особая миссия (см. документы №№ 172, 173) [Русско-индийские].

Этой миссии М.С. Андреева посвящена специальная статья [Загородникова 2001: 102–110]. В ней автор снимает печать умолчания с истории жизни и деятельности М.С. Андреева в этот «индийский период», которая, судя по документам, была связана с задачами российской разведки в противовес британской экспансии вблизи границ Русского Туркестана. Об этом говорит и само название его первой официальной должности по Военному ведомству — «чиновник для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края».

Согласно отчету М.С. Андреева от 22 октября 1907 г. о его деятельности в Индии (док. № 172) [Русско-индийские 1999: 231–239], он прожил в Бомбее более года, а в мае 1907 г. отправился через Дели, Агру, Лахор, Равалпинди в Сринагар. Совместно с капитаном генерального штаба П.А. Половцовым они покинули Сринагар 18 июня 1907 г. М.С. Андреев посетил Пенджаб, долину реки Джелам, Кашмир. 8 августа он выехал из Сринагара в Лех (столица Ладакха) и 17 августа прибыл в Таш-Курганский пост в Восточном Туркестане, оттуда к озеру Зоркуль по верховьям р. Пяндж 26 сентября прибыл в Ош. По пути из Кашгара до Яркенда М.С. Андреев сделал около 200 фотографий.

Состоявший при русском консульстве в Бомбее чиновник М.С. Андреев по возвращении из Индии представил туркестанскому генерал-губернатору доклад «Об английской разведочной организации в Индии и сопредельных странах». Андреев считал, что в Индии разведка англичан делится на два вида: внешнюю и внутреннюю. Он с большим уважением отзывался о постановке разведывательного дела у британцев и отмечал, что «*англо-индийское правительство не щадит на это ни денег, ни усилий*». «*Правительство умело использует информацию разведывательных учреждений о положении в стране и сопредельных государствах, благодаря чему англичане еще удерживаются*» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 92. Л. 15. Цит. по: Греков 2000].

В сфере внешней разведки, по замечанию Андреева, англичане, как правило, для выполнения заданий в азиатских государствах использовали представителей местных племен или их

единоверцев. В Афганистан засылали только афганцев, в Персию — индийских шиитов, так как персы «не будут дружить с суннитами». В русский Туркестан, по мнению Андреева, отправляли всех без разбора «*и мусульман, и индусов, так как английские подданные, приезжающие сюда по торговым делам, принадлежат к представителям обеих религий и агентам легче скрыться среди них, не возбуждая никаких подозрений*» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 92. Л. 16. Цит. по: Греков 2000].

М.С. Андреев установил имена наиболее удачливых британских разведчиков, которые неоднократно бывали в Туркестане и никем не раскрытые возвращались в Индию. Ша-Заман из племени устуриани около года разъезжал по русскому Туркестану и беспрепятственно покинул пределы империи через Кушку. Самаркандец Ходжа Абду-Саттар по заданию полковника Дина отправился в Туркестан и более двух с половиной лет жил там у своих родственников. Бывший служащий бомбейской полиции Хамид-уд-дин Ахмад преподавал индустани на курсах восточных языков в Ташкенте [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с. Д. 92. Л. 16. Цит. по: Греков 2000].

18/31 августа 1907 г. в Петербурге было подписано русско-английское соглашение о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и Средней Азии. Общество Востоковедения командировало М.С. Андреева в Среднюю Азию «*посетить южный склон Гиндукуша и изучить там местные наречия*», а также для сбора сведений о возможных рынках сбыта в Северной Индии российских товаров. Но чтобы не вызывать беспокойства британских властей в Пригиндукушском районе, товарищ министра иностранных дел гофмейстер Н.В. Сарыков в письме от 8 мая 1908 г. начальнику Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну рекомендовал командировать М.С. Андреева вместо северо-западной Индии в Китайский Туркестан [Русско-индийские 1999: 240–242].

Российское Генеральное консульство в Бомбее было открыто в 1900 г. Первый консул Василий (Уильям) Оскарович фон Клемм (1861–1938) прибыл в Бомбей 22 ноября 1900 г. Он просил прикомандировать к консульству драгомана — переводчика языка

урду (хиндустани) [Русско-индийские 1999: 27]. В конце 1905 г. России удалось добиться от Великобритании официального признания за российским представителем звания генерального консула [Русско-индийские 1999: 39].

В 1906–1907 гг. императорским Генеральным консулом в Бомбее был Александр Александрович Половцев, в 1908 г. — Альфонс Альфонсович Гейкинг (1860–1930). 26 мая 1908 г. барон А.А. Гейкинг возбудил вопрос о перемещении Генерального консульства из Бомбея в Калькутту [Российско-индийские 1999: 292], на что было получено согласие британского правительства.

Вторая поездка М.С. Андреева в Индию планировалась на конец 1907 — начало 1908 г. Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын обратился к министру иностранных дел А.П. Извольскому с просьбой создать прикрытие для М.С. Андреева. В результате была достигнута договоренность, что «*М.С. Андреев не будет ни в каком случае проживать в Бомбее — месте пребывания российского Генерального консульства. В прочих же местностях Индии М.С. Андрееву, по соглашению министра иностранных дел и начальника Генерального штаба, нахождение разрешено*» [АВПРИ. Ф. 137. Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1037. Л. 139–140 об. Цит. по: Русско-индийские 1999: 331]. Он был прикомандирован к консульству в Бомбее (при консуле А.А. Гейкинге) «*для производства разведок*» [Загородникова 2001: 105].

В иных документах и в описаниях его биографии он фигурировал и как секретарь консула, и как переводчик.

Секретарь российского Генерального консульства в Калькутте по своему характеру в действительности соответствовал вице-консулу (у французов) или Consular Attaché у немцев и австрийцев; при Генеральном консульстве предлагалось установить должность драгомана, на каковую назначался бы чиновник, знакомый с языком индустани [Русско-индийские 1999: 297].

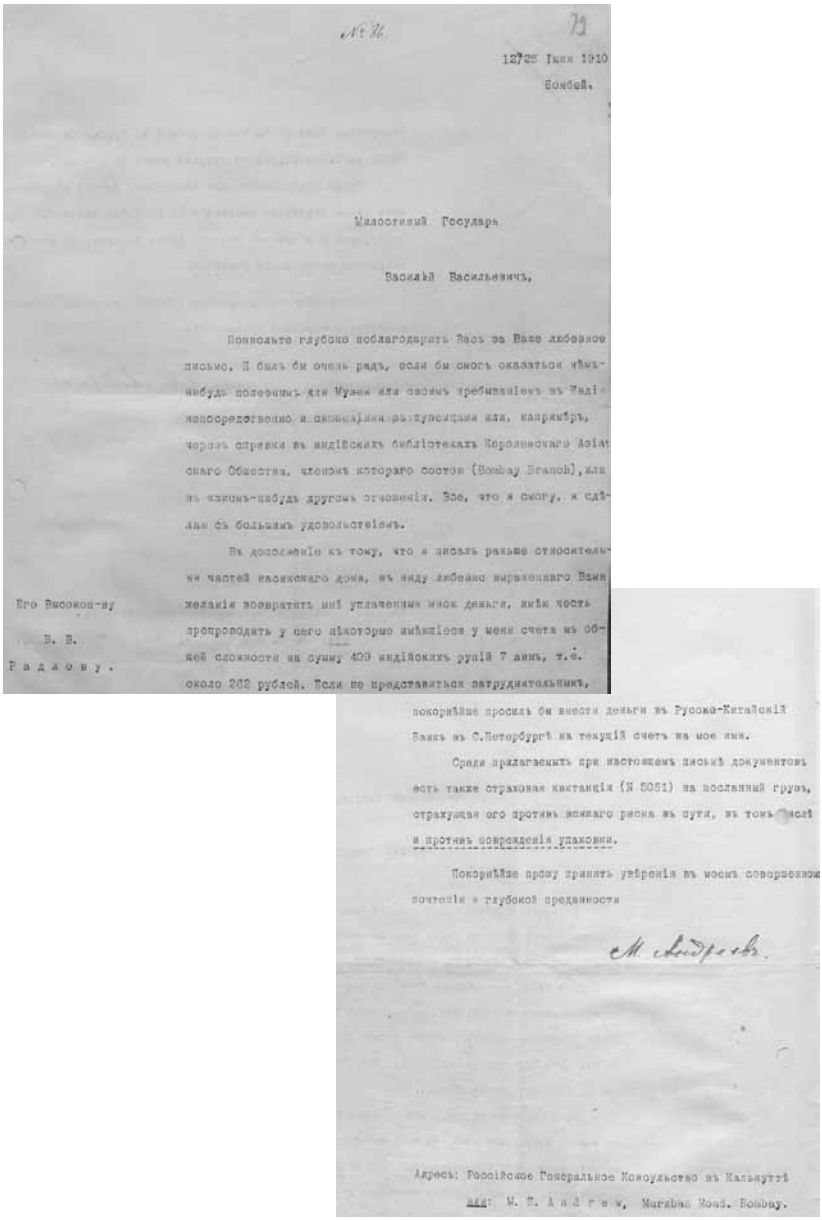
Генеральное консульство в Бомбее было упразднено в 1909 г. Императорским Генеральным консулом в Индии с местопребыванием в городе Калькутте был назначен коллежский советник Борис Константинович Арсеньев (1874–1925). Российское Гене-

ральное консульство начало работать в Калькутте 22 февраля 1910 г. Министерство иностранных дел просило экзекватуры на звание Генерального консула в их владениях на территории Индостана у правительств Франции (Пондишери, Чандернагар, др.) и Португалии (Гоа, Диу, Даман, др.), т.е. о признании Генерального консула в Калькутте консулом Российской империи и в этих колониях [Русско-индийское 1999: 299–301].

Консул (в 1910–1912 гг.) Б.К. Арсеньев рассматривал возможность оставить внештатным вице-консулом в Бомбее «*хорошо известного Императорскому Министерству по недавней обширной переписке командированного военным ведомством в Индию коллежского регистратора Андреева*». Арсеньев констатировал, что в течение последних лет в Бомбее для Андреева складывались благоприятные обстоятельства: «*Там к нему все уже давно привыкли, считая его за ученого филолога, посвящающего свои досуги посещению своих соотечественников. Переезд же его сюда вслед за Генеральным консульством может легко вызвать вполне естественное удивление, в затем и подозрение здешней полиции, кадры которой подобраны гораздо более тщательно, чем в Бомбее*».

Арсеньев высказывал опасения по поводу переезда М.С. Андреева, негласного агента Генерального штаба, в Калькутту за Генеральным консульством. Но при этом писал:

> «*Считаю своим долгом присовокупить, что, поскольку я мог заключить во время краткого моего пребывания в Бомбее, г. Андреев имеет все данные для того, чтобы с пользой для дела занять место нештатного консульского представителя нашего в сем городе. Он производит впечатление вполне культурного человека, хорошо говорящего по-английски и недурно по-французски. Отличное знакомство его с северо-западной Индией и прилегающими к ней странами, о которых здесь так трудно что-нибудь узнавать, могло бы очень пригодиться Генеральному консульству, для коего г. Андреев в качестве подведомственного ему агента мог бы служить ценным источником осведомления*» [Русско-индийские 1999: 323–324].



№ 11. 79

12/25 Іюня 1910

Бомбей.

Милостивый Государь

Василій Васильевичъ,

Позвольте глубоко поблагодарить Васъ за Ваше любезное письмо. Я былъ бы очень радъ, если бы смогъ оказаться чѣмъ-нибудь полезнымъ для Музея или своимъ пребываніемъ въ Индіи непосредственно и основаніями рекомендаціями или, напримѣръ, чрезъ справки въ индійскихъ библіотекахъ Королевскаго Азіатскаго Общества, членомъ котораго состоя (Bombay Branch), или въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи. Все, что я смогу, я сдѣлаю съ большимъ удовольствіемъ.

Въ дополненіе къ тому, что я писалъ раньше относительно частей индійскаго дома, въ виду любезно выраженнаго Вами желанія возвратить мнѣ уплаченныя мною деньги, имѣю честь пропроводить у сего нѣкоторую имѣющуюся у меня счета въ общей сложности на сумму 409 индійскихъ рупій 7 аннъ, т.е. около 268 рублей. Если не представляться затруднительнымъ, покорнѣйше просилъ бы внести деньги въ Русско-Китайскій Банкъ въ С.Петербургѣ на текущій счетъ на мое имя.

Среди прилагаемыхъ при настоящемъ письмѣ документовъ есть также страховая квитанція (N 5051) на посланный грузъ, страхующая его противъ всякаго риска въ пути, въ томъ числѣ и противъ поврежденія упаковки.

Покорнѣйше прошу принять увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи и глубокой преданности

М. Андреевъ.

Его Высокоп-ву

В. В.

Радлову.

Адресъ: Россійское Генеральное Консульство въ Калькуттѣ

или: M. S. Andrew, Marsban Road. Bombay.

Рис. 2. Письмо М.С. Андреева из Бомбея 12/25.06.1910
[СПФ АРАН. Ф.142. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 79]

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

4 октября 3 г.

№ 325

Симъ удостовѣряется, что командированный Музеемъ Михаилъ Степановичъ Андреевъ везетъ съ собою коллекціи этнографическихъ предметовъ, собранную въ Индіи по порученію Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго. Музей проситъ всѣ лица и учрежденія оказать г. Андрееву законное содѣйствіе для благополучнаго доставленія коллекціи въ Музей.

Директоръ Музея Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ
Академикъ

Рис. 3. Удостоверение, выписанное М.С. Андрееву 4.10.1913 г.
[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 93]

№ 326

4 октября 3

Многоуважаемый
Михаилъ Степановичъ.

Съ удовольствіемъ узналъ изъ Вашего письма и приложеннаго къ нему списка о собираемой Вами коллекціи для Музея, на что Музей Вамъ очень признателенъ. Всѣ расходы съ благодарностью будутъ Вамъ возвращены. Что касается перевозки вещей, то сообщаю слѣдующее.

Самое удобное сдать коллекцію на пароходъ Добровольнаго Флота, заадресовавъ: С-Петербургъ, ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Наукъ, Музей Антропологіи и Этнографіи. Тогда никакихъ хлопотъ съ Таможней у Васъ не будетъ, такъ какъ ящики будутъ вскрыты только въ Петербургѣ и мы, кромѣ того, уплатимъ минимумъ фрахта на мѣстѣ. Если же Вы коллекцію сами привезете въ Одессу, то сдайте на желѣзную дорогу малой скоростью тоже на адресъ Музея. Мы сами заплатимъ здѣсь по уменьшенному тарифу. А для таможни на всякій случай высылаемъ просимое удостовѣреніе.

Прошу принять увѣреніе въ истинномъ уваженіи

Его Б-родію
М.С. Андрееву.

Рис. 4. Письмо из МАЭ к М.С. Андрееву от 4.10.1913
[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 94]

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов на эти соображения привел возражения посла в Лондоне гофмейстера графа А.К. Бенкендорфа, что

> «*работа коллежского регистратора Андреева в Индии далеко не проходит незамеченной. Хотя и не имеется к тому каких-либо определенных доказательств, посол, однако, уверен, что англичане нисколько не заблуждаются насчет истинного характера деятельности г. Андреева и не поднимают об этом вопроса лишь потому, что считают эту деятельность для себя пока вполне безвредной. Это отношение может, однако, легко перемениться, если г. Андреев явится в Бомбей уже в роли официального представителя*» [Русско-индийские 1999: 254].

Но мы не будем вдаваться в детали специфической работы М.С. Андреева в этот период, которая имела свои немалые сложности и даже создавала некоторые ограничения для него в передвижении по региону Южной Азии. Поскольку для нас в данном случае важнее другая сторона его трудов, а именно подробности его научно-собирательской деятельности, которую он, оставаясь верным своей страсти исследователя, продолжал и здесь.

В общей сложности М.С. Андреев был связан с регионом Южной Азии с 1905 и не менее как до 1914 гг. Однако пребывание в Индии прерывалось его отъездами на родину. Так, в 1907 г. М.С. Андреев совершил поездку в Среднюю Азию. Это было нелегкое путешествие, сопряженное со многими рисками: сначала из Кашмира он проехал через Гималаи в Западный Тибет, оттуда через Яркенд, Ташкурган и озеро Зоркуль достиг Памира (Вахан, Шугнан, Восточный Памир) и затем проехал в Ферганскую долину. Пока не удается установить точные маршруты передвижений М.С. Андреева по Индии, но более всего его пути касались западного побережья и прилегающих к нему районов от севера до юга. Это подтверждается и собранными им коллекциями. Вероятно, ему был интересен и северо-западный регион: ведь

недаром он изучал хиндустани, имевший здесь распространение, а также и афганское наречие. Возможно, он наведывался или по временам останавливался в ней в тот период, когда в Калькутту было переведено российское консульство (именно здесь в определенный период был его почтовый адрес).

Так или иначе, и здесь, в Индии, сколь бы ни был он занят своими особыми государственными заданиями, М.С. Андреев проявил свою страсть к изучению новых языков и новой для него культуры. М.С. Андреев начал изучать языки хиндустани и пушту, а также собирать этнографические коллекции. В этой области своей деятельности, как показывают специалисты, М.С. Андреев добился немалых успехов. В начале 1910 г. в Бомбее с М.С. Андреевым встречался профессор Ф.И. Щербатской [Русско-индийские 1999: 254].

В Индии М.С. Андреев собрал три содержательные и оригинальные коллекции, которые поступили в Музей антропологии и этнографии в Петербурге. Перипетии их сбора и передачи в музей, а также описание их состава и характеристика содержания будут даны нами в следующем разделе книги. А пока отметим, что в этой собирательской деятельности снова ярко проявились его талант ученого, умение увидеть главное и оригинальное в изучаемом предмете, страстность исследователя, высокая общая культура.

Позже он вернулся в родной Туркестан и стал работать инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. Следует отметить, что после возвращения М.С. Андреева в Россию академик Ф.И. Щербатской, высоко оценивая его знания (прежде всего как лингвиста), пробовал уговорить его переехать в Петербург для преподавания языков хиндустани и пушту на факультете восточных языков Петроградского университета. Но М.С. Андреев не захотел уезжать из Средней Азии и ответил отказом.

Во время своих многочисленных поездок по вверенному ему округу, а затем будучи временно привлеченным к деятельности советской миссии в Кабуле, он продолжил заниматься сборами этнографических коллекций, часть которых поступила и в МАЭ.

Заметим, что к концу 1930 г. М.С. Андреев стал профессором, главой двух кафедр и заместителем директора Объединенного Государственного НИИ Таджикской ССР.

Существуют предположения, что, живя в Ташкенте с 1914 г., М.С. Андреев временами выезжал в Индию вплоть до 1916 г.

После 1914 г. он в основном сосредоточил свои усилия, помимо исполнения должностных обязанностей, на изучении Туркестанского края. Во время многочисленных служебных поездок по вверенному ему округу М.С. Андреев не переставал заниматься сбором этнографических коллекций. И в этом он снова получил поддержку МАЭ. Директор музея хлопочет перед генерал-губернатором Туркестанского края, чтобы ему были предоставлены такие возможности:

> *«23 мая 1914 г. Его Высокопревосходительству Туркестанскому Генерал-Губернатору.*
>
> *Музей Антропологии и Этнографии, весьма заинтересованный системным изучением этнического состава Туркестана, желал бы использовать для этой цели лингвистический опыт и знание страны вновь назначенного Инспектора народных училищ Самаркандского округа М.С. Андреева. Музей поэтому обращается с просьбой к Вашему Высокопревосходительству разрешить г. Андрееву принять на себя поручение Музея о собирании этнографического материала и вместе с тем не отказать в распоряжении местным властям в оказании ему посильного содействия. Директор Музея Академик В.В. Радлов»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 412].

М.С. Андреев получает ради этих целей Открытый лист [Там же. Л. 397] и специальное разрешение «*собирать этнографический материал в Туркестане*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 67. Л. 207, 213].

Эту деятельность М.С. Андреев продолжил и после революции 1917 г. В 1918 г. он был назначен комиссаром народных

училищ в одном из районов Самаркандской области, не уставал всячески способствовать развитию научной работы и научных организаций в любимом им крае. Вместе с другими энтузиастами хлопотал об открытии восточного факультета в созданном в Ташкенте Туркестанском народном университете. С 1918 по 1920 гг. он являлся ректором еще одного нового научного учреждения — Туркестанского восточного института, впоследствии преобразованного в Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета с двумя отделениями — этнолого-лингвистическим и педагогическим. Здесь М.С. Андреев читал курсы лекций по языку и этнографии таджиков.

В эти же годы в качестве консультанта он работал и в специальном представительстве Наркомата иностранных дел РФ по разграничению с Афганистаном.

Не без его участия в 1921 г. была создана специальная Научная комиссия по обследованию быта коренного населения Туркестана, в которой председателем назначили профессора В.Н. Куна, а место ученого секретаря занял он сам.

В 1925 г. М.С. Андреев выступил членом-учредителем и членом постоянного президиума «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», а также главой историко-филологического и этнографического отделов этого общества.

Несмотря на то что М.С. Андреев погрузился в работу в Средней Азии, его контакты с МАЭ продолжались. ИФО РАН 9 апреля 1924 г. по предложению С.Ф. Ольденбурга разрешило «*выдать М.С. Андрееву 25 экз. его работы "Язгулемские глаголы" и корректуру "Хуфские глаголы"*, чтобы он мог прочитать ее во время пребывания в Ленинграде [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173. Л. 189 об.].

В 1920-е гг. часть собранных им в Средней Азии коллекций опять поступила в МАЭ. В 1925 г. И.И. Зарубин сообщал в Совет МАЭ, что в Среднеазиатский отдел поступило «*от М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой 14 игрушек горных таджиков*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). Ед. хр. 5. Л. 107]. За этот дар 7 марта 1925 г.

М.С. Андрееву была выражена благодарность [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). Ед. хр. 7. Л. 44]. Коллекция получила в МАЭ № 3083.

21 марта 1927 г. директор МАЭ принес М.С. Андрееву «*живейшую благодарность за пожертвованную для отдела Передней и Средней Азии коллекцию афганских кукол* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927 г.). Ед. хр. 7. Л. 40]. В коллекции МАЭ № 3458 представлены 20 предметов — куклы и другие игрушки таджиков и узбеков.

Временами М.С. Андреев обращался и к археологическим изысканиям. Каждый новый год приносил ему новые достижения в научной деятельности.

В 1929 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В конце 1930 г. «Общество для изучения Таджикистана…» преобразуют в секцию Объединенного Государственного НИИ Таджикской ССР, где, как говорилось выше, М.С. Андреев выступил уже как профессор, глава двух кафедр и заместитель директора института.

При всей карьерной удачливости не избежал М.С. Андреев и мрачных событий, характерных для общественной жизни СССР в 30-е годы XX в. Его дважды в течение 1931–1939 гг. подвергали репрессиям. В 1931 г. он был арестован и несколько месяцев находился в заключении по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе, затем на три года сослан в Алма-Ату. Но даже в ссылке он продолжал научную работу: читал курс таджикского языка в Казахском педагогическом институте. Вернувшись в 1934 г. в Ташкент, М.С. Андреев некоторое время работал консультантом по среднеазиатскому искусству при Музее искусств Узбекской ССР. Однако в августе 1938 г. он был вторично арестован, и ему предъявили обвинение в «контрреволюционной деятельности». К счастью, через год дело прекратили за недоказанностью (полная же реабилитация была объявлена лишь в 1990 г.).

С 1940 по 1947 гг. дела складывались достаточно благоприятно. М.С. Андреев был назначен на интересные должности (член Высшего учебно-методического совета при Наркомате просве-

щения Узбекской ССР, заведующий отделом этнографии Института истории и археологии АН Узбекской ССР) и получил почетные звания (с 1943 г. он действительный член АН Узбекской ССР, с 1944 г. — заслуженный деятель науки Таджикской ССР, с 1945 г. — заслуженный деятель науки Узбекской ССР).

В 1947 г. М.С. Андреев переезжает в столицу Таджикской ССР Сталинабад (ныне г. Душанбе). Тут ему предложена работа в Институте истории, археологии и этнографии Таджикского филиала АН СССР. А также он занимается организацией местного Музея археологии и этнографии. Однако 10 ноября 1948 г. здесь, в Сталинабаде, его настигает смерть.

Яркий, красивый путь жизни, плодотворные усилия неутомимого труженика, впечатляющие результаты научных изысканий. Что-то здесь от уникальной личности человека, а что-то — и от определенной эпохи в русской науке, от ее энтузиазма и благородных традиций. А в целом — прекрасные для нас уроки исследовательской увлеченности, широты воззрений, преданности делу, людям и краю, которым служишь. Впечатляют громадность интересов и комплексный подход в изучении традиционных культур. Все это проявилось и в индологическом, казалось бы, отчасти случайном для М.С. Андреева, русле его деятельности, запечатлелось на «индийской странице» его жизни, к которой мы теперь и переходим.

Глава 3

Коллекции МАЭ по Южной Азии, собранные М.С. Андреевым

История приобретения

Работа в Индии стала важной вехой в научной жизни М.С. Андреева: расширился круг объектов его научного исследования, был приобретен уникальный опыт полевой работы, отрабатывались непривычные методы сбора коллекций. Как будет показано далее, труд М.С. Андреева в этом направлении стал также особым периодом в становлении российского этнографического индоведения.

Этнографическая дисциплина занимает особое место среди других индологических отраслей науки: у нее свои, особые подходы, методы и цели, отличающие ее как от собственно исторического, так и от филологического и других направлений индоведения. Разумеется, индология в целом наука комплексная и полноценность всех ее исследований прямо зависит от взаимодополняемости. Но если историк, лингвист, литературовед, даже философ, при всей обширности и сложности избранных ими предметов, могут все же ограничиться рассмотрением некоторой части спектра культурного бытия и достояния конкретного народа (или народов) и в научном описании показать отдельные грани традиционной культуры, то конечной целью и смыслом этнографического исследования является фактически обязатель-

ное создание целостного и объемного культурного «портрета» того или иного народа (народов).

Индолога интересуют духовная культура народа, его традиционное мировоззрение, религия и верования, этические и эстетические установки, веками сложившаяся система жизнеобеспечения, материальные проявления культуры, общественные устои и законы. Так или иначе затрагивает этнограф и вопросы происхождения народа, его истории, комплекс художественных ремесел и искусств, фольклора и литературы. Фактически труд этнографа — это проникновение в самую душу народа, а потому прикосновение даже к самым сокровенным понятиям, чувствам и переживаниям. Поэтому здесь требуется особая чуткость и осторожность в подходе к «предмету изучения».

В принципе этнография как наука вообще призвана не только изучать различные народы в комплексе их специфических традиций, но и взаимно просвещать народы, служить распространению их знаний друг о друге, а потому являться в определенной степени средством, способствующим взаимопониманию и терпимости. А это очень непростая и деликатная задача. И здесь многое зависит от изначальных установок.

В российском этнографическом индоведении к нашему времени накоплен в этом отношении немалый положительный опыт, глубокие, серьезные и, можно добавить, благородные научные традиции, зарождение и развитие которых более всего относится именно к Петербургу. Начало этнографического исследования Индии в России было положено около 150 лет тому назад и связано с именем основателя российской индологической школы Ивана Павловича Минаева (1840–1890), хотя общий интерес к Индии в России пробудился в России задолго до второй половины XIX в. Именно И.П. Минаев призывал к изучению не только древних языков и религий Индии, но и Индии «новой», «живой» — современных аспектов индийского бытия, живых языков, традиционных форм в укладе народной жизни. Он уделил немало внимания во время своих путешествий в Индию, Непал, на Цейлон (ныне Шри Ланка) подлинно этнографическим наблюдениям, отвел

немало страниц в собственных трудах этнографическим описаниям увиденных им стран и народов.

И в дальнейшем основным центром этнографической индологии стал как раз Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петербурге. Здесь в начале XX в. была организована первая российская этнографическая экспедиция в Индию и на Цейлон, которую осуществили супруги Г.Х. и Л.А. Мерварт. Здесь были сконцентрированы усилия для обретения южноазиатских этнографических коллекций (ныне в фондах МАЭ их насчитывается более 13 тысяч экспонатов), создавались временные, а затем и постоянные индийские экспозиции. Здесь в течение многих десятилетий изучались различные аспекты бытовых традиций, религиозных воззрений и верований, духовных достижений, социальных устоев, материальной культуры различных народов Южной Азии — хиндустанцев, маратхов, сингалов, бенгальцев, дравидов, представителей малых племен и народностей. Петербургская школа этнографов-индологов оказала влияние и на формирование школы московской. В частности, некоторые московские индологи-этнографы были по своему происхождению петербуржцами.

К числу характерных особенностей этой школы можно отнести, во-первых, комплексный подход в изучении народной культуры конкретного этноса, использование широкой источниковедческой базы, метод глубоких обобщений, принцип историчности, обязательное знание языка (языков) изучаемого народа. Во-вторых, простое человеческое сочувствие и уважение к жизни каждого народа и его культурным достижениям, глубокую серьезность в отношении к ним. Кроме того, безусловное отсутствие какого бы то ни было высокомерия, а также трезвость суждений, научную добросовестность, стремление к максимальной объективности.

Особо отметим, что эти принципы были свойственны нашей науке уже изначально, и это, наверное, естественно для России как страны издавна евразийской. Что такое вообще совершает своей работой этнограф? Ведь он фактически *переводит* с языка

одной культуры на язык другой. И не просто другой, а именно той, к которой он сам принадлежит, и делает это прежде всего ради того народа, частью которого является. Однако ему, безусловно, небезразличен и тот народ, который он изучает. В нашей среде даже существует убеждение, что успешен в своей работе может быть лишь тот этнограф, кто именно *любит* изучаемый им народ.

М.С. Андреев сыграл особую роль в петербургском индологическом музееведении и тем самым внес свой оригинальный вклад в становление традиций петербургской этнографической школы индологии, хотя и не был жителем столицы Российской империи, а индологическое направление находилось, можно сказать, на периферии его научных интересов.

От М.С. Андреева в МАЭ поступило три индийских коллекции:

— № 1789 (поступление 1910 г., 28 предметов), коллекция содержит часть дворца пешвы из Махараштры (бывшее Бомбейское Президентство), г. Насик;

— № 2055 (поступление 1912 г., 296 предметов) — собрание старинной резьбы по дереву и мелкой пластики из металла;

— № 2418 (поступление 1914 г., 164 предмета) — разнообразные предметы быта и культуры народов Южной Индии.

Как уже было упомянуто, М.С. Андреев, сотрудничая с А.А. Половцовым, оказался в Бомбее (ныне Мумбаи), являвшемся центром тогдашнего Бомбейского президентства, в которое входила бóльшая часть страны маратхов — Махараштры. Маратхи — один из крупнейших народов современной Индии — были к этому времени заметно консолидированной нацией. Это проявилось уже в эпоху мусульманских завоеваний Махараштры (начавшихся в XIII–XIV веках), когда маратхи продемонстрировали непреклонную волю к сопротивлению. В XVII в. в борьбе за независимость особенно ярко проявил себя вместе с соратниками их правитель Шиваджи (1630–1680), чье имя до сих пор живо в народе и получило мировую известность [Котин, Краснодембская 2015].

Страна маратхов (политические границы которой время от времени менялись) представляла, как представляет и теперь, особый регион. В этнокультурном отношении она не принадлежит полностью ни северу, ни югу Индии. И географически она занимает промежуточное положение между ними, будучи расположена в западной части Центрального индийского нагорья — на плато Декан. Несмотря на гористый характер основной территории страны, через ее горные проходы многие века пролагались торговые пути из Центральной Индии к портам Конкана (одна из частей Махараштры — узкая низменная полоса земель вдоль побережья Аравийского моря). Через эти порты шла торговля с арабо-персидским миром и далее на запад. Торговые, политические и культурные отношения связывали Махараштру и с регионами Южной Индии, прежде всего с территориями Карнатака и Андхры. Некоторые области Махараштры входили в состав Виджаянагарской империи (санскрит. Виджаянагар, «Город победы»), крупнейшего индуистского государства в Южной Индии, сплоченного в XIV–XVII веках борьбой с мусульманскими завоевателями (которыми последовательно выступали Делийский и Бахманидский султанаты). После падения в 1565 г. Виджаянагара национально-освободительную борьбу с мусульманскими противниками продолжило как раз государство маратхов, основателем которого и стал национальный герой маратхов Шиваджи Бхонсле [Смирнова 2010].

Язык маратхов родствен североиндийским арийским языкам, однако в процессе контактов маратхов с южноиндийским дравидийским населением испытал существенное влияние своеобразного синтаксиса дравидских языков. Считается, что и в этногенезе маратхского народа определенную роль сыграло население Южной Индии. Имеется сходство и в социальной структуре: у маратхов, как и у народов Южной Индии, доминирующее положение занимает земледельческая каста. Прослеживается и сходство в материальной культуре, хотя этот вопрос изучен мало.

Объекты материальной деятельности человека обнаруживаются на территории Махараштры начиная с эпохи палеолита,

а уже в первые века до н.э. здесь появились творения высокой культуры: такие, например, как храмово-монастырские пещерные комплексы Аджанта (буддийский по содержанию, с его уникальной настенной живописью, II в. до н.э. — V в. н.э.) и Эллора (преимущественно индуистской направленности, знаменит шедеврами скульптуры, VI–IX вв. н.э.). В творениях Эллоры, кстати, специалисты также усматривают дравидское влияние.

Коллекция № 1789, имеющая прямое отношение к стране маратхов и ярко иллюстрирующая определенные стороны их культуры, появилась стихийно. М.С. Андреев случайно «наткнулся» на своеобразный памятник местной культуры, свидетельствующий о богатой традиции деревянного зодчества, сочетавшейся с развитым ремеслом резьбы по дереву. Совершая в 1910 г. путешествие по Махараштре для знакомства с ее достопримечательностями, в г. Насик, одном из исконных политических и культурных центров страны, он увидел старинное здание необыкновенной красоты, которое буквально разбирали на дрова. М.С. Андреев загорелся идеей приобрести хотя бы часть уникального строения и доставить в качестве любопытнейшего экспоната в Петербург, поместить его в одном из столичных музеев.

Профессор Ф.И. Щербатской, будучи в научной экспедиции в Индии, в письме к Л.Я. Штернбергу от 7 марта 1910 г. из Ghat Kopar G.J.P.[1] поддерживал идею о приобретении раритета. К этому времени он убедился в сложности поиска и приобретения коллекций в регионе. Фотографии этого здания он послал В.П. Шнейдер[2]:

---

[1] Ф.И. Щербатской в феврале 1910 г. поселился в этой деревне близ Бомбея и прожил там восемь месяцев, общаясь с пандитами, в т.ч. знатоком философских доктрин Свами Сурешваранандой [Русско-индийские 1999: 253, 275].

[2] Шнейдер Варвара Петровна (1860–1941), художница, племянница выдающегося индолога И.П. Минаева (1840–1890). После смерти матери Е.П. Шнейдер (ур. Минаевой) вместе с сестрой А.П. Шнейдер воспитывалась у дяди до его кончины. Сестры остались хранительницами архива И.П. Минаева (его трудов, дневников, переписки, копий, снятых с инд. рукописей и т.п.).

«В.П. Шнейдер покажет Вам снимки, которые я послал ей с одного дворца в Насике, священном городе, где каждый махараджа имеет свой дворец, части этого дворца удивительной резной работы распродаются по цене дерева (текового[3]), и если бы место на лестнице музея подходило бы, то трудно отыскать лучшее украшение, это будет куда лучше вестибюля Берлинского Музея. Если будет годиться для музея, то прежде всего, конечно, получит Ваш музей, если же помещение не подходящее, то придется отдать в Штиглицевский музей. Об этом решите с В.П. Шнейдер» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 61. Л. 47–47об.].

17 марта 1910 г. директор МАЭ В.В. Радлов телеграфировал Щербатскому:

«Bombay restante Tscherbatskoi
Buy palace ornaments Send Colombo Volunteer Fleet for Academy Committee Posted 6000 Consulate. Radloff Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie Pierre le Grand[4]» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 56. Л. 370 об.].

Ф.И. Щербатской сообщает Л.Я. Штернбергу письмом от 2 апреля 1910 г. о своей роли в отправке экспонатов в МАЭ:

«По получении телеграммы от Вас[илия] Вас[ильевича] я сейчас же распорядился упаковать и отправить части дворца в Насике. В настоящее время они уложены в 28 ящиков и находятся в Бомбее. Так как я писал только о 4 колоннах с фризами, то только их и отправляю. Можно купить и весь

---

[3] Правильнее — тикового (teak).

[4] Бомбей, до востребования, Щербатскому. Покупайте украшения дворца. Отправляйте в Коломбо Добровольным Флотом для Академии. Совет отправил 6000 [рублей] Консульству. Радлов, Музей антропологии и этнографии Петра Великого [перевод с англ., фр. — *Авт.*].

дворец, будет это стоить около 100 руб., конечно, пустяк, но у вас на него нет места. Если решите купить весь дворец, немедленно телеграфируйте, время не ушло. Укладкой распоряжался М.С. Андреев, что очень большой труд, так как здешние плотники неопытны, если будет куплен весь дворец, то придется мне самому все укладывать, так как М.С. Андреев положительно отказывается. М[ожет] б[ыть], он и согласится, если его вознаградить. Придется мне проработать неделю» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 62. Л. 10].

20 марта / 2 апреля 1910 г. М.С. Андреев отправил более подробное письмо директору МАЭ В.В. Радлову:

«Марри (Murree), Северная Индия.

Милостивый Государь,

Будучи командирован в Индию для изучения некоторых сев[ероиндийских] народностей, я, по сложившимся обстоятельствам, проживаю большей частью в г. Бомбее (уже около двух лет за последний мой приезд в Индию). Лично интересуясь немного старинными бронзовыми индийскими предметами, я от времени до времени заезжаю в г. Насик — центр браминства и древней индийской культуры в этой части Индии. Насик известен, между прочим, также своими старинными постройками с очень красивой резьбой по дереву. Около трех месяцев тому назад в один из своих приездов в Насик, я случайно наткнулся на один из лучших образцов архитектуры этого города — старинный дом, построенный из текового дерева с великолепной выдержанной резьбой старого стиля. Дом этот, известный под именем Хин'гна'с Ва́ра, принадлежал в последние годы радже Бавнага́ра, купившему его в свое время, прельстившись красотой старинной постройки, с намерением разобрать его и перевезти в свою резиденцию. Потом почему-то эта мысль была им оставлена, и через несколько лет, незадолго до моего посещения, дом был продан одному индусу, служившему на жел[езной] дороге, купившему его у раджи

исключительно с целью наживы и решившему, что лучший путь для этого — обратить дом на слом, очистив место для дальнейших спекуляций. Хотя я не обладаю ни средствами и не имел никакой склонности к приобретению старинной резьбы по дереву, но дом был так красив и являлся таким хорошим образчиком лучшего старинного искусства, уже редко попадающегося теперь в Индии, что я не мог устоять и при всех своих скромных средствах купил часть внутренней террасы — по-видимому, одну из лучших частей дома, решив сохранить это произведение старинного индийского искусства для одного из русских музеев.

Мною приобретены три фронтовых столба и три соответствующих задних (конструкция террасы довольно ясно видна на прилагаемых фотограф[ических] снимках) со всеми относящимися к ним частями, так что является вполне возможным восстановить в Музее часть терассы в ее прежнем виде, уперев, напр[имер], концы в стены [рисунок].

Получившееся в подобном виде помещение могло бы служить, напр[имер], для индийского отделения Музея.

Из частей террасы мною не посланы только два или три массивных бревна, совершенно не имеющих резьбы, а следовательно, и значения, и легко могущие быть замененными на месте квадратными бревнами соответствующего размера. Не послал я их главным образом из-за огромного веса. В случае если, однако, окажется желательным иметь и их, покорнейше прошу не отказать меня известить, и я постараюсь тогда раздобыть и эти части.

Купленная мною часть террасы разобрана, упакована в 27 отдельных мест и при моем отъезде из Насика 6/19 марта должна быть отправлена в тот же день по ж[елезной] д[ороге] в Бомбей. В Бомбее же раньше мною было поручено известной агентурной фирме Thomas Cook & Sons принять груз и передать его пароходной компании Wilson Line, которая имеет доставить кладь морем в Петербург. Полагаю, что в наст[оящее] вр[емя] кладь или готовится к отправке, или

уже отправлена из Бомбея. Коносамент, а также некоторые указания относительно расположения и размеров буду иметь честь выслать дополнительно через неделю или две (почта из Индии отходят еженедельно) по моем возвращению в Бомбей.

Первоначально у меня была мысль отправить приобретенную часть насикского дома в Музей Императора Александра III[5]*, но приехавший в Индию соотечественник профессор Ф.И. Щербатской, с которым я встретился в Бомбее и которому рассказал о своей покупке, любезно посоветовал мне направить приобретение в Этнографический Музей при Императорской Академии Наук, так как, по его мнению, Музей Имп[ератора] Алекс[андра] III вряд ли нашел бы возможность поместить насикский дом в своем здании, представляя собою собрание предметов чисто русского искусства. Полагая, что управлению Этнографического Музея на месте виднее, где и как удобнее и целесообразнее можно поместить часть насикского дома, позволяю себе отправить приобретение в Этнографический Музей при Академии Наук. Стоимость покупки (она в общем невелика — точную цифру сообщу потом), если будет найдено возможным, покорнейше просил бы не отказать мне возвратить. Если же это окажется затруднительным, то на возврат денег не претендую и прошу принять безвозмездно.*

Насикский дом, по-моему, представляет такой интересный образчик индийского искусства, что жалко было бы упустить представившийся редкий случай приобрести прочие его части (внутренний двор). Посылаемые мною колонны с соответствующими соединениями составляют значительную часть одной из сторон квадрата, образуемого терассою, составляющей внутренний двор. По-моему, было бы крайне желательно приобрести другие стороны, чтобы иметь цельное

---

[5] Руководился, гл[авным] обр[азом], соображением, что насикский дом представляет собою скорее интерес с точки зрения истории искусства, чем общеэтнографического характера.

впечатление, а также заодно и верхнюю терассу (видна на прилагаемых фотографиях), из которых мною не приобретено ничего. Я полагал бы, что новый хозяин дома отдал бы все теперь довольно дешево (приблизительно, думаю, за 1-2 тыс. рупий, т.е. за 640-1280 р.). Все целиком солидно построено из тикового дерева и, следовательно, может стоять бесконечно долго даже в петербургском климате. В Насике уже никто не запомнит, когда выстроен дом. Во всяком случае ему более ста лет. Я просил на всякий случай домохозяина обождать с продажей внутреннего двора и не ломать его дальше. В случае, если найдено будет возможным приобрести остальные части двора, я мог бы, если желательно, переговорить с хозяином и условиться в цене, а также попытался бы найти подходящего человека, который согласился бы взять на себя хлопоты по упаковке и отправке. Еще лучше было бы, конечно, если бы кто-нибудь был прислан специально из Петербурга, чтобы разобрать, занумеровать и упаковать постройку. Поездка не обошлась бы дорого, так как из управления Добр[овольного] Флота можно было бы получить льготный проезд до Коломбо и обратно (из Одессы) и только пришлось бы заплатить за проезд от Коломбо до Насика, т. е. приблизительно 200-400 рупий, считая в оба конца. Лето в Насике по сравнению с Бомбеем довольно прохладное и жара не так чувствуется. Муссон очень легок.

Я был бы очень рад предложить свои услуги, но, к сожалению, боюсь, что за недостатком времени не смогу сам заняться разборкой и упаковкой дома, что потребует, я думал бы, по крайней мере дней 10-15. Проезд же человека из Петербурга еще желателен и в том отношении, что познакомившись лично с расположением дома на месте и сняв все размеры, легче было бы потом восстановить дом в Петербурге, а также и проследить заодно за его перевозкой, что также можно устроить от Коломбо на парох[оде] Добров[ольного] Флота. Со своей стороны я постарался бы помочь приехавшему чем только оказалось бы возможным.

Покорнейше прошу принять уверения в совершенном моем почтении и искренней преданности,

М. Андреев

Мой адрес: Российское Генеральное Консульство в Калькутте (Russian Consulate General Calcutta) для передачи Мих[аилу] Степ[ановичу] Андрееву [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 61. Л. 146–149 об.]».

В Санкт-Петербургском Филиале Архива Академии наук хранятся и фотографии строения с комментариями М.С. Андреева. Пять фотографий пронумерованы и числятся как пять листов — фото террасы в г. Насик:

Л. 145. № 1. *Вид колонн с внутренней стороны террасы. В старину какой-то любитель, недовольный, очевидно, темнокараковым фоном, вымазал некоторые колонны каким-то белым составом (см. ближняя колонна). Он легко отстанет, и я предпочитаю даже эту колонну, т.к. состав лучше сохранил резьбу.*

Л. 144. № 2. *Продольный вид внутри террасы (видна отстающая белая замазка).*

Л. 142. № 3. *Наружный вид верха колонн.*

Л. 141. № 4. *Общий наружный вид террасы.*

Л. 143. № 5. *Вид верхней террасы (из него ничего не купить). Эта терраса начала уже разбираться, но разобранные части хранятся у домохозяина* [Там же. Л. 141–145].

Переписка продолжается и в апреле 1910 г., и позже. Вот и следующее письмо от нашего собирателя.

«10/23 апреля 1910 г. Бомбей. Его Превосходительству Заведующему Этнографическим музеем при ИАН

Милостивый государь,

В дополнение к моему письму от 20 марта (2 апреля н.ст.) имею честь сообщить, что купленные мною части насик-

ского дома доставлены в Бомбей и в настоящее время погружены на пароход «Hindu» (Wilson Line), имеющий отплыть из Бомбея завтра 11/24 апреля. Накладная и счета от Кука мною еще не получены и будут немедленно высланы по их получении. Посылаемые части насикского дома идут в Англию, где будут перегружены на другой пароход, отходящий в Петербург. Полагаю, что эта прямая отправка в Петербург является более удобной, чем предложенная было мною отправка на Коломбо и далее Добр[овольным] Флотом, т.к. фрахт от Бомбея до Петер[бурга] (через Англию) является 25 шиллингов за тонну, а до Коломбо — 20, то есть меньше только на 5 шиллингов. С следующей почтой буду иметь честь выслать квитанции и некоторые дополнительные справки.

Покорнейше прошу принять уверение в моем совершенном почтении и преданности,

М. Андреев [Там же. Л. 150]».

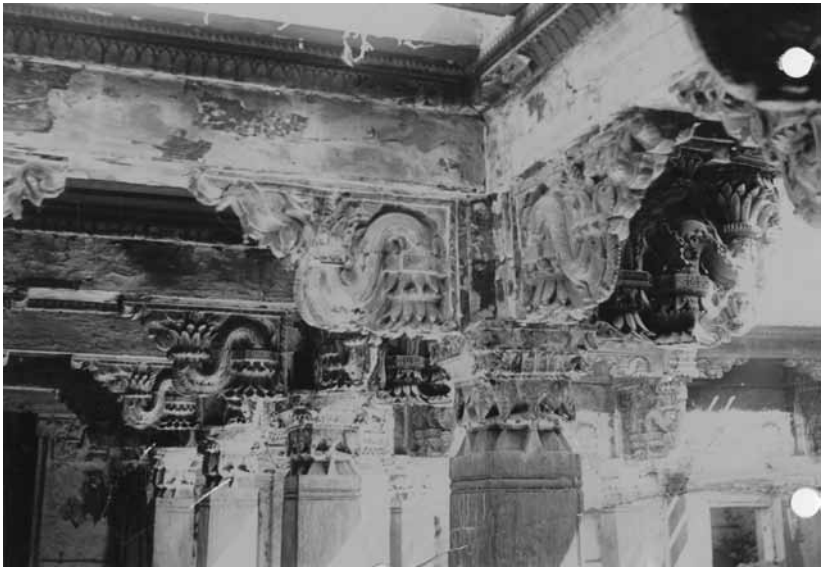
Подчеркнем в свете некоторых современных тенденций в области права на владение «чужеродными» экспонатами (намекаем на реституцию) тот момент, что элементы насикского дворца были М.С. Андреевым законно приобретены. В письмах он приводит сведения о своих конкретных расходах на покупку части строения и сопутствующие траты по транспортировке предмета в Петербург. 6 мая 1910 г. М.С. Андреев перечисляет уплаченные им суммы — всего 409 рупий и 7 анн:

1) Счёт Thomas Cook and Son. за перевозку до Бомбея, страхование и пр. 156 рупий.

2) Счет индуса, хозяина дома в Насике, на проданные нам три столба террасы с прилегающими частями (rs. 220 as. 7), за доски на упаковку, кули rs. 223 as. 7.

3) Счет Whiteaway@Laidlow за переупаковку в Бомбее — rs. 20.

Всего Rs. 409 as. 7 [Там же. Л. 78].



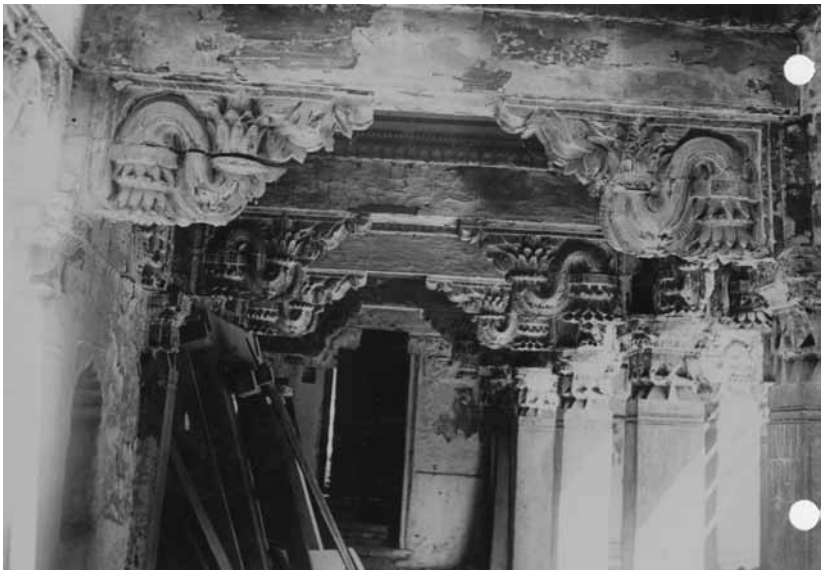


Рис. 5–6. Фотоснимки части дворца (террасы из Насика)
[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.) Ед. хр. 61. Л. 141–145]

Рис. 7–9. Фотоснимки части дворца (террасы из Насика)
[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.) Ед. хр. 61. Л. 141–145]

Таким образом, по его поручению фирма Thomas Cook & Son, Bankers and Shippers занималась упаковкой в деревянные контейнеры приобретенных Андреевым частей насикского дома *(Wooden pavilion of Hingnas Wada Country)*, перевозкой их по железной дороге в Бомбей, оформлением страховки и других документов на груз 18 апреля [Там же. Л. 81.], погрузкой на S.S. «Othello», уведомлением МАЭ об отправке груза 9 мая 1910 г. [Там же. Л. 82.]. Банку Whiteaway Laidlow & Co. Ltd. Establishments причиталось 20 рупий за новую переупаковку в Бомбее в 28 ящиков перед отправкой в Петербург. Пароход «Отелло» прибыл в Петербург 24 мая 1910 г. [Там же. Л. 80–80 об.].

В письме из Бомбея к В.В. Радлову М.С. Андреев 12/25 июня 1910 г. делает уточнения, предлагая при этом новые услуги по сбору материалов для МАЭ:

> *«Милостивый Государь Василий Васильевич,*
>
> *Позвольте глубоко поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо. Я был бы очень рад, если бы смог оказаться чем-нибудь полезным для Музея или своим пребыванием в Индии непосредственно и сношениями с туземцами или, например, через справки в индийских библиотеках Королевского Азиатского Общества, членом которого состою (Bombay Branch), или в каком-нибудь другом отношении. Всё, что я смогу, я сделаю с удовольствием. В дополнение к тому, что я писал раньше относительно частей насикского дома, в виду любезно выраженного Вами делания возвратить мне уплаченные мной деньги, имею честь препроводить некоторые имеющиеся у меня счета в общей сложности на сумму 409 индийских рупий 7 анн, т.е. около 262 руб. Если не представится затруднительным, покорнейше просил бы внести деньги в Русско-Китайский Банк в Санкт-Петербурге на текущий счет на мое имя.*
>
> *Среди прилагаемых при настоящем письме документов есть также страховые квитанции (№ 5051)* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 61. Л. 80–80 об.] *на посланный*

груз, страховка его против всякого риска в пути, в т.ч. и против повреждения упаковки.

Покорнейше прошу принять уверения в моем совершеннейшем почтении и глубокой преданности.

М. Андреев.

Адрес: Российское генеральное консульство в Калькутте или: M.S. Andreew, Murzban Road, Bombay» [Там же. Л. 79].

Судя по дальнейшей переписке с Музеем, расходы ему возместили. Ф.И. Щербатской 16 апреля 1910 г. особо просил об этом В.В. Радлова:

«Позволю себе просить, чтобы М.С. Андрееву, который много потрудился, по покупке, упаковке и отправке насикских резных украшений, была выражена благодарность. У него очень недурная коллекция бронзовых старых индийских статуэток, я надеюсь, что он ее также или продаст или пожертвует в музей» [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 7].

Несомненно, научная ценность экспоната, поступившего в МАЭ благодаря немалым усилиям собирателя и руководителей музея, неоспорима и высока. Предмет старинный, подлинный, интересный в художественном отношении и характеризующий историческую эпоху конкретного этноса, может быть объектом изучения не только для индологов, но и более широкого круга востоковедов, а также историков и искусствоведов. Фрагмент здания уже много десятилетий используется в экспозиционной деятельности МАЭ (лишь немногие элементы и мало значимые его элементы хранятся в запасниках музея, коллекция № 1789). Как уже упоминалось, в настоящее время он украшает зал «Народы Южной Азии» в виде эффектного «портика», оформляющего вход на экспозицию. Этот экспозиционный комплекс уже долгое время привлекает внимание и сохранился в памяти как репрезентативный предмет индийской культуры у многих поколений посетителей МАЭ. О его существовании знают и в самой

Индии, в Махараштре, хотя там иногда говорят и пишут, что он хранится в Эрмитаже, а не в МАЭ.

Исторические сведения о дворце (или богатом доме), часть которого таким образом «прописалась» в МАЭ, в самой маратхской среде несколько расплывчаты. В этой связи сведения о нем, собранные М.С. Андреевым, представляют особую ценность. Их документальность подтверждена текстом путеводителя по Махараштре, из которого ученый узнал о существовании дворца, а также его общением с местными жителями и продавцами строения. М.С. Андреев отнес время строительства здания примерно ко второй половине XVIII в., т.е. к эпохе пешв — правящей в Махараштре в течение нескольких десятилетий династии «премьер-министров». Этот титул (слово из персидского языка) был введен самим Шиваджи Бхонсле, а примерно с середины XVIII в. он сделался наследственным. Правление пешв прекратилось в 1818 г., когда страну маратхов подчинили себе англичане. Последнему из пешв (Баджи Рао Второму, правившему с 1796 по 1818 гг.) британцы выплачивали ежегодную пенсию.

В нашем музейном обиходе сложилась традиция называть данный экспонат «частью дворца пешвы». Однако, возможно, это название не вполне правомерно. Обратившись к истории предмета, мы воспользовались возможностью консультации с индийской журналисткой Видьей Мадане, по рождению маратхи из Насик, в настоящее время проживающей в Мумбаи. Она навела для нас справки в родном городе, задав вопросы знающим людям (которым, в частности, известно, что часть здания хранится в музее Санкт-Петербурга). По их общему мнению, богатая усадьба Хингнас Вара была построена в эпоху пешв, но с самого начала принадлежала не им, а знатному семейству по фамилии Хингане / Хингне. Любопытно отметить, что название Хингнас Вара вполне может быть переведено с языка маратхи как «Усадьба асафетиды[6] и нюхательного табака». Однако совре-

[6] Иначе: вонючая, или греческая, камедь (лат. *Férula assa-fóetida*), пищевая специя.

менные жители Насика высказали предположение, что это словосочетание можно передать по-русски как «усадьба для [семьи] Хингнов». Последнее «с» в первом слове можно рассматривать как аффикс дательного падежа языка маратхи, а словоформу «хингна» — как косвенную форму множественного числа имени собственного.

Так или иначе, остается главное: наш музей владеет, благодаря М.С. Андрееву, подлинным историческим и художественным раритетом. Сами маратхи считают, что в этом предмете отражены собственно маратхские культурные и художественные традиции. Мы же заметим, что эти традиции демонстрируют определенное родство с югом Индии и даже Шри Ланкой. Не вдаваясь в подробности, сообщим, что это родство проявляется в редких сохранившихся образцах деревянной архитектуры и каменного зодчества разных периодов истории этих регионов.

Между тем вопрос заслуживает особого рассмотрения и, по большому счету, выходит за рамки нашей темы. Ясно лишь, что описанный предмет может заинтересовать еще многих исследователей. Этот экспонат многозначен: он несет информацию и о формах традиционной архитектуры индийцев, и об укладе жизни определенного исторического периода (XVIII в.) маратхского народа, и о значимом народном ремесле индийцев — резьбе по дереву. При этом мы имеем образец искусной резьбы по тиковому дереву, обладающему очень твердой древесиной. К тому же это и мировой раритет, поскольку образцов деревянной архитектуры (в значительной степени из-за особенностей климата) почти не сохранилось даже в самой Индии.

Коллекция № 1789 впервые была опубликована М.К. Кудрявцевым в одном из Сборников МАЭ [Кудрявцев 1953: 140–146]. Статья насыщена многими интересными сведениями и соображениями и не утратила своей актуальности. Поэтому ради наших читателей мы приводим ее полностью в настоящей книге.

К 1911 г. М.С. Андреев покидает Бомбей и оказывается еще южнее (и восточнее) — в Пондишери. Судя по документам, он

был назначен на должность и.о. российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае. Пондишери в то время — французское владение в Индии, на юго-восточном берегу полуострова Индостан, с административным центром того же названия, площадью около 50 кв. км и населением более 50 тыс. чел.[7] Главная особенность этой территории — в ее непосредственной близости к трем южно-индийским областям и населяющим их дравидийским народам (телугу, тамилам и малаяли). Совершенно очевидно, что в этой местности собирательский «аппетит» М.С. Андреева разыгрался с новой силой. Судя по его переписке с МАЭ, он вскоре собирает (и отправляет в Петербург) еще одну коллекцию, а за ней — следующую. Можно легко предположить, что М.С. Андреев, уже неплохо изучивший особенности культуры северной и центральной Индии, заметил и осознал черты своеобразия в культуре индийского юга, его жителей, говорящих на особых — дравидских, или дравидийских — языках.

В те времена Южная Индия была мало изучена европейцами, для западных ученых она, в сущности, являлась terra incognita. Тогда преимущественно исследовали культуру Севера — религию, философию, отчасти искусство, языки индоевропейской группы, причем в основном древние. Культура жителей Южной Индии относится к своеобразному подтипу южноазиатской культуры, не только с языковыми, но даже и с расовыми и заметными культурными особенностями. Население Южной Азии вообще многонационально. Здесь живут народы, являющиеся потомками переселенцев из Центральной и Передней Азии и даже более северных регионов. Древние переселенцы по суше приходили с северо-запада и северо-востока, морскими путями — с за-

[7] В настоящее время Пондишери (тамил. Пудуччери, Подичери) в пределах примерно тех же земель является союзной территорией в составе Индии (численность населения на 2011 г. — более 1 млн чел.). В городском устройстве и в местных обычаях и теперь просматривается французское влияние.

пада, востока и юга. Очень немногие (и обычно малочисленные) группы населения в Южной Азии признаются наукой как автохтоны.

На полуострове Индостан к настоящему времени, безусловно, сложился особый цивилизационный очаг, неповторимый во многих чертах, единый в определенных характеристиках. Между тем здесь существуют и внутренние региональные различия. Единство проявляется в том, что здесь «царствуют» своеобразные религии местного происхождения (индуизм, буддизм, джайнизм), находящиеся в родстве, восходящие к глубокой древности и впитавшие представления разных народов, проживавших на территории Южной Азии. С этими религиями было связано становление и развитие оригинальных философских школ, многих форм традиционного искусства. Местные религии определили многие общие социальные и нравственные понятия. В социальной организации этого региона мира основополагающее значение имеют кастовая система и семейно-родовой уклад. С этими социальными институтами связан основной комплекс моральных понятий, базирующихся на таких представлениях, как дхарма, карма и пунарджанма[8], с которыми сопряжена и вся этикетная система, поведенческая культура. Прослеживается и сходство в чертах организации быта, в материальной культуре. Впрочем, есть и различия, связанные с историческими причинами, этническими особенностями, а также и с конкретной природной средой. Большую оригинальность можно иногда наблюдать как раз у малых этнических групп и племен.

Но самый общий «водораздел» проходит между севером и югом. Не говоря уже о разнице языков, северу, например, более свойственны патронимия и патриархальность семейного уклада (включая обычаи затворничества женщин), югу — счет родства по матери, другие проявления важности материнского рода, вы-

---

[8] Дхарма — основной мировой закон, религия; карма — закон воздаяния за благие и дурные деяния; пунарджанма — перерождения в мир сущего.

сокий магический статус женщины (и соответственно ее относительно бóльшая свобода), обычай кросскузенных браков. Везде признается высокий статус брахманов, но в реальной кастовой практике на юге высшей кастой выступает сословие земледельцев / землевладельцев. Заметные различия проявляются, например, в строительстве жилищ, в одежде, пищевых традициях и вкусовых привычках, в разных видах народных ремесел. На севере, например, предпочитают пользоваться металлической посудой, считая, по кастовым соображениям, глину материалом «нечистым», тогда как на юге этот предрассудок не так силен и там даже считают, что пища будет вкуснее, если приготовлена в глиняной посуде.

Юг Индии и до сих пор остается для нас менее изученным, чем север, в частности, даже из-за особой сложности местных языков. А в начале XX в. он оставался для европейской науки еще почти непознанной областью мира. Поэтому коллекции, собранные М.С. Андреевым, которые как раз относятся к южноиндийскому региону, представляют особый интерес. Сразу же отметим, что важной отличительной чертой этих сборов выступает еще и то, что многие из отобранных им предметов, с одной стороны, являются этнографическими раритетами, а с другой — ярко иллюстрируют именно характерные, ключевые феномены этнической культуры.

Редчайшие экспонаты составили содержание следующей индийской коллекции М.С. Андреева, которая впоследствии получила номер 2055. Судя по письмам М.С. Андреева в МАЭ, эту коллекцию он собрал довольно быстро и отправил ее в Санкт-Петербург. В письме к Л.Я. Штернбергу от 31 марта (12 апреля) 1912 г. он пишет о своей коллекции как о *выставленной* в музее.

Как сообщал Л.Я. Штернберг 1/14 марта 1912 г., МАЭ оплатил покупку деталей насикского дворца:

> «*Многоуважаемый Михаил Степанович!*
>
> *Спешу известить Вас, что следующие Вам 261 руб. внесены на Ваш текущий счет в Русско-Азиатский банк. Вместе с тем*

прошу Вас по возможности скоро ответить, согласны ли Вы уступить музею ныне временно выставленную коллекцию Вашу и если да, то за какую сумму, и тогда — если цена Ваша окажется по нашим средствам, немедленно вышлем на текущий счет Ваш следующую сумму. Вместе с тем очень надеемся, что Вы будете собирать для нас по быту и культу. Очень просим Вас поскорее телеграфировать о цене временно выставленной у нас коллекции.

С уважением,

Л. Штернберг» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Л. 190].

М.С. Андреев ответил Л.Я. Штернбергу телеграммой 31 марта 1912 г.: «*Pondicherry 2000 roubles Andrew*[9]» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 64. Л. 55.].

А в письме к Л.Я. Штернбергу от 31 марта (12 апреля) 1912 г. из Пондишери Андреев сообщает, в частности:

«Многоуважаемый Лев Яковлевич,

Получил Ваше письмо и спешу вам ответить и поблагодарить Вас за него и за возврат денег. Вы спрашиваете также относительно возможности стоимости моей коллекции, выставленной у Вас. Только что согласно Вашему желанию протелеграфировал Вам, определив кругло в 2000 р. За неимением записей, к сожалению, не представляется возможности восстановить, сколько мне обошлась коллекция самому. Считать примерно около 500 пр. по 3 р., каждый (многие обошлись дешевле, но многие и дороже) и думаю, что истратил примерно руб. 500 за все в рупиях. На разъезды и прожитье в связи с собиранием коллекции, т.к. в обмен мне вся коллекция, думаю, стоит около 2000 р., за каковую сумму и могу ее уступить, если она покажется Вам достаточно интересной.

[9] Пондишери 2000 рублей. Андреев [пер. с англ. — *Авт.*].

С большим удовольствием, если позволят обстоятельства, займусь собиранием для Вас по быту и культу. Был бы признателен, если бы Вы определили только границы стоимости, чтобы не перешагнуть.

С искренним пожеланием всего наилучшего,

М. Андреев» [Там же. Л. 75].

Это обещание планов дальнейших сборов также было исполнено М.С. Андреевым, в результате чего в МАЭ появилась и третья коллекция — № 2418. Но пока еще продолжается переписка. 12/25 сентября 1913 г. М.С. Андреев обращается к В.В. Радлову:

«Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь Василий Васильевич,

Исполняя желание Музея, мною собрано в настоящее время некоторое количество предметов из обихода населения Южной Индии. Собирание еще не закончено и надеюсь составленную коллекцию еще несколько дополнить. Имею честь приложить при сем первые 8 стр. списка предметов, приобретенных мною для Этнографического Музея. Помимо описанных 56 номеров приобретен еще ряд предметов для Музея, описание которых еще не составлено. Кроме этого мною также приобретены еще некоторые дополнительные к моей личной индийской коллекции, выставленной в Музее.

Ввиду возможного моего возвращения в непродолжительном времени в Россию, для избежания затруднения с таможней (вероятно, в Одессе) покорнейше прошу не отказать, если найдете возможность, прислать удостоверение, что при мне имеется научная коллекция из предметов этнографического интереса, собранных в Индии. Это, я полагаю, будет достаточно для обеспечения беспошлинного провоза коллекций через таможню, что, как показал мне опыт с провозом около двух лет тому назад индийской коллекции, выставленной теперь в Музее, сопряжено со многими затруднениями. Был бы

также признателен, если бы Вы указали, каким путем отправить коллекции в Музей из Одессы в Петербург, т.к., возможно, она будет довольно тяжелой. Был бы очень рад, если бы во время своего пребывания в Индии мог бы оказаться Вам чем-либо полезным.

Покорнейше прошу не отказать принять уверения в моем глубочайшем почтении и преданности,

М. Андреев (Михаил Степанович)»

И в примечании:

«*12/25.09.1913 Пондишери*

M.S. Andreev

Pondichéry. India

Предметы помещены в списке в случайном порядке в зависимости от их приобретения. Цены за первые 51 номер (приобретенные довольно давно) в настоящее время трудно восстановить, и поэтому покорнейше прошу принять эти номера безвозмездно. Стоимость известных (последних) номеров поставлена в рупиях (1 рупия равная около 63 коп.). В 1 рупии 16 анн, а 1 анне 12 пайс.

На случай, если бы ярлычки с номерами при пересылке каким-нибудь образом отделились от предметов, в списке мною прибавлены рисунки с общими очертаниями последних, что может помочь в ориентировании в случае потери ярлыков» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 65. Л. 280–281 об.].

Это письмо демонстрирует и то, что сами сборы коллекций требовали немалого труда, эрудиции, предприимчивости и смекалки, и то, что для доставки их в целости и сохранности в музей, через пространства морей, океанов и суши, необходимо было проявить большую предусмотрительность, обдумать множество моментов упаковки, транспортировки, прилагать большие усилия.

Учитывая скорость тогдашнего почтового сообщения, можно сказать, что из МАЭ от В.В. Радлова следует практически немедленный ответ:

«4 октября 1913 г.

Его Высокородию М.С. Андрееву.

Многоуважаемый Михаил Степанович, с удовлетворением узнал из Вашего письма и приложенного к нему списка о собираемой Вами коллекции для Музея, за что Музей Вам очень признателен. Все расходы с благодарностью будут Вам возвращены. Что касается перевозки вещей, то сообщаю следующее.

Самое удобное — слать коллекцию на пароходе Добровольного Флота, заадресовав: Санкт-Петербург, Императорская Академия Наук, Музей Антропологии и Этнографии. Тогда никаких хлопот с Таможней у Вас не будет, т.к. ящики будут вскрыты только в Петербурге и мы, кроме того, уплатим минимум фрахта на месте. Если же Вы коллекцию сами привезете в Одессу, то сдайте на ж[елезную] д[орогу] малой скоростью тоже на адрес Музея. Мы сами заплатим здесь по уменьшенному тарифу. А для таможни на всякий случай высылаю просимое удостоверение.

Прошу принять уверение в истинном уважении» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 94].

Письмо сопровождается запиской, уточняющей условия льготного железнодорожного тарифа, и командировочным удостоверением М.С. Андрееву от МАЭ:

«25 сентября 1913 г. Управление Северо-Западной железной дороги № 8725-к

Льготный тариф № 27–1904 г. установлен лишь для перевозки коллекций малой скоростью; отправленная же поездом Одесса — Санкт-Петербург пассажирским С.З. № 766729 пассажирской скоростью — льготный тариф не применяется» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 65. Л. 277].

А собирателю МАЭ направляется удостоверение:

«4 октября 1913 г.

Удостоверение

Сим удостоверяется, что командированный Музеем Михаил Степанович Андреев везет с собой коллекции этнографических предметов, собранные в Индии по поручению Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого. Музей просит все лица и учреждения оказать г. Андрееву законное содействие для благополучного доставления коллекции в Музей.

Директор Музея, Действительный Тайный Советник, Академик В.В. Радлов» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66. Л. 93].

И вот документальное свидетельство о прибытии коллекции в МАЭ (об этом сообщает М.С. Андрееву Л.Я. Штернберг).

«22 декабря 1914 г. № 438

Многоуважаемый Михаил Степанович,

Прежде всего, извещаю Вас, что Ваша коллекция прибыла. Она очень интересная и довольно богатая по количеству. К сожалению, в Вашем списке перечислена только часть предметов. Не будете ли так добры прислать дополнительный список, который Вы сами обещали прислать в Вашем препроводительном к коллекции письме.

Затем, очень рад был бы получить от Вас пару строк о Вашем нынешнем житье-бытье и, кстати, о том, как обстоит дело с этнографической картой Средней Азии. Комиссия ждет об этом известий с великим нетерпением. Не нужно ли от нас чего-нибудь по этому делу, например, опросных листов, шаблонных карт и т.п.

Всего хорошего, Ваш Л. Штернберг» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 18].

Вспомним, что уже шла Первая мировая война, жизнь заметно усложнилась, М.С. Андреев был погружен в свои среднеазиат-

ские штудии и заботы. Однако он не забыл поставленного перед ним вопроса и отвечает уже 7 февраля 1915 г.:

> *«7 февраля 1915 г. Министерство Народного Просвещения, Инспектор Народных училищ 2-го района Самаркандской обл., г. Ходжент — в Музей Антропологии и Этнографии:*
>
> *Имею честь препроводить при этом продолжение списка последней индийской коллекции, привезенной мною из Индии в 1914 г. и отправленной из Одессы в Музей по железной дороге. Инспектор М. Андреев»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 70. Л. 7].

19 сентября / 2 октября 1913 г. М.С. Андреев (Индия, Pondichérry) прислал на имя Историко-Филологического Отделения ИАН 16 рукописей, написанных на тамульском языке[10] [Музей антропологии и этнографии... 1917: 233], *с представлением Академии располагать рукописями по своему усмотрению положено благодарить М.С. Андреева, а рукописи передать в Азиатский музей* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1913. Ед. хр. 160].

Обратимся теперь к непосредственному рассмотрению состава и содержания еще двух южно-индийских коллекций, собранных М.С. Андреевым уже по специальному заказу МАЭ РАН.

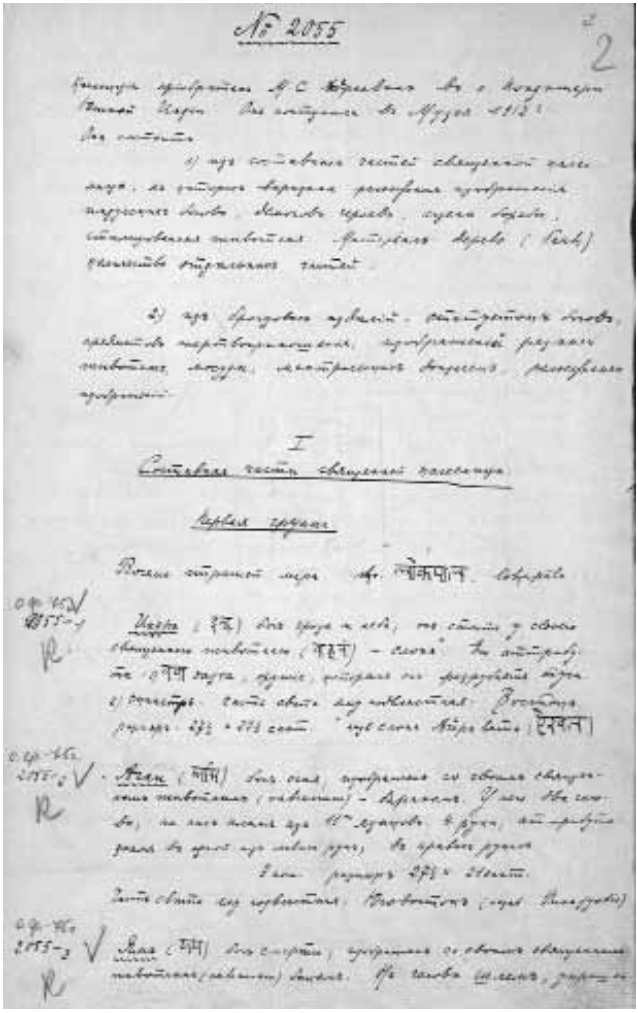
Состав и содержание

Коллекция № 2055 состоит из двух основных частей: первый раздел представлен резьбой по дереву (части священной колесницы), второй — металлическими изделиями (предметы малой пластики). Логическое основание такого состава объясняется тем, что, с одной стороны, он являет собой богатый и разнообразный свод мифорелигиозных персонажей и сюжетов индуистского круга, а с другой — иллюстрирует два характернейших для региона Южной Индии вида художественных ремесел.

Коллекция была принята музеем в 1912 г. Среди первичных документов, хранящихся в архивной описи коллекции, имеются

[10] Правильнее — тамильском (*Авт.*).

неполный рукописный список предметов коллекции, по-видимому, составленный собирателем (названия написаны латинским шрифтом в дравидском варианте произношения имен богов и мифологических персонажей), и описание коллекции, выполненное Г.Х. Мервартом (рис. 10).



№ 2055

2

I

Рис. 10. Первая страница описи № 2055.

Развернутое описание сделано Г.Х. Мервартом в 1913 г. лишь для пятидесяти начальных номеров коллекции, далее (до номера 296) оно становится кратким и содержит лишь название предмета и изображенных персонажа или сцены. По-видимому, завершение полноценного описания не состоялось из-за отъезда Мервартов в собственную экспедицию. К описи еще был добавлен список полезной литературы по индийской мифологии. По возвращении из Индии в 1920-е годы работу над описью продолжила Л.А. Мерварт.

Судя по имеющимся в описи «листкам учета», сверка коллекции проводилась в 1975 г. (Л.Л. Левизи и Е.Д. Каменской) и в 1982 г. (А.И. Терюковым, Л.Л. Левизи и Т.Б. Путиловой). В обоих листках отмечено, что № 2055-61 коллекции считается утраченным с 1947 г. Все остальные предметы имеются в наличии, что подтвердилось и во время проверки 2011 г., проведенной Л.Ф. Трущенковой и Н.Г. Краснодембской. В описи также сохранены сведения о том, что некоторые экспонаты этой коллекции временно выставлялись в Государственном Эрмитаже (№ 2055-15 и № 2055-47, в 1975–1982 гг.), а еще ранее — в Музее истории религии (№ 2055-3, 4, 5 и 6), о чем свидетельствует акт об их возвращении в МАЭ 14 ноября 1940 г., подписанный соответственно сотрудниками этих учреждений Н.Ф. Платоновым и Б.В. Фирштейн. В послевоенное время часть экспонатов коллекции № 2055 всегда присутствовала в постоянной индийской экспозиции МАЭ. Перерегистрация данной коллекции с дополнением прежде кратких описаний и с учетом современных правил фиксации сведений о размерах, материале и сохранности предметов была осуществлена С.А. Маретиной в 1985 г.

Первую часть коллекции (детали деревянной резной ритуальной колесницы) можно сгруппировать в несколько разделов, и этому принципу в описании предметов следовали и Г.Х. и Л.А. Мерварт, и С.А. Маретина.

В первый раздел (№ 1–8) вошли стражи сторон света (*локапалы*), которых в данном случае насчитывается восемь, и начинает их перечень хранитель Востока, царь богов Индра, названный

здесь богом грозы и неба. Ему сопутствует его священное ездовое животное (*вахана*) — слон Айравата, а в двух из четырех рук обнаруживаются соответствующие атрибуты — *ваджра* (трактуется как оружие, которым бог разрубает тучи) и скипетр.

Юго-восток храним богом огня Агни, который выступает в виде двухголового, четырехрукого и трехногого персонажа. От его голов исходит одиннадцать языков пламени, среди атрибутов в его руках — оружие и знамя. Ваханой Агни служит баран с пышной шерстью и загнутыми рогами. Агни изображен обнаженным по пояс, на бедрах — опоясание типа дхоти.

Повелителем Юга (*дакшина-пати*) выступает бог смерти Яма: он представлен на рельефе стоящим, на голове как шлем помещена верхняя часть львиной морды, вокруг — языки пламени. Он изображен в богатых украшениях: массивное ожерелье на груди, браслеты — на руках и ногах. Примечательны удлиненные мочки ушей. Из четырех рук персонажа три подняты вверх, одна опущена. В руках — атрибуты: петля / лассо (*паша*), дубина (*данда*), а также оружие в виде трезубца, напоминающего скипетр. Ваханой Ямы является бык, который в данном случае изображен оседланным.

Стражем юго-запада в данном случае выступает не божество, но демон (*ракшас*), чье имя Нирриту. Составителями описания отмечается как характерная черта именно для районов Южной Индии то, что этот демон (именуемый также демоном смерти) заменяет бога солнца Сурью, которому приписывается та же роль в более известной и общераспространенной в Индии системе стражей света. Изображен демон в виде персонажа с внушительных размеров препоясанным чревом, вокруг его головы ореолом расположены волосы, в ушах — серьги. Его ваханой выступает человеческая фигура в коленопреклоненной позе (левая нога опущена, правая выступает вперед, согнутая под прямым углом). Демон сидит на голове человека, спустив ноги ему на грудь и опираясь стопами на его ладони. У демона имеются две руки: в правой он держит меч, а в левой — круглый щит.

Хранителю запада — богу воды Варуне — в качестве ваханы сопутствует морское чудовище *макара*, имеющее своеобразный вид: его туловище похоже на львиное, а голова — на голову дракона. У бога две руки, он одет в опоясанье и нагрудные украшения, увенчан шлемом в виде верхней части львиной морды. У него не вполне обычные (в сравнении с наиболее распространенными в Индии) атрибуты — топор (а не ловчая петля) и весло (соответственно в правой и левой руке).

Бог ветра Вайю, сторожащий северо-запад, стоит в полный рост, за ним словно прячется его вахана — антилопа, изображенная пятнистой. Внешне Вайю похож на Варуну, в том числе одеянием и украшениями. У него также две руки, но иные атрибуты — знамена *дхваджа*.

Бог богатства Кувера / Кубера, традиционно олицетворяющий север (местом его обитания считают Гималаи), одет подобно Варуне и Вайю в опоясанье и украшения, и у него тоже две руки. Но голову его венчает высокая корона, напоминающая тиару, его атрибуты — меч (в правой руке) и вертикально удлиненный щит. Его вахана — стоящая возле него оседланная лошадь в богатой сбруе.

Оригинален южноиндийский персонаж, олицетворяющий северо-восточную сторону света: это не более привычный в данной роли бог луны Сома, а любимый бог Южной Индии Шива, отмеченный, однако, специальным эпитетом Ишана (*повелитель*). Он изображен стоящим в свободной позе (правая нога покоится поверх левой), У него четыре руки, из которых одна левая опущена, одна правая поднята и направлена открытой ладонью на смотрящего (жест с известным успокаивающим смыслом: «не страшись»). В двух других руках Шива держит известные атрибуты: в правой — дубину, в левой — лань. У него усложненный головной убор: поверх тиары помещается и половина львиной морды (что, по-видимому, усиливает значимость персонажа). Рядом с божеством его вахана — стоящий в профиль бык Нанди, оседланный и богато украшенный.

Любопытно отметить, что большинство из описанных стражей стран света изображены на фоне богатого резного расти-

тельного узора, что указывает на тесную связь названных мифологических персонажей с самой природой.

В следующей группе соединены главные / верховные боги индуизма — Брахма, Вишну, Шива. В этом разделе вычленяется несколько подгрупп, связанных с каждым из этих божеств и кругом персонажей, относящихся к нему.

Брахма, выступающий в индуизме Творцом, представлен экспонатами с № 2055-9 по № 2055-13. В этом небольшом числе предметов можно, однако, обнаружить разнообразие изображений данного божества и в позах, и в антураже, и в символически значимых деталях. Брахма представлен и сидящим, и стоящим, со своей ваханой (*ханса* — так называемым [золотым] гусем / лебедем) и без нее. В одном случае (№ 2055-10) он изображен в паре со своей «супругой» (*шакти*) Сарасвати. Богиня примерно в два раза меньше размером, чем Брахма, она имеет две руки (одна просто опущена, в другой она держит цветок лотоса).

У Брахмы бывает и четыре головы (*чатвар муркхам*), хотя реально видимых три (одна, невидимая зрителю, предполагается сзади), и пять голов, и две, и четыре руки. В случае пяти голов у него, соответственно, имеется десять рук. Постоянно повторяющиеся его атрибуты — скипетр, кувшин / горшок и «книга» / вела. Однако в предмете № 2055-11 (рис. 11) можно разглядеть атри-

Рис. 11. Пятиликий Брахма (№ 2055-11)

Рис. 12. Бог-творец Брахма (№ 2055-13)

бут, напоминающий некое орудие или оружие. В изображении № 2055-9 он находится на троне, имеющем заднюю стенку и навершие, похожее на балдахин. Под № 2055-13 (рис. 12) божество изображается сидящим в йогической / аскетической позе *падмасана* («поза лотоса», или поза созерцания) на низком, ничем не огражденном троне. В одном случае (№ 2055-12) Брахма изображен сидящим прямо в цветке лотоса, но в необычной позе — с расставленными ногами. В других случаях мы видим его изображенным в арке (в том числе и вместе с Сарасвати).

Головы Брахмы и Сарасвати увенчаны тиарами. В изображении № 2055-11 (где у Брахмы пять голов) на средней тиаре про-

сматривается человеческое лицо, а в № 2055-12 поверх тиар — не то головы, не то черепа. Присутствует и «львиный знак» (половина львиной морды), то непосредственно венчая голову божества, то присутствуя в орнаменте, как в № 2055-11, где львиная морда включена в цепочку стилизованных цветков, входящую в обрамляющую божество арку из растительных элементов.

Одна из рук Брахмы часто преподносит зрителю жест, типичный для Шивы — «не страшись». Очень любопытно, что в приложении к одному из четырехголовых изображений Брахмы приведен (не можем утверждать, самим собирателем коллекции или ее первым регистратором Г.Х. Мервартом, который тоже изучал культуру дравидов), миф о том, как Брахма потерял одну из своих голов. Согласно этому мифу бог-творец первоначально имел пять голов, но однажды он проявил непочтительность по отношению к Шиве (!), и тот в гневе открыл свой третий глаз и испепелил огненным взором одну из голов Брахмы.

И Брахма, и Сарасвати изображаются обнаженными в верхней части тела и одетыми лишь в длинные опоясанья, но оба предстают в украшениях. Оригинально украшение Брахмы на изображении № 2055-13: это не ожерелье, а подвеска на груди в виде крупного драгоценного камня (в дальнейшем приводится и название подобного украшения — *канстубха*).

Особым своеобразием, как нам кажется, отличается изображение № 2055-12. Здесь особенны и поза божества, и головные уборы, как уже отмечено выше. Один из его атрибутов, привычно называемых скипетром, по форме напоминает ложку для жертвоприношений масла. В двух соединенных руках он держит предмет, который, возможно, и является жертвенным подношением. На груди у божества не ожерелье, а цветочная гирлянда. Широкий цветочный пояс (или тоже гирлянда) обвивает его ноги. Резной фон сцены обильно наполнен растительными узорами. Создается впечатление, что бог представлен пребывающим на небесах, за одним из своих рутинных дел — совершением жертвоприношения (кому и в каких целях — это уже тема для особых размышлений).

Рис. 13. Небесный танцор
(№ 2055-14)

Рис. 14. Бог-хранитель Вишну
(№ 2055-15)

Понятно, что за богом-творцом следует Вишну — Хранитель мира. В подгруппу, связанную с его именем, входят также изображения его различных воплощений (*аватар*), его супруги / шакти Лакшми, а также некоторых других персонажей (но, отметим, далеко не всех известных). Одиночных изображений Вишну всего пять (№ 2055-14–18), четыре из них не представляются типичными. Наиболее привычным выглядит изображение божества на «змеином троне», т.е. на свернувшемся в кольца змее Шеше (№ 2055–15), при этом пять голов священного змея образуют выступ над головой божества (рис. 13). Впрочем, такое изображение, как известно, все же более характерно для иконографии Будды.

№ 2055-14 и № 2055-16 представляют нам божество в редкой позиции — стреляющим из лука; № 2055-14, сидя при этом на лотосе (рис. 14), а № 2055-16 — стоя в повороте *трибханга*. Вишну № 2055-18 изображен в йогической позе *падмасана* (тоже не слишком характерной для данного боже-

ства), а в изображении № 2055-17 мы обнаруживаем бога за совсем уж редким для него занятием — играющим на барабане (рис. 15). А игра на барабане, как известно, чаще всего ассоциируется с образом и поведением Шивы. Голова у Вишну одна, рук — четыре или шесть, одежда на верхней половине тела отсутствует. В деталях изображений встречаются и «львиный знак», и тиара в качестве головного убора, и канстубха, и богатый растительный фон, и пышная гирлянда вокруг ног. Среди атрибутов — привычные диск (*чакра*) и раковина (*шанкха*), но также меч и щит. Некоторую воинскую мобилизованность божества подчеркивает и оригинальное изображение его атрибута — раковины (№ 2055-14) с тремя исходящими от нее языками пламени.

Рис. 15. Бог Вишну (№ 2055-17)

Вишну на троне в паре со своей шакти Лакшми, которую он держит на левом колене, обнимая одной рукой, появляется под номером № 2055-52. Лакшми, спустив ноги, опирается ими на цветок лотоса, растущий на длинном стебле. Любопытны вторичные персонажи композиции: кроме двух человеческих фигурок, стоящих с поднятыми руками у ног Вишну, в верхней части композиции, по бокам от головы Вишну, изображены на богатом растительном фоне еще две фигурки с неясными чертами, но в тиарах, а также в неожиданной для места их расположения коленопреклоненной позе, которые выглядят устремленными / летящими (?) вверх.

Рис. 16. Богиня Лакшми, шакти Вишну (№ 2055-20)

Предмет под номером № 2055-19 представляет нам Вишну в компании двух супруг (кроме Лакшми, ему иногда приписывают и вторую жену — богиню Земли): сам бог восседает на троне из свернувшегося в кольца змея Шеше, а богини (меньшего по сравнению с Вишну размера) стоят по обе стороны от него. Группа располагается на трехъярусном постаменте на фоне цветочной арки.

Отдельное изображение богини Лакшми представлено под номером № 2055-20 (рис. 16): она сидит, подобрав ноги, на троне, с которого свешиваются складки ткани. Из четырех рук богини две подняты кверху, и в каждой она удерживает свой символ — цветок лотоса. Две другие руки обращены к зрителю в жесте «не страшись», при этом на ладонях хорошо просматриваются знаки (лакшаны), символизирующие божественную природу Лакшми. На груди у нее подвеска с крупным драгоценным камнем, в ушах — большие серьги, с шеи спускается цветочная гирлянда, голову венчает тиара. Фоном является арка.

Далее идут изображения некоторых из *аватар* Вишну.

Под номером № 2055-21 находится изображение его четвертой аватары (*воплощения*, или, буквально, «нисхождения на землю») в виде Нарасимхи («Человеко-льва»), имеющего человеческое туловище и львиную голову. Нарасимха запечатлен в момент борьбы с врагом людей демоном Хираньякашьяпу. Тела противников сплетены в схватке. Из шести рук воплощенного божества

четыре заняты борьбой, в одной (правой) просматривается атрибут Вишну — диск, часть левой руки утрачена. Необычная деталь изображения: между двух человеческих ног просматривается третья — звериного вида, похожая, правда, больше на лошадиную ногу, чем на львиную лапу. Божественность персонажа подчеркнута головным убором в виде тиары с крупным драгоценным камнем.

Рис. 17. Царь-герой Рама со спутниками (№ 2055-23)

Продолжение схватки видим в предмете № 2055-22: Нарасимха сидит, расставив ноги, и раздирает на части поверженного и лежащего у него на коленях демона. В этом изображении у Нарасимхи только четыре руки, львиная пасть грозно разверста, ног тоже три, но средняя (звериная) уже действительно похожа на львиную лапу.

Под номером № 2055-23 (рис. 17) возникает образ божественного царя Рамы (героя древнего эпического произведения индийцев «Рамаяны»), который считается седьмой аватарой Вишну. Рама предстает в окружении главных сопутствующих ему персонажей: его супруги Ситы (которая считается воплощением Лакшми, она стоит по левую руку от супруга), младшего брата Лакшманы (он стоит по правую руку от Рамы, вооружен луком) и героической обезьяны Ханумана, помогавшей ему в борьбе с царем Ланки демоном Раваной. Эпический царь имеет две руки (в левой он держит длинный лук, в правой — стрелу. Он одет в короткое узорчатое опоясанье, обнажен в верхней части тела. На нем богатые украшения, в том числе на груди у него — под-

Рис. 18. Поединок Ханумана и Сугривы (№ 2055-25)

веска канстубха, на голове — тиара. Сита тоже обнажена до половины тела, в руках у нее атрибут Лакшми — цветок лотоса. Ноги Рамы обвиты широкой цветочной гирляндой.

Тот же сюжет представлен во фрагменте одной из составных частей колесницы под номером № 2055-24, правда, предмет этот худшей сохранности, чем предыдущий. Из изобразительных особенностей этой композиции стоит упомянуть богатую арку из растительных элементов, в которую «вписаны» уже известные нам персонажи, и вновь присутствие в орнаменте «львиного знака».

Далее (№ 2055-25) (рис. 18) появляется новая композиция на сюжет из «Рамаяны»: рукопашная битва братьев — обезьян — благородного Сугривы и коварного Бали, нечестным образом захватившего царство брата. Победить узурпатора Сугриве, в конечном счете, и помог сам Рама, а обезьянье войско, в свою очередь, способствовало божественному герою, успеху в его борьбе с Раваной. Впечатляют живость, выразительность изображения динамичной сцены, а также эмоций героев. Царственность обезьян отмечена головными уборами в виде тиар, нижняя часть туловищ прикрыта опоясаньями.

Под номером № 2055-26 (рис. 19) представлено шестое, как считается, воплощение Вишну — Парашурама («Рама с топориком»), любимый образ как раз на юге Индии. Хотя он изображен

Рис. 19. Парашурама
(№ 2055-26)

Рис. 20. Баларама с журавлем
(№ 2055-27)

мирно молящимся, со сложенными перед грудью руками и в богатой гирлянде на плечах (свешивается до самых колен), его атрибут — топор — находится при нем: зажат под мышкой (правой руки). Ноги его также обвивает пышная гирлянда. Любопытная особенность заключается в том, что все изображение «вписано» в прочерченный на фоне круг.

С восьмым воплощением (аватарой) Вишну — Кришной — связаны изображения под номерами № 2055-27, 28 и 30. Первым (рис. 20) здесь идет сводный брат Кришны Баларама, который тоже изображен в момент сражения с демоном, имеющим вид огромного журавля, враждебного Вишну / Кришне. В связи с этим изображением приведена легенда, в соответствии с которой считается, что Кришна равновелик Вишну, а Баларама и является его восьмым воплощением. Как верно сказано в описи

Рис. 21. Приемные родители Кришны Васудева и Деваки (№ 2055-28)

С.А. Маретиной, на этом рельефе Баларама изображен в очень динамичной позе, с поднятой левой ногой, которой он попирает спину журавля, руками он держит его за полураскрытый клюв. Своеобразен головной убор Баларамы в виде шапки, с которой свешивается гирлянда.

Экспонат № 2055-28 (рис. 21) представляет собой изображение родителей Кришны — царя Васудевы и его супруги по имени Деваки. Царь сидит с расставленными ногами, на руках у него лежит лицом вверх супруга. Васудеву отличает заостренная бородка и своеобразный головной убор в виде цветочной короны. Венчает сцену орнамент из стилизованных цветов, в середине которого помещена голова льва, с нее свисает гирлянда. Данный фрагмент колесницы, отметим, относится к ее старинным фрагментам. Приведена легенда о рождении Кришны и Баларамы и о том, почему кожа их разного цвета. Якобы Вишну вырвал два собственных волоса и вложил их в утробу жен Васудевы: белый — жене по имени Рохини, черный — самой Деваки. Соответственно, у них родились белокожий Баларама и темнокожий Кришна (буквально «Черный»).

И, наконец, сам Кришна предстает (№ 2055-30) (рис. 22) в образе Божественного Любовника в эротической сцене с пастушкой

(*гопи*). *Митхуна / майтхуна* — особый иконографический сюжет в индуизме, изображающий богов и царей вместе с их женами, в том числе в сексуальном слиянии; этот сюжет популярен в кришнаитском искусстве различных жанров. Практика ритуальных соитий жива в шактистских и тантрических культах. В высшем философско-религиозном смысле она нацелена на достижение «освобождения», слияния с божеством или Абсолютом. В магическом смысле это мощное средство выявления духовных и физических энергий. В данном изображении Кришна и пастушка предстают полностью обнаженными, но в украшениях. Своеобразны высокие прически обоих героев. В антураже сцены (в верхней ее части) — цепочка стилизованных цветков, включающая «львиный знак».

Рис. 22. Кришна с пастушкой (№ 2055-30)

Далее нам представляется круг персонажей, связанных с Шивой (от № 2055-31 до № 2055-51), которого в божественной индуистской триаде обычно именуют Разрушителем. Действительно, грозная, карающая, разрушающая сила является ярким качеством данного божества. Но надо помнить, что для шиваитов этот бог включает в себя все функции: и разрушения, и созидания, и милосердной охраны преданных ему адептов. И эти представления отражены в тех ипостасях Шивы, которые иллю-

Рис. 23. Шива в грозной ипостаси (№ 2055-31)

стрируют предметы из коллекции № 2055: изображений этого божества больше, чем других участников верховной индуистской триады, а они разнообразны и в ряде черт оригинальны по сравнению с широко известными и более привычными.

Первым образом (№ 2055-31) (рис. 23) нам явлен Шива карающий, хотя и без объекта его гнева: божество изображено стоящим, почти в профиль, в динамичной позе, вооруженный большим трезубцем, который он удерживает двумя из восьми рук. Прочитываются лишь некоторые атрибуты бога в других его руках — кобра, меч. На нем богатые украшения, среди которых различимы диадема, украшенная перьями, на груди — камень канстубха. Грозный, почти демонический облик подчеркнут поясом из черепов. Вверху присутствует цветочный бордюр вместе со «львиным знаком», на подножии изображения — маленькое изображение ваханы Шивы — быка Нанди.

Шива в облике аскета, находящегося в сидячей позе созерцания, представлен под № 2055-32: у него четыре руки, длинные волосы, головной убор — узкая диадема. Но даже в этой спокойной позе его правая нога попирает врага. По обе стороны от Шивы у его ног расположены еще две фигурки аскетов, их отличительная черта — длинные бороды, они в тиарах. Образ Шивы вписан в шатер / арку, вверху — снова цветочный бордюр с «львиным знаком».

Третий образ — Шива, пляшущий на теле врага (№ 2055-33). У него шестнадцать рук, две из них являют жест «не страшись», в двух имеются атрибуты — дубина и барабан. Под левой ногой у него фигура поверженного врага — человека с приподнятой головой, правая нога и одна левая рука подняты вертикально вверх. У ног его, справа и слева, — две грубо обозначенные фигурки молящихся адорантов.

Грозно вооруженный Шива (№ 2055-34), чья магическая мощь подчеркнута также изображениями змей на его теле (волосы — как диадема из змей, вокруг бедер обнаженной фигуры — опоясанье в виде змеи, при нем также его шакти Парвати, что свидетельствует о его полном могуществе), выступает как объект поклонения дарующего ему жертвоприношение адоранта (возможно, адорантов была два, но часть композиции утрачена). Вся композиция вписана в арку, вверху — цветочный бордюр со «львиным знаком». Своеобразие этого изображения заключается и в том, что фигура Шивы изображена в позиции *трибханга* («трехчастной»), когда три части фигуры — голова, туловище и ноги — изображаются в трех разных плоскостях.

Шива встречается и в спокойных позах. Так, под № 2055-37 представлено его изображение в медитативной позе «падмасана» на троне, с которого свешивается ткань. У него четыре руки, из которых две демонстрируют жест «не страшись», а в двух других — газель и дубина *кхатванга*. Причем дубину он держит левой (не главной) рукой. Возможно, здесь бог представлен как покровитель животных (*пашупати*). В сцене под № 2055-39 Шива представлен спокойно стоящим, в четырех его руках видны следующие атрибуты: змея, лист и лук (последний атрибут, не вполне типичный для Шивы, бог удерживает двумя руками). А рядом с божеством находятся два адоранта в разных позах: один преклонил колени, другой, бородатый и с толстым животом, стоит в полный рост. Стоит отметить, что адоранты чаще изображаются именно возле Шивы, чем перед другими божествами.

Одна из сцен с участием Шивы плохо поддается трактовке, в то же время являясь редкостной по содержанию (№ 2055-35).

Двурукий Шива со своим типичным атрибутом барабаном *дамару* помещен между двумя фигурами: Женская фигура (возможно, Парвати) стоит (слева от Шивы) на одном с ним уровне, но она ниже ростом. Справа от Шивы на особом постаменте воздвигнута мужская фигура, которая обеими руками касается барабана Шивы. Обе мужские фигуры одеты одинаково царственно: в тиарах, опоясаньях, вокруг их ног широкие цветочные гирлянды. Возле постамента изображена небольшая фигурка в сидячей позе, с тремя головами и плохо различимыми чертами. Мифологическое содержание композиции пока неизвестно; не помогает и надпись в списке собирателя — *тримурти* (трехликое божество; иначе — строенное изображение Брахмы, Вишну и Шивы), так как эта надпись, скорее всего, относится именно к нечеткому трехголовому персонажу. Вероятно, мифологический фрагмент, ставший основой изображения, еще придется разыскать.

Рис. 24. Шива Натараджа (№ 2055-38)

Заслуживает специального изучения и предмет № 2055-38 (рис. 24), где также обнаруживаются оригинальные детали композиции. Здесь пляшущий Шива с четырьмя руками сам себе аккомпанирует на барабане дамару. Вверх поднята его левая нога, а правой он попирает врага / зло в виде человеческой фигурки, которая удерживает в руках змею. Справа и слева от Шивы находятся адоранты в молитвенной позе, при этом туловище одного из них до пояса снизу обвито змеей. Своеобразен здесь и головной убор бога в виде шлема, по обеим сторонам которого развеваются по пять лент (воз-

можно, стилизация изображения змей). Змеиное «сопровождение» Шивы подчеркнуто и в предмете № 2055-40 (рис. 25): здесь Шива, в изобильных украшениях, изображен играющим на барабане дамару, который он держит перед грудью двумя из четырех рук. В двух других руках он удерживает трезубец (тришула), а также еще предмет, тоже похожий на маленький барабан. В качестве головного убора он имеет диадему из змей, змея также обвивает его бедра. По обе стороны от Шивы — адоранты не вполне обычного вида: это фигурки мальчиков, несущих на своих головах блюда с подношениями божеству.

Рис. 25. Шива, играющий на барабане (№ 2055 – 40)

Заметная связь культа Шивы с культом змей, отраженная в комплексе изображений, представленном фрагментами священной колесницы, вошедшими в коллекцию, проступает и в композиции № 2055–41: здесь Шива представлен пляшущим, у него восемь рук. В трех руках — атрибуты: дубинка *гада*, скипетр и газель; одной из рук он демонстрирует жест «не страшись». Четырьмя другими руками он держится за края раковины (более типичный знак Вишну, чем Шивы), в которую фактически вписана вся изображенная сцена. Волосы Шивы изображены в виде змей, на груди — очень крупный драгоценный камень, бедра выше колен обтянуты тесными штанами.

Предмет под № 2055-36 (рис. 26) изображает типичную для индуизма персону — танцующее божество из свиты Шивы.

Рис. 26. Танцующее божество (№ 2055-36)

Рис. 27. Бог Шива (№ 2055-43)

Как известно, образ жизни аскета излюблен и самим Шивой, отчего Парвати, желавшей сделать его своим мужем, было очень нелегко добиться этой цели. Шива как покровитель аскетов изображен под номером № 2055–43 (рис. 27): он стоит в спокойной позе, одной рукой показывая жест «не страшись», в другой, опущенной вниз, удерживает дубинку *гада*; ноги его обвивает цветочная гирлянда. Голову его венчает диадема из собственных волос, присутствует много украшений. По обе стороны божества стоят два бородатых аскета / йога с поднятыми руками.

Присутствует среди других и изображение Шивы в виде *ардханари* («наполовину женщины»), которое считается соединенным изображением бога с его женской ипостасью (*шакти*, «супругой»). Правая сторона этой фигуры (№ 2055-44) (рис. 28) имеет черты мужские, левая сторона — женские. В мужской руке атрибутом является дубинка *гада*, в женской — петля *паша*. С «мужской стороны» обозначен и бык Нанди (вахана Шивы), который лижет руку бога, а бог прислоняется спиной к животному. С плеч Шивы ниспадает гирлянда, а вся группа вписана в арку из цветов и листьев.

Рис. 28. Шива ардханари, единый в мужской и женской сути (№ 2055-44)

Шакти (супруга) Шивы представлена и в отдельных изображениях. Характерно, что прежде всего она является (№ 2055-45, 46) в своей грозной ипостаси — Кали, воительницы со злом. В первом случае она изображена победительницей демона / асуры по имени Рактавиджа, поверженную фигуру которого она попирает правой ногой. В ее восьми руках атрибуты (некоторые утрачены) воинственного характера: диск, трезубец, дубина, нечто вроде заостренного камня. С бедер ниспадает пояс с колокольчиками. У ног Кали — небольшая фигура льва (ее вахана).

Композиция располагается на высоком постаменте, вверху — цветочный бордюр с «львиным знаком» посредине. Следующее изображение стилистически несколько противоречиво: с одной стороны, поза богини спокойная (она сидит в лотосе), из восьми рук две сложены перед грудью в молитвенном жесте; с другой

стороны, при нарядном уборе (украшения, пышное опоясанье) волосы у нее в виде змей, и в одной из рук — змея. Совсем необычная деталь: на ладони верхней правой руки помещена человеческая фигурка.

Имеется и мирная сцена (№ 2055-47): Шива и его супруга / шакти в благостно-спокойной ипостаси Парвати («Дочери Гор»). Бог и богиня восседают на ковре, постеленном на спине ваханы Шивы — быка Нанди. У Шивы вид все же грозный: на нем шлем, украшенный львиной мордой, один из атрибутов — дубина; Парвати держит в руке цветок. Любопытная особенность: Парвати в позе «падмасана» находится на особом постаменте, также покрытом ковром.

Встречаемся мы и с отдельными изображениями самого Нанди, причем в очень необычном виде (№ 2055-48, 49): священный бык представлен с человеческим телом и головой животного. Бычья голова украшена тиарой, на нем украшения и одеянье, как и у богов. Атрибуты повторяют атрибуты Шивы. Во второй сцене он сидя играет на барабане. Сцены вписаны в растительный узор или цветочную арку.

Под № 2055-50, 51 представлены «сыновья» Шивы и Парвати — соответственно Ганеша и Сканда, Восьмирукий Ганеша восседает на своей вахане — мыши, левой ногой он опирается на цветок. Некоторую оригинальность представляет изображение женской фигуры, помещенной у него на левом колене, с цветком лотоса в левой руке. У ног божественных адорантов — грубоватое изображение двух адорантов с подношениями, которые они несут на своих головах. Четырехрукий Сканда изображен стоящим (за ним помещен павлин — его вахана), одной рукой он дарит жест «не страшись», одна рука опущена, в двух других — нечеткое изображение каких-то видов оружия. Характерно, что по обе стороны от него изображены две небольшие женские фигуры, чего обычно не встречаем в современных изображениях Сканды.

Мы привели уже, как кажется, достаточно описаний изобразительных сюжетов, чтобы удостоверить читателя в своеобразии

содержания уникальной коллекции, которой, благодаря стараниям М.С. Андреева, владеет МАЭ. Мы специально избрали для этого такие персонажи, об иконографии которых широко известно, а потому отличительные черты выступают особенно заметно. У нас не было цели дать полное описание коллекционных единиц (впрочем, главные сведения обо всех предметах можно найти в приложениях). Нам хочется лишь показать, сколь ценным, неповторимым материалом мы располагаем для научных исследований.

Кроме описанных персонажей и сцен коллекция содержит еще множество других. Тут присутствуют изображения божеств «второго плана» — например, богини страсти и вожделения Рати (она считается супругой бога любви Камы). Повторяются изображения небесных дев, стражей входа, прислужников (или адорантов) с лотосами в руках, а также различных воинов: здесь и булавоносцы, и воители со щитом и мечом, и целые сцены битв. Надо заметить, среди всех изображений явно выделяются две категории: условно говоря, *основных* и *дополнительных*. Основные представлены отдельными плакетками, содержащими, так сказать, главные, «необходимые» сюжеты. А дополнительные располагаются (точнее, располагались, когда колесница существовала в собранном виде) на соединительных частях общей конструкции, например, на угловых «скрепах». Здесь как раз и встречаем повторяющиеся типы изображений, наиболее общих и безличных. Для примера опишем некоторые из них.

Под номером № 2055-64 хранится изображение одной из небесных дев: это прямо стоящая женская фигура, представляющая собой молодую красавицу с высокой грудью и тонкой талией. Одета она в короткую юбочку, ноги до щиколоток закрыты облегающими штанами. На красавице разнообразные украшения — на голове, груди и руках. Левой рукой она упирается в собственное бедро, в правой держит цветок лотоса.

Под номерами № 2055-70–74 находятся изображения булавоносцев. № 2055-70 — мужская фигура прислужника в доспехах, тиаре, с украшениями и гирляндой у щиколоток стоит на про-

Рис. 29. Воин-булавоносец
(№ 2055-70)

Рис. 30. Небесный воин
(№ 2055-71)

стом постаменте, слегка изогнувшись в талии. Левой рукой опирается на булаву, правая приподнята, один палец втянут вперед (рис. 29). В случае № 2055-71 этот небесный воин предстает в виде коренастой мужской фигуры с приметным животом: он одет в короткие узкие штаны, на нем украшения, в частности высокая тиара на голове. Он стоит, опираясь правой рукой на булаву, его левая рука с поднятым вверх пальцем открыта ладонью к зрителю (рис. 30).

Другой тип воина представлен под номером № 2055-76: мужчина в доспехах и короткой юбочке (другие подобные персонажи могут изображаться одетыми в короткие штаны) стоит, слегка изогнувшись в талии. В правой руке он держит меч / кинжал острием вверх, в левой — овальный щит. Вокруг его головы — языки пламени, ноги окутывает цветочная гирлянда.

Сцены сражений помещаются на угловых деталях конструкции колесницы, что обусловило некоторое своеобразие изображений: они двусторонние, но не зеркальные. Так, предмет под номером 2055-90 запечатлел сцену битвы всадника с пешими воинами. Вздыбленный конь доминирует в композиции и размером превышает другие фигуры. Всадник с одной стороны изображен с одной поднятой рукой, а с другой — с двумя руками (в одной руке у него меч, в другой — удила). Один из пеших воинов вооружен мечом и идет в атаку, другой держит в руках большое опахало (смысл этого атрибута пока не вполне ясен).

«Серийными» являются также некоторые сцены эротического смысла: это и сама богиня страсти Рати (№ 2055-53 (рис. 31), 55, 56, 57), и «безличные» любовные сцены (например, № 2055-102, 135).

Рис. 31. Рати, богиня страсти (№ 2055-53)

Рис. 32. Лев (№ 2055-112)

Рис. 33. Лев (№ 2055-122)

Интересно отметить, что среди «дополнительных» изображений мы встречаем и изображение танцующего Шивы, рядом с которым бывает изображена и небесная дева, одна или с прислужницами (№ 2055-98, 99, 100, 101). Кажется, и в этих сценах подразумевается эротический «подтекст».

Особый блок составляют также изображения животных. Прежде всего, это образ льва (№ 2055-112 (рис. 32), 113, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122 (рис. 33), 123, 124, 125, 126, 127,

128, 129): зверь представлен сидящим, стоящим на задних лапах, шагающим, прыгающим. Лев «шагающий» изображается держащим в пасти ветвь стилизованного растения. Под номером № 2055-119 имеется изображение фантастического животного с огромной головой, глазами навыкате и округлой стилизованной гривой, а под номером № 2055-130 — пятиголовая змея (рельеф на карнизе).

Таков состав основных изображений, присутствовавших в комплексе персонажей, сцен и «служебных элементов», составлявших конструкцию священной колесницы, приобретенной М.С. Андреевым для МАЭ. О ритуальных колесницах (общее название для них — *ратха*), на которых в обрядовых, обычно праздничных, шествиях вывозят изображения божеств, нам известно прежде всего по материалам Индии и Непала. Смысл этих проездов, а точнее «объездов», определенной территории заключается в том, чтобы получить защиту и покровительство божества для конкретной местности.

В Индии, например, прославлен храм Джаганнатха, находящийся в Ориссе, где по определенным праздникам вывозят изображения этого божества на высокой колеснице, колеса которой выше человеческого роста. Под эти колеса иной раз бросались (неизвестно, существует ли такая практика до наших дней) экзальтированные верующие, так как считалось, что погибшие таким образом попадали непосредственно в рай. Непальские колесницы, которые нам посчастливилось видеть воочию, похожи на индийские, хотя имеют некоторые особенности, на них «путешествуют» персонажи не только индуистского, но и местного буддийского пантеона.

Образцы каменной скульптуры и архитектуры из Южной Индии (например, Тамилнаду, Карнатака) свидетельствуют о существовании и здесь подобных традиций с давних времен. Понятно, что деревянные произведения подобного рода в индийском климате не сохраняются долго, поэтому наше музейное собрание может считаться раритетным. Приобретенные М.С. Андреевым для нас предметы тоже сделаны из прочного

(тикового) дерева и индологами обычно определялись «на вскидку» как относящиеся к XVIII в.

Содержательно коллекция, как мы показали, состоит из изображений персонажей брахманическо-индуистского пантеона, эпических героев, мифологических образов, причем с тенденцией к полноте этого сложного «набора». Итак, начиная с царя богов Индры, перед нами предстают и Брахма (один или вместе с Сарасвати), и Агни, и Варуна, и Яма, и хранители стран света, и в различных своих обликах и ипостасях Вишну, Лакшми, Шива, Дурга, Рама с Ситой и Лакшманом, Сугрива, Кришна, Ганеша и Рати. Смысл данного перечисления состоит в том, чтобы показать: этот «набор» героев так широк, что его нельзя связать с каким-либо одним направлением индуизма. Более того, среди прочих предстает даже джайнский персонаж — тиртханкара[11] (№ 2055-204).

Еще одна очень заметная черта: в изучаемом нами магико-символическом комплексе изображений обнаруживается множество воинственных героев, представителей, так сказать, разного рода войск (как уже упоминалось, здесь присутствуют булавоносцы, воины, вооруженные мечом и щитом, всадники, копьеносцы). Также наличествует много сцен борьбы, сражений. Божества часто изображены в грозных ипостасях. Мощь, свирепость олицетворяют и такие символические фигуры, как лев в прыжке, лев, поднявшийся на задние лапы, хотя иногда этот зверь изображен и в умиротворяющих позах, в частности лев, спокойно сидящий или шагающий, при этом в пасти он держит цветущую ветвь.

Некоторые изображения могут быть прочтены по-разному: так, фигуры, обозначенные в первичной описи как прислужники с лотосами, на наш взгляд, можно счесть адорантами с подношением божеству. Представлены и некоторые бытовые, на пер-

[11] Тиртханка́ра (санскрит. «строитель брода») — человек, достигший просветления благодаря аскезе, наставник на пути к просветлению. Их статуи почитаются в джайнистских храмах.

вый взгляд, сцены: женщина с сосудом на плече, старик с ношей и собакой, хотя, вероятно, и они могут быть прочитаны в символическом ключе. Нередко, как мы уже заметили, повторяются сцены эротического характера, которые, скорее всего, имеют магический смысл: плодотворения, полноты бытия, в самом общем смысле — созидания, энергического / энергетического творения.

В целом весь этот комплекс изображений представляет собой небесные сферы индийцев с их разнообразными обитателями, это грозный комплекс божественных сил, магической и физической мощи. В каком-то смысле это запечатленная в *миге* индийская *вечность*, сканированное *пространство* древней (и все еще живой сегодня) индийской мифологии.

Явно подчеркнут воинственный характер комплекса, дух борьбы, сражения. Это не просто ритуальная колесница, а настоящая военная машина, «орудие» величайшей мощи.

В художественном плане экспонаты действительно тяготеют к южноиндийским традициям скульптуры и архитектуры, но каким конкретно, сказать трудно. Здесь еще необходимо провести специальные сравнительные исследования. Отметим только, что совершенством резьбы по дереву славились и славятся до наших дней мастера из Карнатаки.

Идеологически, как нам кажется, рассматриваемые предметы связаны с историей и духом Виджаянагарской империи, индуистского государства, которое занимало весь юг Индии за рекой Кришна с XIV по XVII в. Возникнув в ходе борьбы с мусульманскими захватчиками в эпоху Делийского султаната и продолжая ее в противостоянии с Бахманидским султанатом, Виджаянагара, уже как территория, подверглась и насилию со стороны европейских колонизаторов. Возможно, наша коллекция — своеобразный памятник борьбы этого края со всеми его противниками. Примечательно, что среди сохранившихся архитектурных памятников этой поры (имеем в виду селение Хампи посреди руин столицы Виджаянагара на севере южноиндийского штата Карнатака) мы как раз обнаруживаем своеобразные «храмы» —

колесницы (*ратха*), которые до нашего времени являются объектом паломничества у индуистов. Этот тип ритуальных сооружений встречается и в Тамилнаде (знаменитые пять ратх в Мамаллапураме).

Так или иначе, эта коллекция отражает особенности своеобразной религиозно-эстетической школы. Вероятно, в ней представлены наиболее архаичные формы религиозного искусства индийцев.

Визуальное изучение позволяет утверждать, что отдельные предметы коллекции были созданы в разное время. Возможно, при соответствующем анализе в ее составе обнаружатся произведения разных веков, в том числе более ранних, чем XVIII в. Очевидно, что к наиболее старинным можно отнести изображения под № 2055-11, 15, 28, 36, 57, 112.

Интересно отметить, что большинство персонажей и сцен изображены на фоне пышного растительного узора, и только в редких случаях (например, № 2055-39, 40) фон вообще не проработан. Нам кажется, это тоже свидетельствует о разновременности создания отдельных элементов колесницы. По-видимому, происходила замена деталей, пришедших в негодность. Заметим, что геометрический узор обычно применяется в украшении постаментов, на которых помещены божества и другие персонажи: видимо, для передачи идеи райского великолепия — пьедесталов и тронов, усыпанных драгоценными камнями. Так же украшена и арка в композиции предмета под № 2055-37. Как исключение постамент танцующего Шивы (изображение № 2055-41) украшен растительным узором.

Совершенно необычной иконографической деталью представляется изображение широких цветочных гирлянд (похожих на цветочное «облако») вокруг ног многих персонажей, так что создается впечатление, что они ступают по цветущим полям. Как нам кажется, этот изобразительный прием символизирует райские сады, где и должны обитать божества. Высшую царственность и абсолютное могущество, видимо, означает и символический «львиный знак».

Примечательно широкое применение жеста «не страшись», который в современной индуистской иконографии обычно свойствен только Шиве. В данной же коллекции его можно наблюдать и в изображении других фигур. Шиваитский «уклон» можно подметить и в других особенностях: само число персонажей шиваитского круга больше, чем «представителей» других ветвей индуизма.

Уникально разнообразие самой резьбы: в разных предметах она имеет самую разную высоту — от горельефа до «почти скульптуры», присутствует иногда и сквозная / ажурная резьба. Очевидно, что над созданием данной ритуальной колесницы работали разные мастера и в разное время. Потому, естественно, каждый мог вносить что-то свое, особенное, выражая, кроме общих этнических представлений, и некоторые собственные идеи.

В целом описываемая нами коллекция резного дерева, которой МАЭ обязан такому замечательному собирателю, как М.С. Андреев, пока что почти не изучалась, хотя сами предметы выставлялись и выставляются на постоянной экспозиции отдела Южной Азии, а также на временных выставках. И несомненно, они являются редким и ценным музейным достоянием.

Вторая половина экспонатов из коллекции (с № 2055-142 по № 2055-296) являет собой собрание образцов прославленной южноиндийской бронзы. Это достаточно богатая коллекция искусства так называемой «мелкой пластики» (в основном высотой от 5 до 20 см). Коллекция изобилует образами и формами их воплощения.

Здесь мы имеем разнообразные воплощения Кришны: бог-пастушок, играющий на флейте или держащий в руках другой музыкальный предмет — вûну, он же в образе ползущего дитяти или младенца с лакомством в руке, а также Кришна-каратель, стоящий на «кобровом» троне и убивающий змея Калинду, юный танцующий Кришна и некоторые другие варианты (всего около 20 предметов).

Небольшую группу составляют изображения богини Лакшми с цветком лотоса в одной из рук и, возможно, неких иных персо-

Рис. 34. Небесная дева с лотосом (№ 2055-180)

нажей с подобным же атрибутом (включая мужские фигурки). С лотосами в руках представлены адоранты в молитвенных позах. Вполне вероятно, что некоторые женские фигурки — это небесные танцовщицы: об этом свидетельствуют их одеяния, украшения и сами позы, жесты (ср. № 2055-180) (рис. 34). Лакшми представлена и стоящей, и сидящей. Имеются также изображения Лакшми, сидящей на коленях у Вишну.

Иногда из-за малого размера предметов трудно рассмотреть детали, а потому бывает затруднительно и идентифицировать изображения. Это касается не только образов Лакшми, но и других персонажей. Миниатюрные фигурки бывают грубоватой работы, со «стертыми» чертами лица, едва проработанными деталями фигур. Вишну представлен и отдельно — стоящий, сидящий, с различными «наборами» атрибутов. Имеются немногочисленные изображения Гаруды, Нарасимхи, Рамы, Ханумана.

Шива представлен малым числом образцов, но зато одно изображение очень своеобразно: бог восседает вместе со своей супругой Парвати верхом на лошади (!). В целом шиваитское направление больше выражено через сопутствующих персонажей: грозную ипостась шакти Шивы — Кали, сыновей этой божественной пары — Ганешу и Субраманью (Сканду / Картикею), через изображение фаллического символа Шивы — лингама.

Помимо персонажей «классического» индуизма, встречаются изображения и народных, локальных божеств: например, Витхобы (№ 2055-217, 219, 223, 227, 232 (рис. 35), которого широко почитают на Декане, особенно у маратхов. Этот образ нередко трактуют как ипостась Вишну. На самом деле по происхождению это некое местное божество и его культ имеет свои особенности.

Рис. 35. Народное божество маратхов Витхоба (№ 2055-232)

Значительно число «второстепенных» персонажей: это танцовщицы, музыканты, адоранты с подношениями и возле священных предметов (например, у лингама). Некоторые образы и сцены с их участием выглядят более свободными от канона и напоминают житейские, бытовые. Такова маленькая фигурка танцовщицы. Она грубоватой работы, но выразительна: плясунья как раз остановилась в движении, одной рукой упираясь в бок, другой — завершая жест. Вокруг ног еще колышется, развевается несшитая юбочка. Таковы вооруженные воины, йог в созерцательной позе, пара мужчин, молящихся перед лингамом, юноша-паломник, опирающийся на посох, дама с веером, обнаженная красавица. Ориги-

Рис. 36. Бык Нанди, вахана Шивы (№ 2055-261)

нально и пока не вполне ясно по смыслу изображение: мужчина в молитвенной позе, на плече которого помещено знамя.

Отдана дань и изображению животных и птиц как таковых (а не в роли средств передвижения божеств): представлены обезьяна, бык, буйвол, собака, а также змея (иногда это именно кобра / кобры с раздутым капюшоном), петух, павлин, попугай, гусь «ханса». Бык иногда выступает в паре с собакой.

Еще более впечатляющее сочетание (видимо, символизирующее единство фауны и флоры), — бык, держащий во рту цветущую ветвь — № 2055-261 (рис. 36). Это крупная фигура лежащего быка с попоной и седлом на спине, с ошейником с бубенцами. Левая передняя нога опущена на колено, правая опирается на землю копытом — животное пытается встать. Задние ноги подогнуты, правая под углом к животу. Попона заполнена выпуклой резьбой. На лбу украшение — красный камешек. На спине подсвечник в форме трубы, с лотосовым основанием.

Присутствует и образ коровы с теленком, широко тиражируемый народным искусством индийцев вплоть до наших дней. Фигурками таких животных иногда украшены утилитарные предметы: светильники, курильницы. Имеется и несколько изображений фантастических животных, в облике которых звериные морды и крылья, хвосты, копыта и клювы сочетаются самым невероятным образом.

Рис. 37. Дипалакшми (Лакшми со светильником). (№ 2055-214)

Любопытно отметить, что некоторые персонажи (например, герои или небожители под № 2055-177–179) имеют достаточно редкий атрибут — заплечные крылышки, наподобие ангелов (можно подумать об европейском влиянии?). Наиболее естественным в свете традиционной индийской иконографии представляется образ крылатого «летящего гения». Но неожиданно крылья обнаруживаются и у «Лакшми со светильником» (*Дипалакшми*), например, под номером № 2055-214 (рис. 37). Похожие крылышки имеются даже у богини Кали (№ 2055-172), которую в данном случае отличают и другие своеобразные черты — лотос в одной руке, другая протянута в направлении зрителя, на богине длинное опоясанье. Кали, повергающую демона Махишу, изображают

Рис. 38. Богиня Кали, победительница демона (№ 2055-188)

Рис. 39. Сцена борьбы Кали с демоном (№ 2055-248)

в арке (*торана*), и при этом непременно присутствие собаки (№ 2055-187, 188 (см. рис. 38). Богиня Кали представлена более чем пятью изображениями с интересными особенностями, что дает возможность иконографических сопоставлений (№ 2055-248 — Кали, убивающая трезубцем демона Махишу (рис. 39).

Основной материал, из которого выполнены изображения, — это не только бронза, но и медь различных оттенков. В большинстве своем фигурки являются самостоятельными предметами / произведениями, но по некоторым видно, что они были

частью каких-то конструкций. Так, возникает корова с двумя туловищами, которая, вероятно, являлась угловой деталью сложного сооружения.

Некоторые экспонаты имеют изобретательский «секрет». Так, под номером № 2055-249 хранится остроумно устроенный предмет, механическая конструкция которого словно бы демонстрирует легендарное чудо, связанное с историей младенца Кришны, который был спасен его приемным отцом пастухом Васудевой вопреки злой воле демона Кансы (своего рода индийский Ирод, губитель младенцев), приходившегося Кришне дядей. В этой «религиозной игрушке», как назвали ее регистраторы коллекции, запечатлен момент, когда Васудева уносит младенца на руках от опасности через полноводную реку Ямуну / Джамну, и река не причиняет им вреда. Сам коллекционный предмет из бронзы представляет собой кубок, внутри которого помещена фигурка Васудевы с дитятей на руках. «Фокус» заключается в том, что при наливании воды в кубок она доходит лишь до нижней части тела младенца, не заливая его; при превышении этого уровня жидкость начинает вытекать из кубка через специальное отверстие.

Несомненно, что собрание мелкой пластики из коллекции № 2055 МАЭ дает возможность еще многим исследователям провести интересные этнографические, исторические, искусствоведческие изыскания, а может быть, и сделать научные открытия.

Коллекция № 2418, собранная М.С. Андреевым, включила в себя разнообразные, самые расхожие и типичные, бытовые предметы, характеризовавшие деревенский образ жизни на юге Индии (значительная часть этих предметов еще и зарисована собирателем). Они сформировали несколько основных групп. Прежде всего, представлены экземпляры повседневной керамической посуды (как уже говорилось, привычной и даже любимой для жителей южных районов региона). Здесь горшки различного назначения, сита и пр. Причем собиратель сообщает важные детали употребления конкретных предметов, которые характеризуют и способы приготовления пищи, вплоть до нюансов.

Рис. 40. Сосуд для варки риса (№ 2418-5)

Например, для варки риса, кроме основного сосуда (№ 2418-5 (рис. 40), необходим второй, который ставится сверху (№ 2418-4) на основной, чтобы из него дополнительно и постепенно поступала вода. Представлен и сосуд для последующего промывания и отцеживания риса (№ 2418-2).

В другом типе сосудов готовят карри к рису (№ 2418-6), при этом оказывается необходимой и особая тарелочка для приправ, используемая при готовке карри (№ 2418-8, 10). В сковороде особой формы готовят блины из рисовой муки (№ 2418-19). Имеется сосуд, предназначенный для хранения острых добавок к еде (похожих на маринованные овощи и фрукты) (№ 2418-9аб).

Присутствует в коллекции и глиняный очаг традиционной формы, на котором и приготовляют всю пищу (№ 2418-11). Имеется здесь и совершенно уникальный предмет: скамеечка домохозяйки для кухонных дел (№ 2418-165 (рис. 41). Сидя на ней (в деревянной основе укреплены ножи-острия), женщина может и овощи измельчить и нарезать, и приготовить стружку из ядра кокосового ореха, которая обогащает состав и украшает вкус многих местных блюд.

Во время еды могут использовать многофункциональную чашку: она годится и для подачи приправ, и для еды или питья (№ 2418-12). Имеется и специальная чашка-тарелка для еды (побольше размером, которая используется главным образом для накладывания риса, а его местные жители употребляют много) (№ 2418-15). Для еды может быть использована не только плоскодонная посуда, но и круглодонная (вроде чашки с «ушками») (№ 2418-14). Для хранения питьевой воды выработался определенный тип кувшина (№ 2418-16). Имеется и кружка-стакан для

Рис. 41. Скамеечка с приспособлениями для нарезания овощей и строгания сердцевины кокосовых орехов (№ 2418-165)

питья (№ 2418-13). Не чужды индийские южане и употребления спиртного, о чем свидетельствует мерный сосуд для вина, приготовляемого из сока кокосового ореха (№ 2418-21).

Любопытную бытовую деталь «сообщает» нам глиняная копилка, которая не предназначена для хранения в помещении, а закапывается в землю (№ 2418-3).

Несколько фигурок из терракоты изображают характерные типы деревенского населения, без которых невозможно представить себе традиционный жизненный уклад: это и деревенский жрец-брахман (№ 2418-22 (рис. 42), и гончар за работой (№ 2418-24), и цирюльник со своим клиентом (№ 2418-27). Изображены и представители специфических профессий — птицеловы (мужчина с ловушкой (№ 2418-26) и женщина (№ 2418-23) той же касты).

Несколько предметов символизируют типичный деревенский алтарь (видимо, верующего шиваита): глиняные изображения четырехрукой богини (№ 2418-28) и лингама (№ 2418-29),

Рис. 42. Фигурка, изображающая деревенского жреца (№ 2418-22)

а также плошка-светильник (тоже из глины) (№ 2418-30). Наличествует и комплект необходимых в обрядовой жизни индуса ароматических палочек для ритуальных воскурений (№ 2418-80).

Далее идет набор игрушек-моделей, которые также отражают материальный бытовой мир жителей юга Индии: здесь и домашняя утварь (№ 2418-31-58), и фигурки мужчины (№ 2418-61) и женщины (№ 2418-59, 60), изображения животных (слон (№ 2418-63) и фантастическое чудовище (№ 2418-62). Предметы в основном глиняные, а часть из растительных материалов.

Более десятка бытовых предметов из дерева: это разные сосуды, разливательные ложки (№ 2418-66), скалка для раскатывания теста (№ 2418-72), гребни (№ 2418-73, 74), шкатулки. Имеется комплект для местной игры «паллиан-куж»: это, прежде всего, доска с углублениями-лунками, а к ней прилагаются 42 косточки (семена некоего растения) (№ 2418-75). Имеются среди прочих и предметы из

Рис. 43. Ложка «разливательная» из скорлупы кокоса и бамбука (2418-164)

бамбука (например, трубка для раздувания огня в очаге (№ 2418-79), а также «разливательная» ложка из скорлупы кокоса на длинной бамбуковой ручке (№ 2418-65, № 2418-164 (рис. 43).

Ценную часть коллекции составляют и плетеные изделия (как и гончарство, плетение — одно из древнейших ремесел), их более двадцати. Это циновки (№ 2418-81 (рис. 44) и № 2418-82 (рис. 45), кольца-подставки под предметы при переносе тяжестей (№ 2418-83, 84), коробы, коробки, сито для отцеживания риса (№ 2418-85), веялка (№ 2418-158 (рис. 46), портсигар (№ 2418-88абв), веера (№ 2418-89, 90). Они изготовлены из соломы, прутьев, бамбука, пальмовых листьев. Оригинальны тарелки, *сшитые* из листьев (№ 2418-91-101 (рис. 47). Интересна плетеная коробка с крышкой для ритуальной и обыденной косметики, с несколькими отделениями, изготовленная из коры растения «тырнур» (№ 2418-87 абвг). Имеется и обязательный в местном деревенском обиходе предмет — лоток для провеивания риса. Интересно добавление от собирателя о его возможном употреблении в качестве совка для сбора мусора (№ 2418-158).

Среди изделий из кожи находим сандалии на каблуках, с петлей для большого пальца, с закругленным носком, сшитые суровыми нитками (№ 2418-102 аб —104 аб (рис. 48). А также имеются сандалии из дерева, но с кожаным крепежом (№ 2418-105 аб).

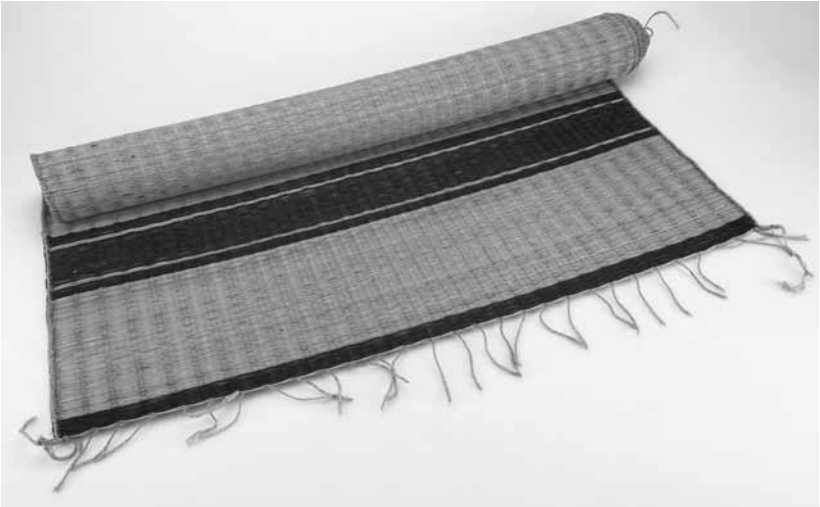


Рис. 44. Циновка для сна на полу (№ 2418-81)

Рис. 45. Циновка для ухода за ребенком (№ 2418-82)

Рис. 46. Лоток для провеивания риса и сбора сора (2418-158)

Рис. 47. Сшитая из листьев тарелка (№ 2418-98)

Рис. 48. Пара сандалий (№ 2418-104)

Среди изделий из металла отметим следующие. Обиходный и ритуальный предмет — плевательница для жующих бетель (№ 2418-111); светильник округлой формы с изображением богини в арке (вариант *Дипалакшми*) (№ 2418-112); пластинка в виде кисти (возможно, это реликвия местных мусульман — «рука Фатьмы») (№ 2418-113); цилиндрические сосуды — меры сыпучих тел (№ 2418-162, 163). Кисеты для принадлежностей бетелевой жвачки выполнены из хлопчатобумажной ткани. Они четырехугольной формы, пестрые, закрываются с помощью шнурков, оканчивающихся кисточками (№ 2418-114, 115).

Более двух десятков женских стеклянных браслетов демонстрируют распространенный народный обычай и разнообразный «дизайн» (№ 2418-118-136). Среди собственно женских украшений находим и символ замужества в виде нити-ожерелья (№ 2418-64), а также кольца для рук (из белого металла) и ног (из меди).

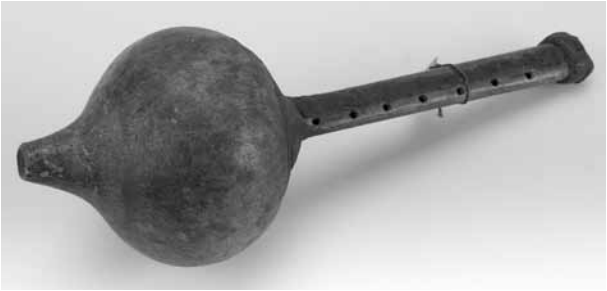


Рис. 49. Дудка заклинателя змей (№ 2418-108)

Разнообразные стороны местной жизни отражают музыкальные инструменты. Это дудки заклинателей змей (№ 2418-108 (рис. 49), 109, 110), народный четырехструнный инструмент (№ 2418-107), варган — оригинальная пластинка из металла, из которой извлекают звуки, удерживая ее зубами (№ 2418-106). Есть доска–подголовник из дерева (№ 2418-159), стальной меч (с гравировкой на клинке), имеющий овальную гарду и изогнутую рукоять, обвитую черным ремешком (№ 2418-161).

Уникальная вещь — макет колодца с рычагом для орошения поля, с группой мужчин, представленных в процессе работы (№ 2418-156). Недаром этот предмет постоянно присутствует в экспозиции музея, посвященной народам Южной Азии, как, впрочем, и ряд других предметов из коллекции № 2418.

Приложение 1

АНДРЕЕВ МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ

1873 г., 11 / 24 сентября — родился в Ташкенте в русской семье. Отец его служил помощником у одного из местных купцов.

1880-е годы — учеба в Ташкентской мужской гимназии (два года — в приготовительном классе и четыре года — в основных классах).

1889 г. — переход в Туркестанскую учительскую семинарию. Здесь преподавались восточные языки (персидский, арабский и узбекский). Директором был М.А. Миропиев, а преподавателем местных языков — В.П. Наливкин (с 1885 по 1890 гг.), а затем — Г.А. Митропольский. Одновременно М.С. Андреев учился в медресе Ишан Кули-додхо.

1893 г. — окончание семинарии.

М.С. Андреев становится заведующим вечерними курсами при Ходжентском приходском училище.

Одновременно он преподает местные языки в Ташкентской учительской семинарии.

1893–1894 гг. — первые поездки по горной части Ходжентского и Самаркандского уездов.

Открытие двух куфических надписей XI в. в Варухском ущелье. Посещение древних разработок в пещере Кони-Гут[1].

---

[1] О пещере Кони-Гут см.: [Лунин 1958: 200–201; Давидович и Литвинский 1955: 179–183; Масон 1971]. О надписях в Варухском ущелье см.: [Иностранцев 1925; Давидович и Литвинский 1955: 140–141; Певзнер 1955].

1895 г. — командировка в Бухару для изучения таджикско-бухарского наречия.

М.С. Андреев путь до Самарканда проделал верхом, а затем до Бухары проехал по железной дороге. Обратный путь (через Карши, Каратаг, Шахрисябз и Самарканд) Андреев проехал верхом.

1896 г. — начало работы секретарем у чиновника особых поручений Министерства внутренних дел А.А. Половцова, ездившего по Сибири, Средней Азии и Закавказью для изучения переселенческого дела.

Поездки по Средней Азии[2].

1896 г., 22 декабря — организация в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии[3]. М.С. Андреев становится активным членом этого кружка.

1897 г. — приезд вместе с А.А Половцовым в Петербург. Знакомство с крупнейшими востоковедами того времени (В.В. Радловым, К.Г. Залеманом, С.Ф. Ольденбургом). Занятия восточными языками.

1898 г. — участие в Турфанской экспедиции Академии наук[4].

1898 / 1899 гг. — зимой А.А. Половцов и М.С. Андреев посетили Париж.

1899 г., 17–18 октября — М.С. Андреев вместе с А.А. Половцовым произвели раскопки в доме Баба Максума Фузаилова (Самарканд), где незадолго до этого были найдены оссуарии.

---

[2] Результаты этой и других поездок были опубликованы: [Андреев и Половцов 1911].

[3] Об истории создания и деятельности Туркестанского кружка см.: [Keyby 1958]

[4] Об истории организации и результатах Турфанской экспедиции см., например: [Ольденбург 1917; Гнучева 1940: 259–260; Лунин 1858; Назирова 1992].

Во время раскопок были обнаружены еще четыре оссуария[5].

1902 г. — поездки на Памир и в Припамирье (Ош, Хорог, Вахан, Ишкашим). Изучение язгулемского языка[6].

1903 г. — поездка на Памир (Ош, Вахан), Термез. Изучение язгулемского языка.

1904 г. — поездка в Исфару. Копирование южной надписи в Варухском ущелье.

1905 г. — А.А. Половцов назначен российским генеральным консулом в Бомбее. М.С. Андреев становится его личным секретарем. Он изучал языки хиндустани и пушту, собирал этнографические коллекции[7].

1907 г. — во время отпуска М.С. Андреев совершил поездку в Среднюю Азию.

Из Кашмира он проехал через Гималаи в Западный Тибет. Оттуда через Яркенд, Ташкурган и озеро Зоркуль добрался до Памира (Вахан, Шугнан, Восточный Памир) и проехал в Ферганскую долину[8].

Во время этой поездки М.С. Андреев впервые посетил долину Хуф на Памире[9].

---

[5] Оссуарии — глиняные гробы (костехранилища). Они являются специфическим элементом погребального обряда зороастрийцев именно Средней Азии. Об оссуариях существует большая литература. Обзор ее см.: [Рапопорт 1971].

[6] Язгулемский язык — один из восточно-иранских памирских языков. О нем см.: [Эдельман 2005]. О работе М.С. Андреева с материалами язгулемского языка см.: [Андреев 1930].

[7] О работе М.С. Андреева в Индии см.: [Загородникова 2001].

[8] Подробнее об этой поездке см.: [Борочина 1989].

[9] В дальнейшем М.С. Андреев несколько раз посещал долину Хуф, где собрал большие этнографические материалы о местном населении. Публикацию их см.: [Андреев 1953; Андреев 1958].

1910 г. — М.С. Андреев приобрел в г. Насик и прислал в дар МАЭ фрагмент дворца пешвы XVIII в.

1911 г. — М.С. Андреев назначен и.о. российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае.

1912 г. — М.С. Андреев приобрел и прислал в МАЭ коллекцию южноиндийского резного дерева и мелкой пластики из металла.

1914 г. — М.С. Андреев приобрел и прислал в МАЭ коллекцию разнообразных предметов быта и культуры народов Южной Индии.

1914 г. — возвращение в Ташкент. Работа инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области.

Во время своих многочисленных поездок по округу М.С. Андреев занимался сборами этнографических коллекций. Большинство этих коллекций он передавал в МАЭ и в Музей прикладного искусства в Петрограде.

Академик Ф.И. Щербатской пытался уговорить М.С. Андреева переехать в Петербург и начать преподавание языков хиндустани и пушту на факультете восточных языков Петроградского университета, но М.С. Андреев не согласился.

1915 г. — поездка в Джизакский уезд (в Нуратинские горы и в район Кызылкумов).

Командировка в Бухару. Командировка в Матчу.

В селении Оббурдон была найдена древняя резная деревянная колонна[10].

---

[10] Найденная М.С. Андреевым деревянная колонна является памятником местной народной архитектуры. О ней см.: [Андреев 1925 а]. В дальнейшем эта колонна и другие подобные ей памятники долины

1916 г., май — раскопки кургана Наукат-тепе в Ходжентском уезде.

1917 г. — поездка в Северный Таджикистан для сборов этнографических материалов.

1918 г. — назначение первым советским комиссаром народных училищ во 2-м районе Самаркандской области.

1918 г., 21 апреля — торжественное открытие в Ташкенте Туркестанского народного университета[11].

1918 г., 16 октября — в университете создается инициативная группа во главе с В.Н. Кучербаевым для образования Восточного факультета. М.С. Андреев входит в состав этой группы.

1918 г., 8 ноября — Комиссариат народного просвещения Туркестанской АССР утвердил проект создания Туркестанского Восточного института.

1918 г., декабрь — открытие Туркестанского Восточного института[12]. М.С. Андреев назначается ректором этого института. Он занимает этот пост до 1920 г. После него ректором становится А.Э. Шмидт.

1918–1920 гг. — М.С. Андреев занимает должность и.о. научного консультанта при специальном представительстве НКИД РФ по разграничению с Афганистаном.

Зеравшана стали объектом изучения отечественными учеными [Воронина 1950; Резное дерево 1966].

[11] История создания Туркестанского народного университета, впоследствии преобразованного в Среднеазиатский государственный университет [Ташкентский 1970].

[12] История создания Туркестанского Восточного института, преобразованного впоследствии в Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета [Лунин 1963].

1921 г. — создание Научной комиссии по обследованию быта коренного населения Туркестана. Председателем комиссии был назначен профессор В.Н. Кун, а ученым секретарем — М.С. Андреев.

1921 г. — работа двух экспедиций в Самаркандской и Сырдарьинской областях Научной комиссии по обследованию быта коренного населения Туркестана.

Руководителем Самаркандской экспедиции был назначен М.С. Андреев.

В работе экспедиции принимали участие А.А. Буров, Е.М. Пещерева, А.Л. Троицкая, А.Э. Шмид.

Работа велась в Самаркандском, Катта-Курганском и Джизакском уездах. Было обследовано 50 волостей, собран большой этнографический материал[13].

1922 г. — поездка в Джизакский и Ходжентский уезды Самаркандской области.

1923 г. — поездка в верховья р. Чирчик[14].

1924 г. — Туркестанский Восточный институт реорганизован в Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета. В составе факультета образованы два отделения — этнолого-лингвистическое и педагогическое. М.С. Андреев читает курсы лекций по языку и этнографии таджиков.

1924 г., лето — М.С. Андреев, Е.М. Пещерева, А.Н. Крюков ездили в Матчу, Каратегин, Гиссар, Ягноб[15].

Была собрана этнографическая коллекция (373 номера) для этнографического отдела Главного Среднеазиатского музея в Ташкенте.

---

[13] Об этой экспедиции см. [Андреев 1924 б].

[14] О поездках М.С. Андреева в 1922–1923 гг. [Андреев 1925 б].

[15] В целом об этой экспедиции см. [Андреев 1924 а].

В селении Оббурдон была извлечена из полуразрушенного здания деревянная колонна, открытая еще в 1915 г., и отправлена для хранения на военный склад в Матче. (В 1927 г. эта колонна была переправлена в Ташкент.)

1925 г., 9 января — создание «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами»[16]. М.С. Андреев — член-учредитель и член постоянного президиума Общества, а также заведующий историко-филологическим и этнографическим отделами этого общества (с 25 января 1925 г.).

1925 г. — экспедиция «Общества для изучения Таджикистана…» и Среднеазиатского Комитета по изучению памятников старины и истории (Средазкомстарис)[17].

Маршрут: Ташкент — Ура-Тюбе — долина Зеравшана — Ягноб — Анзобский перевал — Дюшамбе —Каратегин — Дарваз — Припамирье — Памир — Ош.

Собрана коллекция глиняной посуды из двух центров керамического производства (Ходжента и Ура-Тюбе).

Найдены несколько памятников резного деревянного зодчества (колонны в селениях Курут и Урмитан и михраб в селении Искадор). В нескольких селениях обнаружены сырцовые минареты XI–XII веков.

В Ягнобе собирался лингвистический и этнографический материал.

14 июля при переходе по узкой тропе над р. Ягноб в воду упали проводник и две лошади. Погибли все собранные материалы по Ягнобу и некоторые ранние записи, взятые М.С. Андреевым в экспедицию для доработки. Это происшествие нарушило дальнейшие планы экспедиции. Все участники поехали в Дюшамбе, а оттуда отправились в Каратегин, Дарваз, на Ванч и в Хорог.

---

[16] Об истории создания этого Общества и о его деятельности см.: [Шагалов 1966].

[17] Подробнее см.: [Андреев 1926; 1927 а].

Во время этой поездки были собраны богатые этнографические коллекции (около 1200 предметов). Коллекция кукол была передана в МАЭ.

1926 г. — поездка в Афганистан в качестве старшего драгомана при советской миссии в Кабуле.

М.С. Андреев изучал таджиков долины Панджшир. Была собрана коллекция игрушек, которая была передана в МАЭ[18].

1927 г. — экспедиция «Общества изучения Таджикистана…» и Средазкомстариса в Ягноб[19].

Участники экспедиции: М.С. Андреев, Е.М. Пещерева, Н.В. Русинова.

Проводился сбор материалов по языку и быту ягнобцев[20]. Была собрана богатая этнографическая коллекция (293 предмета) для Главного Среднеазиатского музея (г. Ташкент). Были также сделаны фотографии, чертежи, зарисованы орнаменты и т.д.

1928 г. — поездка в селение Касан (Ферганская долина), населенное таджиками[21]

1929 г. — избрание членом-корреспондентом АН СССР.

1929 г. — экспедиция в долину Хуф (Рушан).

Собрана этнографическая коллекция, хранящаяся в Душанбе и Ташкенте.

---

[18] Подробнее см.: [Андреев 1927].

[19] Об этой экспедиции см.: [Андреев 1928]. Этнографические и лингвистические материалы были впоследствии опубликованы [Андреев, Пещерева 1957; Андреев 1970; Пещерева 1976].

[20] Ягнобцы — небольшая субэтническая группа таджиков, жившая в Центральном Таджикистане [Монограрова 1988]. Ягнобский язык — один из восточно-иранских языков, считается потомком древнего и средневекового согдийского языка [Хромов 2005].

[21] Об этой поездке см.: [Андреев 1929].

1930 г., 9 декабря — «Общество для изучения Таджикистана…» преобразовано в секцию Объединенного Государственного НИИ Таджикской ССР. М.С. Андреев — профессор, глава двух кафедр и зам. директора этого института (1933 г., май — Объединенный НИИ преобразован в Историко-лингвистический сектор Таджикистанской базы АН СССР).

1931 г., 18 мая — М.С. Андреев арестован в Ташкенте по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группе[22].

1931 г., 28 декабря — вынесение приговора. М.С. Андреев был выслан на три года в Алма-Ату.

1932 — 1934 гг. — М.С. Андреев, находясь в ссылке в Алма-Ате, работал в Казахском педагогическом институте, где читал курс таджикского языка.

1934 г. — возвращение в Ташкент. М.С. Андреев назначается консультантом по среднеазиатскому искусству Музея искусств Узбекской ССР[23].

1934 г. — поездка на Ягноб.

1936 г. — экспедиция в Бухару и Хиву для сбора коллекций для Музея искусств Узбекской ССР.

1937 г. — экспедиция в селение Нурата (центр вышивального ремесла) и в г. Маргелан. Собрана богатая этнографическая коллекция (560 предметов).

1938 г., 10 августа —арест по обвинению в контрреволюционной деятельности.

---

[22] Об обстоятельствах ареста и дальнейшей судьбе М.С. Андреева см.: [Решетов 1994].

[23] Об истории Музея искусств Узбекской ССР см.: [Государственный Музей 1956; Садыкова 1975].

1939 г., 9 августа — дело прекращено за недоказанностью. (1990 г., 29 мая — М.С. Андреев был полностью реабилитирован.)

1940 г. — М.С. Андреев назначен членом Высшего Учебно-методического Совета при Наркомпросе Узбекской ССР.

1940 г. — экспедиция в Бухару для сбора материалов по комплексному изучению городской культуры[24].

1941 г. — начало работы в Узбекском филиале АН СССР.

1943 г. — экспедиция в Припамирье, в верховья р. Пяндж, в том числе в долину Хуф. Собраны богатые этнографические коллекции.

1943 г., 27 сентября — организация Академии наук Узбекской ССР.

1943 г., 3 ноября — М.С. Андреев избран действительным членом АН Узбекской ССР.

1944 г. — присвоение почетного звания «Заслуженный деятель науки Таджикской ССР».

1944–1947 гг. — работа заведующим отделом этнографии Института истории и археологии АН Узбекской ССР.

1945 г. — присвоение почетного звания «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

1947 г. — переезд в Сталинабад (Душанбе). Работа в Институте истории, археологии и этнографии Таджикского филиала АН СССР. Организация Музея археологии и этнографии.

1948 г., 10 ноября — кончина М.С. Андреева в Сталинабаде.

---

[24] Материалы, собранные во время экспедиции в Бухару, легли в основу монографии [Андреев, Чехович 1972].

Приложение 2
О коллекции № 1789

М.К. Кудрявцев[1]

ФРАГМЕНТ ДВОРЦА ИЗ ГОРОДА НАСИК (ИНДИЯ)

В отделе Индии Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде под № 1789 хранится коллекция, представляющая фрагмент старинного деревянного дворца из г. Насик Бомбейской провинции Индии. Сам дворец уже не существует. В 1910 г. он был продан на слом и вскоре уничтожен. Русскому ученому М.С. Андрееву, бывшему в то время в Индии, удалось купить на месте небольшую часть пристройки и, разобрав ее, переслать в качестве отдельной коллекции в Музей антропологии и этнографии Российской академии наук. В настоящее время основная часть этой коллекции, смонтированная в виде портика, выставлена в экспозиционном зале Индии. Она дает некоторое представление об архитектуре и художественной отделке всего дворца.

Дворец в Насике был построен не позже второй половины XVIII в. и принадлежал тогда одному из маратхских пешв — правителей крупнейшего индийского государства Махараштры. Он представлял, однако, не только исторический интерес как памятник эпохи наибольшего могущества маратхского государства, но и художественный интерес как редчайший образец почти исчезнувшего в Индии искусства украшения монументальной художественной резьбой сооружений крупной деревянной архитектуры.

---

[1] *Кудрявцев М.К.* Фрагмент дворца из города Насик (Индия) // Сборник МАЭ. Т. XIV. 1953. С. 140–146.

Деревянная архитектура встречалась далеко не во всех областях Индии. Она развивалась преимущественно в пригималайских районах северной Индии и в некоторых районах в центре и на юге страны, где только и встречались строительные породы леса. В центральной и южной Индии лучшим строительным материалом считалось тэковое, или тиковое, дерево. Крупные размеры, прямой и прочный ствол позволяли употреблять его для конструкций больших сооружений, а монолитная, эластичная, не колющаяся структура делала его удобным материалом для всякого рода поделок, в том числе и художественной резьбы.

Искусство художественной резьбы по дереву, камню, слоновой кости и другим материалам достигло высокого совершенства еще в древней Индии и продолжало развиваться вплоть до нового времени, т.е. до захвата Индии Англией и превращения ее в колонию. Изготовлялись художественные резные изделия самого разнообразного назначения, различные по материалу, технике исполнения и орнаменту. Значительная часть их предназначалась к вывозу. Но особое место в искусстве художественной резьбы принадлежит той его отрасли, которая занималась отделкой архитектурных сооружений. Материалом для нее служили дерево и камень.

Декоративная резьба в южной Индии по стилю и орнаментальным мотивам резко отличается от североиндийской. В северной Индии господствовал геометрический и растительный орнамент, выполненный в барельефе и ажурной резьбе. На юге широкое развитие получила монументальная резьба в форме горельефа и скульптуры. Культовые здания орнаментировались преимущественно скульптурной резьбой, а растительный и животный орнамент употреблялся для дворцов и других светских построек.

В южной Индии многие города славятся своей архитектурой, но некоторые из них по обилию и разнообразию ее представляют собой как бы архитектурные музеи. Одним из таких городов в западной части полуострова был Насик.

Насик издавна считался первым после Бенареса священным городом индусов. В нем сосредоточено множество индуистских храмов. Вблизи Насика протекает священная река южной Индии Годавери, наполняющая многочисленные пруды и бассейны в окрестностях города. Основное постоянное население его еще в начале нашего века составляли брахманы, т.е. представители высшей жреческой касты. Священные пруды и храмы привлекали паломников со всей Индии. В связи с большим наплывом паломников, в Насике развилось массовое производство предметов религиозного культа, главным образом из бронзы и благородных металлов. Сбыт этих изделий давал средства к существованию не только ремесленникам, но и многочисленным торговцам. В городе появились целые кварталы, застроенные лавками и доходными домами. Окрестные феодалы считали долгом чести иметь собственные резиденции в священном городе. Громадные доходы жречества позволили возвести в нем богатейшие храмы, а феодалы соперничали между собой в постройке роскошных дворцов. Одной из лучших построек этого рода и был дворец, о котором идет речь.

* * *

Дворец представлял собой трехэтажное здание с внутренним двориком, построенное целиком из тэкового дерева. Точнее размеры его неизвестны, но имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют предположить, что сторона квадрата внутреннего дворика была не меньше 12 м. В таком случае фасад дворца по одной стороне должен занимать не менее 30 м. Высота его, судя по тем же материалам, могла быть 10–12 м. Учитывая, что он построен только из дерева, дворец следует отнести к категории крупных архитектурных сооружений.

Мы не знаем, как выглядел дворец с внешней стороны. Известно, однако, что не только снаружи, но и внутри он был отделан художественной резьбой. Об изяществе и художественной ценности всей постройки можно судить уже по выставленной в Музее части дворца и по тем фотоснимкам с натуры, которыми

мы сопровождаем это описание. К сожалению, сделаны они только с внутренней стороны и во время разборки здания, когда почти весь верхний этаж был уже снят.

Вдоль всех четырех стен, выходивших во двор, тянулась трехъярусная галерея, опиравшаяся в каждом этаже на ряд колонн и соответствующих им пилястров. Колонны нижнего этажа были массивные, квадратного сечения, а на верхнем этаже более тонкие, круглые. Основанием галереи нижнего этажа служила невысокая терраса (не более 1 м высотой), на которую со двора вели несколько ступеней. На галерею каждого этажа выходило несколько дверей из внутренних помещений дворца.

В архитектуре дворца нашли оригинальное решение некоторые чисто конструктивные и композиционные задачи, что можно видеть даже на той небольшой части его, которая выставлена в Музее. Так, например, каждая колонна и пилястр увенчаны капителью, но архитрав, представлявший собою гладкий, без всякой резьбы деревянный брус, покоился не прямо на капители, а на своеобразной двойной консоли, которая и опиралась на капитель. Поперечные брусья, составляющие перекрытие галереи, лежали тоже не непосредственно на капителях колонн и пилястров, а на соответствующих консолях. Таким образом, четыре пересекающиеся под прямым углом консоли стояли на капители каждой из фронтальных колонн, имели то же назначение и составляли как бы продолжение капители. Горизонтальный брус, заменяющий фриз, вынесен на ¾ м вперед и опирается на передние, более массивные и сложно орнаментированные консоли. Еще далее вперед выдается резной карниз. Над карнизом возвышается резная же ограда галереи второго этажа. Вся надстроечная часть этой галереи повторяет с небольшими изменениями конструкцию нижней галереи.

Особое изящество придавал дворцу оригинальный характер самой резьбы. Здесь мы имеем отступление от распространенной в Индии, особенно в храмовой архитектуре, манеры покрывать резьбой сплошь все здание, как снаружи, так и изнутри. В данном

случае резьба использована только для украшения архитектурных деталей — капителей, консолей, карнизов и т.д. Кроме того, эта резьба выполнена не по облицовочным планшетам, как это обычно делалось в Индии, а монументально, т.е. по самим конструктивным деталям. Это также отличает насикский дворец от многих аналогичных построек в Индии.

Что касается характера резьбы и орнаментальных мотивов, о них лучше всего говорит выставленная в Музее часть дворца и приводимые фотоснимки. Как можно видеть, здесь преобладает растительный орнамент, представляющий сочетание стеблей, листьев и цветов. Из элементов животного орнамента использована только кобра, изображенная на фронтальной части большой консоли.

Более подробная характеристика техники, стиля и орнамента резьбы может быть дана только с привлечением других материалов, хранящихся в Музее, но не относящихся к данной коллекции, а это исключает возможность рассмотрения их в настоящей статье.

* * *

С превращением Индии в английскую колонию и развитием в ней капитализма приходят в упадок многие отрасли местного производства и разрушаются многие памятники национальной культуры.

Могущество маратхов было окончательно сломлено англичанами в первой четверти XIX в. Большая часть маратхских феодалов разорилась, и во второй половине XIX в. они уже не могли содержать дворцы. Становящаяся все более могущественной маратхская буржуазия интересовалась только предприятиями, приносящими доход. Коммерческими соображениями руководствовались и английские власти в Индии, учредившие охрану только тех памятников старины, которые могли привлечь туристов.

Наглядной иллюстрацией упадка индийской культуры и искусства в условиях колониального режима и развивающегося капитализма является и судьба насикского дворца. В конце XIX в.

он перешел в руки одного из гуджаратских феодалов, раджи Бхавнагара, рассчитывавшего перенести его в свои владения. По каким-то причинам осуществить такую переноску не удалось, и в начале XX в. дворец был продан мелкому железнодорожному служащему. Как указывается в туристском справочнике, в это время в нем помещалась школа. Но школа не давала барышей, на которые рассчитывал новый хозяин дома, поэтому он счел более выгодным разобрать постройку и продать ее по частям как строительный материал, а освободившееся место сдать в аренду под новую постройку.

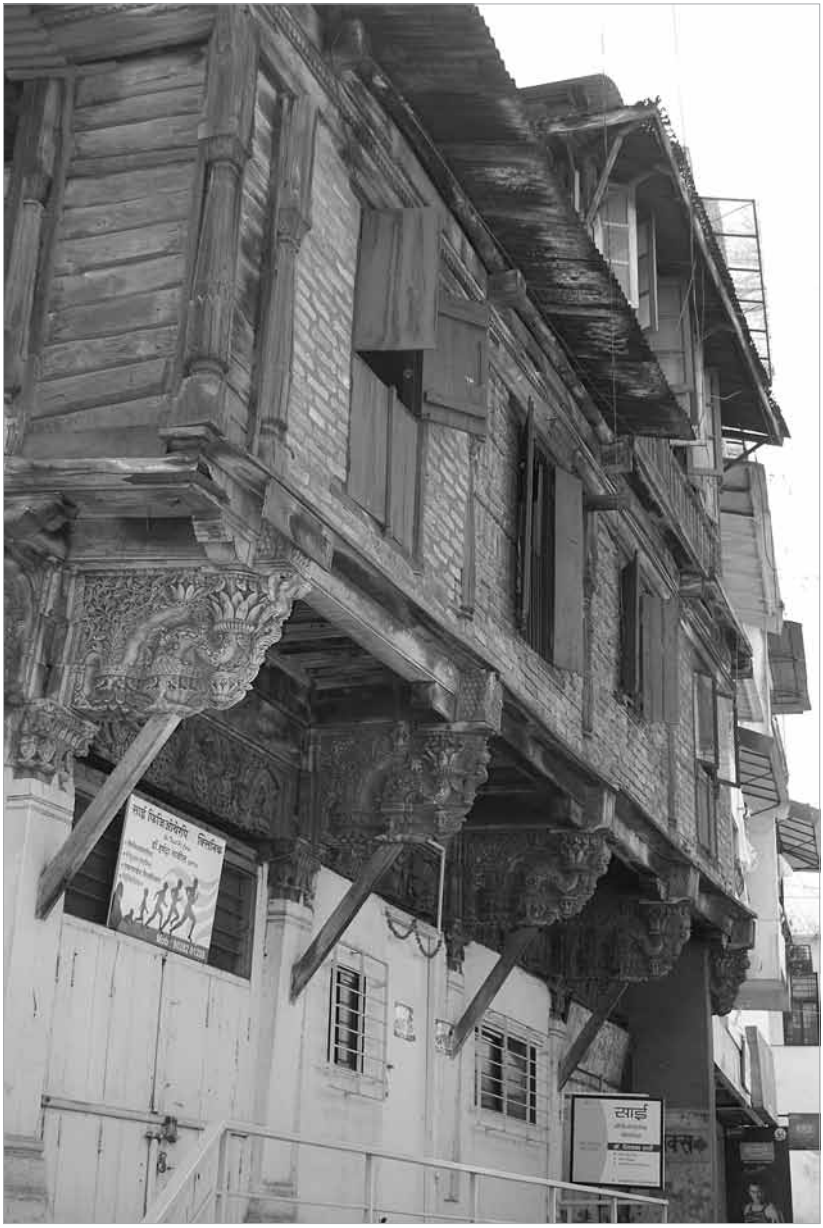
Бывший в то время в Индии М.С. Андреев часто посещал Насик, интересуясь его художественными ремеслами и архитектурой. Зная о существовании деревянного дворца маратхских пешв, он решил посмотреть на него и увидел, что дворец, хорошо сохранившийся и способный простоять еще не одно столетие, разбирается. На выраженное М.С. Андреевым удивление по поводу того, что уничтожается произведение, принадлежащее к лучшим образцам индийского зодчества, новый хозяин предложил ему купить его за сходную цену.

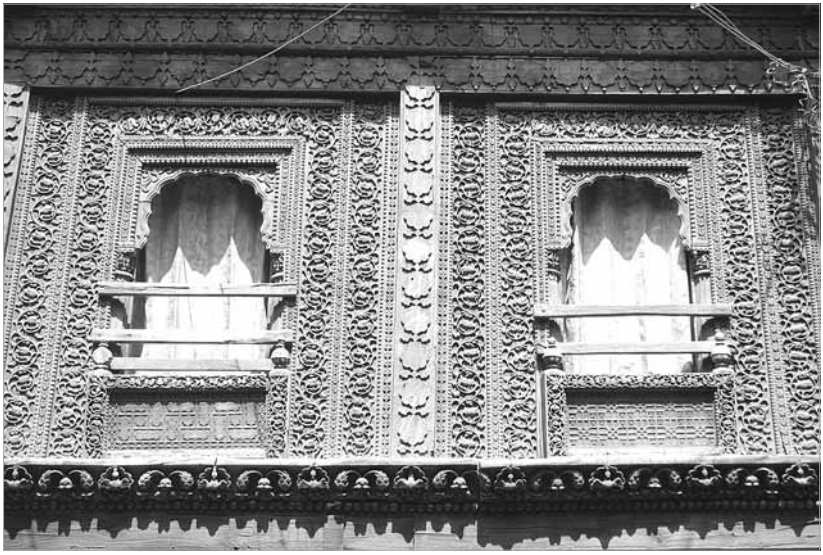
По просьбе М.С. Андреева разборка здания была приостановлена, а он тем временем начал переписку с Российской академией наук по поводу приобретения всей постройки и перевозки ее в Петербург. Однако чиновники императорской Академии наук не пожелали ассигновать ничтожную сумму в 1000–1200 руб. на приобретение столь редкого произведения индийского искусства. Тогда М.С. Андреев купил на собственные средства небольшую часть галереи нижнего этажа со всеми относящимися к ней архитектурными деталями и переслал ее в адрес Музея антропологии и этнографии Российской академии наук [Архив АН СССР. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 23. С. 141–150].

Теперь, когда в самой Индии не сохранилось памятников крупной деревянной архитектуры, равных по художественной ценности насикскому дворцу, коллекция Музея антропологии и этнографии является уникальной. Личная инициатива русского ученого сохранила нам подлинный образец высокого искус-

ства индийских зодчих и мастеров резьбы. Ему же обязаны мы большей частью наших сведений о дворце.

Индийской журналистке Видье Мадане удалось выяснить, что некоторые части описываемого строения всё же сохранились в г. Насик. Она специально съездила в родной город, сделала снимки этих старинных конструкций, которые все еще используются местными жителями, и прислала фото нам (рис. 50–57). Мы рады поделиться ими с читателями нашей книги (Авт.).





नारायण विनायकशेठ भालेराव
घर क्र.
२३०६

Рис. 50–57. Усадьба Вара в г. Насик. Фото Видьи Мадане. 2015

Приложение 3

СПИСОК КОЛЛЕКЦИИ № 2055

2055-1	Бог Индра. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27,5 × 23,5 см.
2055-2	Бог Агни. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27,5 × 21 см
2055-3	Бог Яма. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27,5 × 23 см.
2055-4	Демон смерти Нирриту. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 20 см.
2055-5	Бог Варуна. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 28 × 20 см.
2055-6	Бог ветра Вайю. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 20 см.
2055-7	Бог богатства Кувера. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 21 см.
2055-8	Бог Ишана-Шива. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27,5 × 20 см.
2055-9	Бог Брахма трехликий. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 21 см.
2055-10	Боги Брахма и Сарасвати. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25 × 17 см.
2055-11	Пятиголовый Брахма в танце. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 44 × 19 см.
2055-12	Брахма на лотосовом троне, три головы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43 × 19 см.

2055-13 Брахма трехликий, сидящий в позе созерцания. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23 × 20 см.

2055-14 Вишну с луком. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25 × 16 см.

2055-15 Вишну на змее Шеше. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23 × 23 см.

2055-16 Вишну (Рама) с луком. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43 × 19 см.

2055-17 Вишну / Шива (?) с барабаном. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 44 × 19 см.

2055-18 Вишну на троне. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23 × 18 см.

2055-19 Вишну на змее Шеше. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 55 × 26 см.

2055-20 Лакшми, сидит на троне. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23 × 19 см.

2055-21 Вишну Нарасимха. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 56 × 27 см.

2055-22 Нарасимха с демоном. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 52 × 28 см.

2055-23 Рама стоящий, с Лакшманом и Ситой. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25,5 × 17,5 см.

2055-24 Рама с Ситой и Лакшманом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 44 × 19 см.

2055-25 Обезьяны Бали и Сугрива. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25,5 × 16 см.

2055-26 Вишну Парашурама. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 17 см.

2055-27 Баларама с журавлем. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25,5 × 17 см.

2055-28 Царь Васудева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 45 × 20 см.

2055-29 Музыкантша с вûной. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 16 см.

2055-30 Кришна с пастушкой (сцена соития). Южная Индия. Дравиды. Часть колесницы. Дерево. 47,5 × 20 см.

2055-31 Шива в битве, с трезубцем. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 42,5 × 20 см.

2055-32 Шива-аскет, в сидячей позе. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43 × 19,5 см.

2055-33 Шива в танце на поверженном враге. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 44 × 20 см.

2055-34 Шива с четырьмя руками и трезубцем. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 48 × 20 см.

2055-35 Сцена с Шивой в центре (или Рама с Ситой и Лакшманом?). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43 × 20 см.

2055-36 Танцующее божество. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 47 × 19 см.

2055-37 Шива в созерцании на троне. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 22 × 18 см.

2055-38 Шива танцующий, четырехрукий. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25 × 16 см.

2055-39 Шива с двумя адорантами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25,5 × 16 см.

2055-40 Шива с барабаном. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25,5 × 16 см.

2055-41 Шива восьмирукий в танце. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 16,5 см.

2055-42 Шива с адорантами (мужчиной и женщиной). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25,5 × 16 см.

2055-43 Шива двурукий, стоящий. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26,5 × 16 см.

2055-44 Шива ардханари с четырьмя руками. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 16 см.

2055-45 Кали с восемью руками на поверженном демоне. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 45 × 20 см.

2055-46 Кали сидит в лотосе (танцует?), с восемью руками. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 44 × 19 см.

2055-47 Шива и Парвати на быке Нанди. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 25 см.

2055-48 Полубык, получеловек. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 23 см.

2055-49 Нанди с барабаном. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43,5 × 19 см.

2055-50 Ганеша сидит, с супругой. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43 × 19 см.

2055-51 Тиртханкара (?) стоящий. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 41 × 19 см.

2055-52 Вишну и Лакшми (у него на коленях) на троне. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 55 × 25 см.

2055-53 Богиня Рати. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 48 × 18 см.

2055-54	Музыкантша с вûной и др. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43,5 × 18,5 см.
2055-55	Богиня Рати. Стоит. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 46 × 19 см.
2055-56	Апсара / Рати (?) с «карликом». Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 46 × 19,5 см.
2055-57	Рати танцует на фаллосе «карлика». Южная Индия. Дравиды. Дерево. 46 × 19,5 см.
2055-58	Небесная танцовщица. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 46 × 15 см.
2055-59	Небесная танцовщица. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 15 см.
2055-60	Небесная дева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 × 11 см.
2055-61	Небесная дева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 х 11 см.
2055-62	Небесная дева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 × 11 см.
2055-63	Небесная дева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 × 11 см.
2055-64	Небесная дева с опахалом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 ×11,5 см.
2055-65	Небесная дева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 32,5 × 11 см.
2055-66	Небесная дева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 38 × 11,5 см.
2055-67	Страж входа (дварапала). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево.23 × 11 см.
2055-68	Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 24 × 10,5 см.

3055-69 Небесная дева. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 × 13 см.

2055-70 Булавоносец (в ореоле). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 ×13 см.

2055-71 Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 24,5 × 12 см.

2055-72 Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25,5 × 12,5 см.

2055-73 Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25 × 11 см.

2055-74 Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 24 × 12 см.

2055-75 Воин со щитом и мечом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 39 × 10,5 см.

2055-76 Воин со щитом и мечом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 39,5 × 11 см.

2055-77 Воин со щитом и мечом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 39 × 11 см.

2055-78 Воин со щитом и мечом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 40 × 11,5 см.

2055-79 Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 32,5 × 11 см.

2055-80 Прислужник с лотосами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 × 11 см.

2055-81 Прислужник с лотосами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34 × 11,5 см.

2055-82 Прислужник с лотосами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 36 × 11 см.

2055-83 Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 35,5 × 11 см.

2055-84	Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34,5 × 10,5 см.
2055-85	Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 36 × 11,5 см.
2055-86	Прислужник с лотосами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 36 × 11 см.
2055-87	Прислужник с лотосами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 35 × 11 см.
2055-88	Прислужник с лотосами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34,5 × 10,5 см.
2055-89	Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 34,5 × 11,5 см.
2055-90	Сцена борьбы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 57 × 26 х 24 см.
2055-91	Сцена борьбы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 64 × 28 × 11 см.
2055-92	Сцена борьбы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 66 × 29 × 29 см.
2055-93	Сцена борьбы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 60 × 38 × 33 см.
2055-94	Сцена борьбы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 59 × 30 × 30 см.
2055-95	Сцена борьбы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 63 × 25 × 25 см.
2055-96	Сцена борьбы. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 56 × 30 × 30 см.
2055-97	Группа с конем, борьба. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 63 × 29 × 29 см.

2055-98 Пляшущий Шива (угол конструкции). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 49 × 17 × 17 см.

2055-99 Шива и апсара (угол конструкции). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 47 × 18 × 13 см.

2055-100 Шива и небесная дева (угол). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 47 × 18 × 18 см.

2055-101 Шива и небесная дева (угол). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 49 × 16 × 17 см.

2055-102 Любовная сцена. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 9,5 см.

2055-103 Шива в танце. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 9 см.

2055-104 Вишну (?). Апсара (?). Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 9 см.

2055-105 Божество с булавой. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 9 см.

2055-106 Вишну стоящий. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 10 см.

2055-107 Небесная дева. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 10 см.

2055-108 Небесная дева. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 10 см.

2055-109 Всадник на коне. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27 × 10 см.

2055-110 Всадник топчет конем врагов. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 10 см.

2055-111	Всадник топчет конем врагов. Угловая деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27,5 × 10 см.
2055-112	Фигура льва. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 41,5 × 10 см.
2055-113	Лев на задних лапах. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 29 × 7 × 10 см.
2055-114	Лев на задних лапах. Горельеф. Деталь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 30 × 8 см.
2055-115	Лев в прыжке. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 30 × 12 см.
2055-116	Лев на задних лапах. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 26 × 13 см.
2055-117	Лев в прыжке. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25 × 10 х 12 см.
2055-118	Лев на задних лапах. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 24 × 13 см.
2055-119	Фантастический зверь. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23,5 × 13 см.
2055-120	Лев сидящий. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 22 × 12 см.
2055-121	Лев сидящий. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 25 × 9 см.
2055-122	Лев сидящий. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23 × 9 × 12 см.
2055-123	Лев сидящий. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 22 × 9,5 × 14 см.
2055-124	Лев сидящий. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23,5 × 10 × 12 см.

3055-125 Лев сидящий. Горельеф. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 23 ×10,5 × 12,5 см.

2055-126 Шагающий лев, в пасти — ветвь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 28 × 23 × 9 см.

2055-127 Шагающий лев, в пасти — ветвь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 28,5 × 23 × 10 см.

2055-128 Шагающий лев, в пасти — ветвь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27,5 × 22 × 8,5 см.

2055-129 Шагающий лев, в пасти — ветвь. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 27,5 × 20,5 × 10,5 см.

2055-130 Пятиголовый змей (карниз). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 12 × 9,5 см.

2055-131 Бог / царь (?) с двумя прислужницами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 56 × 28 см.

2055 -132 Бог / царь (?) с двумя прислужницами. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 56,5 × 25,5 см.

2055-133 Воин (божество?). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43 × 19 см.

2055-134 Женщина с сосудом на плече. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 48 × 20 см.

2055-135 Сцена соития. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 44 × 19 см.

2055-136 Старец с ношей и собакой. Часть колесницы Южная Индия. Дравиды. Дерево. 43 × 20 см.

2055-137 Прислужница / богиня с лотосом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Светлое дерево. 32,5 × 14,5 см.

2055-138 Булавоносец. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Светлое дерево. 32 × 14,5 см.

2055-139 Прислужница / богиня (?) с лотосом. Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Светлое дерево. 33×15 см.

2055-140 Копьеносец (прислужник, божество?). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Светлое дерево. 32×15 см.

2055-141 Сцена с участием двух фигур («карлики», гандхарвы?). Часть колесницы. Южная Индия. Дравиды. Дерево. 12×21 см.

2055-142 Кришна с флейтой. Южная Индия. Дравиды. Бронза. 19,5×7 см.

2055-143 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 9 см.

2055-144 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7 см.

2055-145 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 10 см.

2055-146 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8 см.

2055-147 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-148 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 9 см.

2055-149 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7,5 см.

2055-150 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 9 см.

2055-151 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Бронза. Высота — 7,5 см.

2055-152 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-153 Ползущий Кришна-младенец, с комком масла в руке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7 см.

2055-154 Массажный прибор в виде гусей. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6,5 см.

2055-155 Ползущий Кришна-младенец. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8 см.

2055-156 Кришна-пастух с вûной / Сарасвати (?). Южная Индия. Дравиды. Темный сплав. Высота — 17,5 см.

2055-157 Кришна с четырьмя руками играет на флейте. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 8 см.

2055-158 Кришна убивает змея. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4,5 см.

2055-159 Танцующий юный Кришна. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5 см.

2055-160 Танцующий Кришна-младенец, с комком масла в руке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5, 7 см.

2055-161 Кришна-пастушок с флейтой. Южная Индия. Дравиды. Бронза с патиной. Высота — 7,2 см

2055-162 Кришна в танце, с комком масла в руке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8,5 см.

2055-163 Лакшми стоя, с лотосом. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 14,5 см.

2055-164 Лакшми стоя, с лотосом. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 11,5 см.

2055-165 Лакшми с лотосом. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 7 см.

2055-166	Лакшми / Паттини (?). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 10 см.
2055-167	Женская фигурка с лотосом в левой руке. Южная Индия. Дравиды. Латунь. Высота — 6,5 см.
2055-168	Фигурка с лотосом в правой руке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7,5 см.
2055-169	Фигурка с лотосом в правой руке. Южная Индия. Дравиды. Латунь. Высота — 12 см.
2055-170	Лакшми с лотосом в правой руке. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 10 см.
2055-171	Фигурка с лотосом в левой руке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4,5 см.
2055-172	Кали с четырьмя руками. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 13,5 см.
2055-173	Вишну с Лакшми. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7 см.
2055-174	Вишну с Лакшми. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 8 см.
2055-175	Вишну с Лакшми. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 9 см.
2055-176	Вишну с Лакшми. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 9 см.
2055-177	Божество (герой?) в позе танца. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 11 см.
2055-178	Стоящий юноша. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 10 см.
2055-179	Фигура стоящего мужчины с четырьмя руками. Рама с мечом (?). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 10,5 см.

2055-180 Фигурка женская с лотосом. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 9 см.

2055-181 Гаруда стоит на одном колене. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 11 см.

2055-182 Гаруда стоит на одном колене. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 7 см.

2055-183 Гаруда стоящий. Медь. Южная Индия. Дравиды. Высота — 4 см.

2055-184 Гаруда стоит на левом колене. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 6 см.

2055-185 Гаруда стоит на левом колене. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 7 см.

2055-186 Гаруда стоящий. Медь. Южная Индия. Дравиды. Высота — 6,5 см.

2055-187 Кали, убивающая демона. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 13,5 см.

2055-188 Кали побеждает демона. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 17 см.

2055-189 Божество с 18 руками борется с демоном. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 9 см.

2055-190 Женская фигурка с лотосом на троне. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5,5 см.

2055-191 Фигурка йога в позе созерцания. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4,5 см.

2055-192 Адорант с флагом в молитве. Махараштра, Маратхи (?). Бронза. Высота — 5 см.

2055-193 Адорант с лотосами в руках. Махараштра, Маратхи (?). Бронза. Высота — 5,5 см.

2055-194 Божество с четырьмя руками (Вишну?). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 14 см.

2055-195 Вишну с четырьмя руками, стоящий. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7,5 см.

2055-196 Герой со знаменем, в молитве. Махараштра, маратхи (?). Бронза. Высота — 5 см.

2055-197 Адорант с лотосами в руках. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5,5 см.

2055-198 Вишну с четырьмя руками, стоящий. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-199 Женщина в танце. Медь. Южная Индия. Дравиды. Высота — 6 см.

2055-200 Вишну с четырьмя руками, стоящий. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-201 Женщина с лотосом на троне. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4 см.

2055-202 Фигурка сидящего йога. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 3,8 см.

2055-203 Сидящий адорант в молитве. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4 см.

2055-204 Фигурка сидящего божества с восемью руками (Будда / Тиртханкара?). Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 7,8 см.

2055-205 Фигурка стоящей женщины. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5 см.

2055-206 Фигурка богини в сидячей позе. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 4,5 см.

2055-207 Фигурка мужчины в пышной короне. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 8,5 см.

2055-208 Божество с вûной. Южная Индия. Дравиды. Бронза (?). Медь (?). Высота — 3,5 см.

2055-209 Музыкант с вûной. Южная Индия. Дравиды. Бронза (?). Медь (?). Высота — 3 см.

2055-210 Адорант с кинжалами. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 3 см.

2055-211 Летящий гений. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 9 см.

2055-212 Фигурка лучника (Рама?). Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 13 см.

2055-213 Фигурка сидящего божества с чашей. Южная Индия. Дравиды. Медь. 14 см.

2055-214 Дипалакшми (Лакшми со светильником). Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 16,2 см.

2055-215 Кали повергает демона. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 6 см.

2055-216 Кали повергает демона. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 5,5 см.

2055-217 Фигурка божества в позе стоя, уперев руки в бок. Махараштра. Маратхи (?). Бронза. Высота — 10 см.

2055-218 Вишну сидящий, четверорукий, с двумя палицами, на высоком троне. Южная Индия. Дравиды. Металлический сплав. Высота — 12 см.

2055-219 Мужчина в шапочке, опирается на палку, со змеей. Махараштра. Маратхи (?). Медь. Высота — 9 см.

2055-220 Два сидящих адоранта перед лингамом. Южная Индия. Дравиды. Медь (?) 3,2 × 5,5 см.

2055-221 Кали, побеждающая демона. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 14,5 см.

2055-222 Шива с Парвати, сидящей у него на коленях. Южная Индия. Дравиды. Медь (?). Высота — 13,5 см.

2055-223	Двое мужчин с ребенком и тростью. Махараштра. Маратхи (?). Медь (?). 8×5×4 см.
2055-224	Вишну стоящий, с палицами. Южная Индия. Дравиды. Бронза (?). Медь (?). Высота — 17 см.
2055-225	Лакшми, сидящая на троне с цветком лотоса в руке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 11 см.
2055-226	Бог Субраманья, с павлином. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8,5 см.
2055-227	Витхоба, божество маратхов. Махараштра. Маратхи. Медь. Высота — 10 см.
2055-228	Фигурка юноши с посохом (джайнский аскет?). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 12,5 см.
2055-229	Вишну с Лакшми, сидящей у него на коленях. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7 см.
2055-230	Фигурка мужчины со знаменем. Махараштра. Маратхи (?). Бронза. Высота — 5,5 см.
2055-231	Фигурка обнаженной женщины (Лакшми?). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 13 см.
2055-232	Фигурка мужчины в позе стоя, уперев руки в бок. Махараштра. Маратхи (?). Бронза. Высота — 15 см.
2055-233	Лакшми с лотосом в руке, на лотосовом троне. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 16,5 см.
2055-234	Фигурка женщины на высоком постаменте. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 17,5 см.
2055-235	Статуэтка женщины с лотосом. Южная Индия. Дравиды. Светлый сплав. Высота — 25 см.
2055-236	Фигурка воина с мечом и щитом. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-237 Фигурка человеко-льва. Деталь. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8,5 см.

2055-238 Фигурка стоящего Ханумана. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 11,5 см.

2055-239 Бог Субраманья верхом на павлине. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7 см.

2055-240 Фигурка сидящего Ганеши. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 7 см.

2055-241 Фигурка сидящего Ганеши. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 3,5 см.

2055-242 Фигурка сидящего Ганеши. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 3,5 см.

2055-243 Фигурка стоящего Ханумана. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-244 Фигурка стоящего Ханумана. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5,5 см.

2055-245 Фигурка стоящего Ханумана. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4,3 см.

2055-246 Фигурка мужчины в пышной короне. Деталь. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8,5 см.

2055-247 Фигурка стоящего Ханумана. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6,5 см.

2055-248 Кали, повергающая демона, в арке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 20 + 5 см.

2055-249а, б Фигурка Васудевы с младенцем Кришной (а) внутри кубка (б). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота кубка — 8 см, диаметр — 8 см, высота фигурки — 11 см.

2055-250 Божественная пара на коне, сценка на подставке. Махараштра. Маратхи (?). Медь. Высота общая — 10 см, подставка — 6×3 см.

2055-251 Фигурка коровы с теленком, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см, подставка — 5,8×3,5 см.

2055-252 Фигурка быка с собакой, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 7 см, подставка — 6×4 см.

2055-253 Бык с ветвью во рту и с собакой у ног, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5 см, подставка — 5×3,5 см.

2055-254 Обезьянка перед светильником в виде лотоса, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5,5 см, подставка — 5,3×2,7 см.

2055-255 Фигурка буйвола, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4 см, подставка — 3×2,5 см.

2055-256 Фигурка собаки / льва (?). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4 см, длина — 5 см.

2055-257 Миниатюрное изображение кобры. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4 см.

2055-258 Изображение двух кобр на общей подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 3 см, длина — 3,5 см.

2055-259 Изображение пятиголовой змеи, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6,5 см, диаметр подставки — 5,5 см.

2955-260 Фигурка коровы. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 12 см, длина — 14 см.

2055-261 Фигурка лежащего быка. Южная Индия. Дравиды. Светлый сплав. Высота — 11 см, длина — 10 см.

2055-262 Ажурный сосуд (курильница?) с пятиголовой змеей по краю, с узким выступом вниз. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота (общая) — 10 см, ширина сосуда — 6,5 см.

2055-263 Фигурка: сказочный крылатый зверь, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8 см, длина подставки — 17 см.

2055-264 Фигурка: сказочный крылатый зверь («лев»), на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 8 см, длина подставки — 16 см.

2055-265 Фигурка сказочного зверя в прыжке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 5 см.

2055-266 Фигурка быка Нанди, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 9 см, подставка — 6,5 × 4,5 см.

2055-267 Фигурка коровы с двумя туловищами. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 3,5 см, длина — 4,2 см.

2055-268 Светильник с фигуркой павлина. Деталь. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4,5 см, диаметр — 9,5 см.

2055-269 Фигурка павлина, на подставке. Деталь. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6,5 см, длина подставки — 4,5 см.

2055-270 Изображение лингама со змеей. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 3,8 см.

2055-271 Фигурка попугая. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 4 см, длина — 6,5 см.

2055-272 Фигурка попугая грубоватой работы. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 3,5 см.

2055-273 Фигурка попугая (или павлина со сложенным хвостом?). Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-274 Фигурка гуся. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 3,7 см.

2055-275 Фигурка петуха с веткой в клюве. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 4,2 см.

2055-276 Фигурка петуха с веткой в клюве. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 8 см.

2055-277 Фигурка петуха с веткой в клюве. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 13 см.

2055-278 Фигурка фазана с веткой в клюве. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 13 см.

2055-279 Светильник с фигуркой павлина. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4,5 см, диаметр — 9,5 см.

2055-280 Фигурка петуха с веткой в клюве, на круглой подставке. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 17 см, диаметр подставки — 6 см.

2055-281 Деталь кальяна в виде петуха, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 13 см, диаметр подставки — 5 см.

2055-282 Фигурка петуха с веткой в клюве, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Сплав, похожий на бронзу. Высота — 15,5 см, диаметр подставки — 4 см.

2055-283 Фигурка фазана с веткой в клюве. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 10,5 см.

2055-284 Фигурка павлина. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6 см.

2055-285 Подсвечник в виде павлина, на подставке. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 17 см, подставка — 10,5 × 9 см.

2055-286 Маленький светильник на двух ножках в виде раскрытого цветка с высоким пестиком. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 4,8 см, длина — 5 см.

2055-287 Фигурка черепахи с цветком на спине. Подставка для ароматических палочек. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 1,9 см, длина — 5 см.

2055-288 Светильник в виде плошки с четырьмя углублениями. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 8,5 см, длина — 12,5 см.

2055-289 Фигурка Гаруды, на подставке в виде лотоса. Деталь. Южная Индия. Дравиды. Индия. Бронза. Высота — 18,5 см, диаметр подставки — 10 см.

2055-290 Прибор для ароматических палочек в виде птицы, на подставке и с ручкой. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 6,5 см, длина — 8,5 см.

2055-291 Светильник в форме йони. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 2 см, длина — 10,8 см.

2055-292 Фигурка павлина со сложенным хвостом. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 10,5 см.

2055-293 Подсвечник в виде фигурки птицы с коброй в клюве. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 12,5 см.

2055-294 Светильник с изображением богини Гаджа-Лакшми. Южная Индия. Дравиды. Медь. Высота — 16 см, длина — 11,5 см.

2055-295 Светильник с изображением богини Гаджа-Лакшми. Южная Индия. Дравиды. Темный сплав. Высота — 13,5 см, диаметр основания — 10 см.

2055-296 Фигурка черепахи. Деталь. Южная Индия. Дравиды. Бронза. Высота — 3,2 см, размеры основания — 5,5×5 см.

Приложение 4

СПИСОК КОЛЛЕКЦИИ № 2418

2418-1	Небольшой сосуд («чембу / сембу»). Обожженная глина. Окружность — 53,5 см, высота — 16,5 см, диаметр горла — 10,5 см.
2418-2	Сосуд для промывания и отцеживания риса. Обожженная глина. Окружность тулова — 66 см, высота — 15,5 см, диаметр горла — 15,8 см.
2418-3	Копилка для закапывания в земле. Обожженная глина. Окружность — 29 см, высота — 8,5 см, диаметр дна — 4 см.
2418-4	Сосуд для добавления воды при варке риса (ставится на соответствующий сосуд сверху). Обожженная глина. Окружность тулова — 43 см, высота — 12,5 см, диаметр горла — 10 см.
2418-5	Сосуд для варки риса. Обожженная глина. Окружность тулова — 66,5 см, высота — 16,5 см, диаметр горла — 13 см.
2418-6	Сосуд для приготовления карри с рисом. Обожженная глина. Окружность — 66,5 см, высота — 8,5 см, диаметр горла — 23,5 см.
2418-7	Сосуд для добавления воды при готовке карри (ставится на соответствующий сосуд сверху). Обожженная глина. Окружность — 66,5 см, высота — 8,8 см, диаметр горла — 22,5 см.
2418-8	Чашка многофункциональная: для подачи приправ, для еды или питья. Обожженная глина. Окружность — 33,5 см, высота — 7 см, диаметр горла — 11,5 см.

2418-9 а б	Горшок (а) с крышкой (б) для хранения «чатни» (маринованных приправ к еде). Обожженная глина. а) Окружность тулова — 56 см, высота — 14 см, диаметр горла — 9,5 см. б) Диаметр крышки — 11 см, высота — 4,5 см.
2418-10	Тарелочка для приправ, используемая при готовке карри. Обожженная глина. Диаметр — 17 см, высота — 2 см.
2418-11	Переносной очаг для приготовления пищи. Обожженная глина. Топится дровами, кизяком или скорлупой кокосовых орехов. Окружность — 60,5 см, внутренний диаметр — 11,5 см, высота — 12,8 см.
2418-12	Чашка-тарелка для еды (главным образом риса). Обожженная глина. Диаметр — 19,5 см, высота — 8 см.
2418-13	Стакан для питья. Обожженная глина. Окружность — 28 см, высота — 8,0 см, диаметр горла — 8,8 см.
2418-14	Круглодонная чашка с «ушками», для еды. Обожженная глина. Окружность — 35 см, высота — 4 см, диаметр — 10,5 см.
2418-15	Круглодонная чашка для еды. Обожженная глина. Окружность — 34 см, высота — 4,2 см, диаметр — 10,0 см.
2418-16	Кувшин для хранения питьевой воды. Обожженная глина. Окружность — 61 см, высота — 29 см, диаметр горла — 9 см.
2418-17	Ритуальный сосуд для воскурений, имеет ручку. Обожженная глина. Высота — 5,5 см, диаметр дна — 5,5 см, диаметр верха — 9,5 см.

2418-18 Цедилка для сваренного риса, в виде тарелки с отверстиями в половине дна. Обожженная глина. Диаметр — 16 см, высота — 6 см.

2419-19 Сковорода с «ушками» для приготовления блинов из рисовой муки. Обожженная глина. Диаметр — 24 см, высота — 1,8 см.

2418-20 Сосуд для добавления воды при варке риса (ставится на соответствующий сосуд сверху). Орнамент в виде кружков. Обожженная глина. Окружность тулова — 42 см, высота — 7,5 см, диаметр горла — 10 см.

2418-21 Мерный сосуд для вина из сока кокосового ореха. Также употребляется в похоронных ритуалах. Обожженная глина. Окружность тулова — 23,5 см, высота — 7,5 см, диаметр горла — 6 см.

2418-22 Фигурка, изображающая деревенского жреца–брахмана. Терракота. Высота — 25 см (без подставки — 24,2 см) , размер подставки — 8×8 см.

2418-23 Фигурка, изображающая женщину из касты птицеловов. Терракота. Высота (с подставкой) — 23,2 см. Размеры подставки — 8×8 см.

2418-24 Фигурка, изображающая гончара за работой. Терракота. Высота с подставкой — 15 см, размер подставки — 10×15 см. Высота — 1 см.

2418-25 Фигурка, изображающая ловца змей. Терракота. Высота с подставкой — 14 см, размеры подставки — 10×11 см, высота — 0,7 см.

2418-26 Фигурка, изображающая птицелова с ловушкой. Терракота. Высота — 14,6 см, размеры подставки — 10,2×10,8 см, высота — 1 см. Отсутствует предмет (вероятно, птица) в правой руке.

2418-27	Группа из двух фигурок сидящих мужчин — цирюльника и его клиента. Терракота. Высота фигурок: цирюльника — 14,5 см, клиента — 13 см. Размеры подставки — 10,8 × 14 см.
2418-28	Изображение четырехрукой богини в сидящей позе. Глина. Высота — 17 см, размеры подставки — 11 × 8,5 см.
2418-29	Изображение лингама на четырехугольной подставке с круглыми ножками. Глина. Высота с подставкой — 10 см. Размеры подставки — 11 × 9,5 см.
2418-30	Светильник в виде плошки с «носиком». Обожженная глина. Диаметр — 8 см, высота — 1,5 см.
2418-31	Игрушечный очаг круглой формы. Глина. Высота — 4 см, окружность — 22 см.
2418-32 а б	Игрушечная ручная зернотерка. Глина. Высота — 3,9 см, длина — 6,9 см, диаметр — 5 см.
2418-33	Игрушечный очаг для варки риса. Глина. Высота — 3 см, диаметр верхнего отверстия — 3,3 см.
2418-34	Игрушечная тарелка. Глина. Высота — 1 см, диаметр — 5,3 см.
2418-35	Игрушечная тарелка. Глина. Высота — 1 см, диаметр — 5,3 см.
2418-36	Игрушечная цедилка для риса. Глина. Высота — 0,8 см, диаметр — 4,3 см.
2418-37	Игрушечная форма для теста четырехугольная. Глина. Высота — 2 см, длина стороны — 3,5 см.
2418-38	Игрушечный сосуд для воды, расширяющийся кверху. Глина. Высота — 2,3 см, диаметр дна — 2 см, диаметр верха — 4 см.

2418-39 Игрушечный сосуд для воды, расширяющийся кверху. Глина. Высота — 2,3 см, диаметр дна — 2 см, диаметр верха — 4 см.

2418-40 Игрушечный сосуд для воды, вытянутый вверх. Глина. Высота — 3,1 см, диаметр горла — 3 см.

2418-41 Игрушечный сосуд для воды (лота). Глина. Высота — 3,2 см, Диаметр горла — 2,8 см.

2418-42 Игрушечный сосуд для воды (лота). Глина. Высота — 3 см, диаметр горла — 3 см.

2418-43 Игрушечный сосуд для воды (лота). Глина. Высота — 2,7 см, диаметр горла — 3 см.

2418-44 Игрушечный сосуд для воды (лота). Глина. Высота — 3 см, диаметр горла — 2,8 см.

2418-45 Игрушечный сосуд с широким горлом для хранения воды. Глина. Высота — 2,7 см, диаметр горла — 3,5 см.

2418-46 Игрушечный сосуд в виде рюмки. Глина. Высота — 2,8 см, диаметр горла — 3,3 см.

2418-47 Игрушечный сосуд в виде стакана с двумя выступами по бокам у горла. Глина. Высота — 3 см, диаметр горла — 3 см.

2418-48 Игрушечный сосуд в виде круглой миски с фигурной горизонтальной ручкой. Глина. Высота — 2,5 см, диаметр — 5,5 см.

2418-49 Игрушечный сосуд в виде плошки с горизонтальной ручкой (сковорода). Глина. Высота — 1,7 см, диаметр — 4,8 см.

2418-50 Игрушечный сосуд в виде плошки с загнутой горизонтальной ручкой (поварешка). Глина. Высота — 1,4 см, диаметр — 4,5 см.

2418-51 Игрушечный сосуд в виде плошки-светильника с горизонтальной загнутой ручкой. Глина. Высота — 2 см, диаметр — 4,4 см.

2418-52 Игрушечный сосуд в виде плошки с двумя треугольными горизонтальными ручками. Глина. Высота — 2 см, диаметр — 4,5 см.

2418-53 Игрушечный сосуд в виде плошки с горизонтальной ручкой. Глина. Высота — 2 см, диаметр — 4,3 см.

2418-54 Игрушечная глубокая тарелка. Глина. Высота — 1,2 см, диаметр — 4 см.

2418-55 Игрушечная глубокая тарелка. Глина. Высота — 1,2 см, диаметр — 4 см.

2418-56 Игрушечная глубокая тарелка. Глина. Высота — 1,2 см, диаметр — 4 см.

2418-57 Три одинаковых игрушечных горшка. Глина. Высота — 3 см, длина окружности — 14,5 см, диаметр горла — 2,0 см.

2418-58 Игрушечная глубокая тарелка. Глина. Высота — 1,2 см, диаметр — 4 см.

2418-59 Игрушка: фигурка сидящей женщины. Растительное волокно, глина, краска. Высота — 10,2 см, длина — 6 см, ширина — 8 см.

2418-60 Игрушка: фигурка сидящей женщины. Растительное волокно, глина, краска. Высота — 13 см, длина — 8 см, ширина — 6 см.

2418-61 Игрушка: фигурка сидящего мужчины. Растительное волокно, глина, краска. Высота — 11 см, длина — 7,5 см, ширина — 8 см.

2418-62 Игрушка: фигурка фантастической птицы на трех ногах. Растительное волокно, глина, краска. Высота — 9 см, длина — 11 см, ширина — 5 см.

2418-63 Игрушечный слон. Растительное волокно, глина, краска. Высота — 5 см, длина — 14 см, ширина — 5 см.

2418-64 Ритуальный шнур — знак замужества. Хлопчатобумажная нить. Длина — 98 см.

2418-65 Разливательная ложка на длинной ручке. Костянка кокоса, бамбук. Длина — 29 см, диаметр ложки — 5,4 см.

2418-66 Разливательная ложка из цельного куска дерева. Длина — 22 см.

2418-67 Нож кухонный типа сечки. Металл, дерево. Длина лезвия — 16 см, ширина — 7 см. Длина ручки — 8 см, диаметр — 2 см.

2418-68 Сосуд для хранения специй из цельного куска дерева, с хитроумно подвижной крышкой на выступающем черенке. Дерево. Высота — 20 см, длина — 21 см, ширина — 12 см.

2418-69 Сосуд, подобный № 2418-68. Выдолбленное дерево. Высота — 23,2 см, длина — 19 см, ширина — 12,5 см.

2418-70 Тарелка с ручкой. Дерево. Диаметр тарелки — 20,5 см, длина ручки — 9,5 см.

2418-71 Тарелка, похожая на блюдце. Дерево. Диаметр дна — 10 см, диаметр по верху — 11,5 см.

2418-72 Скалка для раскатывания теста. Дерево. Длина — 30 см, окружность — 13 см.

2418-73	Гребень двусторонний (с редкими и частыми зубьями). Дерево. Длина — 30 см, ширина — 4 см.
2418-74	Гребень двусторонний для гигиенических целей, с хитроумной ручкой. Дерево. Длина — 27 см, ширина — 3,7 см.
2418-75	Доска с углублениями для игры «паллиан-куж». Дерево, металл. Приложены 42 косточки (семена некоего растения). Ширина доски в раскрытом виде — 25 см, длина — 38,5 см. Диаметр углублений — от 4,2 до 4,5 см.
2418-76 а б	Коробочка в виде усеченного конуса с крышкой. Дерево, лак. Высота с крышкой — 5,5 см, диаметр дна — 3,5 см, диаметр верхней части — 2,7 см.
2418-77 а б	Коробочка в виде усеченного конуса с крышкой. Дерево, лак. Высота с крышкой — 4,4 см, диаметр дна — 3,2 см, диаметр верхней части — 2,5 см.
2418-78 а б	Коробочка в виде усеченного конуса с крышкой. Дерево, лак. Высота с крышкой — 4,6 см, диаметр дна — 3,2, диаметр верхней части — 2,5 см.
2418-79	Трубка для раздувания огня в очаге. Бамбук. Длина — 31 см, окружность — 11,5 см.
2418-80	Палочки ароматические для воскурений. 12 штук тонких, 2 — потолще. Длина наибольшая — 43 см.
2418-81	Циновка, употребляемая для сна на полу. Тонкие прутья, полосы х/б ткани. Длина — 172 см, ширина — 71 см.
2418-82	Циновка для укладывания (усаживания) детей, тонкого плетения. Тонкие прутья. Длина — 95 см, ширина — 77 см.

2418-83	Плетеный круг-подставка для переноса сосудов на голове и установки на земле. Рисовая солома. Диаметр — 17 см, толщина — 0,4 см.
2418-84 (1–25)	Круги-подставки для переноса тяжестей на голове. Крученая солома. Диаметр — 18 см, толщина — 2 см.
2418-85	Сито для отцеживания риса. Плетение из тонких прутьев. Диаметр — 23 см, толщина — 0,8 см.
2418-86 а б	Корзина в виде короба (а) с крышкой (б) для хранения мелких домашних предметов. Пальмовая кора и черенки пальмовых листьев (?). Высота — 10 см, длина — 25,5 см, ширина — 26 см.
2418-87 а б в г	Плетеная коробка (а) с крышкой (б) для ритуальной и обыденной косметики, с несколькими отделениями (в), с зеркальцем (г). Кора растения «тырнур», стекло. Высота — 7 см, длина по низу — 10 см, ширина по низу — 7 см. Длина нижнего отделения — 10 см, ширина — 8 см.
2418-88 а б в	Портсигар (а) с крышкой (б) и вкладышем (в) для хранения бетеля и табака. Растительное волокно. Длина — 10 см, ширина — 2 см, высота — 7 см.
2418-89	Веер с ручкой. Пальмовый лист, бамбук. Длина — 29 см, ширина — 21, длина ручки — 30 см.
2418-90	Веер с ручкой. Пальмовый лист, бамбук. Длина — 27 см, ширина — 20, длина ручки — 33 см.
2418-91	Тарелка («еле»), сшитая из нескольких листьев, для еды. Листья неустановленного растения. Диаметр — 28 см.
2418-92	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев. Состоит из 14 листков овальной формы. Диаметр — 30 см.

2418-93	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев. Состоит из 14 листков овальной формы. Диаметр — 30 см.
2418-94	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев. Состоит из 15 листков овальной формы. Диаметр — 28,5 см.
2418-95	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев. Состоит из 11 листков овальной формы. Диаметр — 30 см.
2418-96	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев. Состоит из 14 листков овальной формы. Диаметр — 31 см.
2418-97	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев. Состоит из 14 листков овальной формы. Диаметр — 28,5 см.
2418-98	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев. Состоит из 13 листков овальной формы. Диаметр — 30,5 см.
2418-99	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев овальной формы. Состоит из 15 листков овальной формы. Диаметр — 29,8 см.
2418-100	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев овальной формы. Диаметр — 29,5 см.
2418-101	Тарелка для еды («еле»), сшитая из нескольких листьев овальной формы. Диаметр — 29 см.
2418-102 а б	Пара сандалий на каблуках, с петлей для большого пальца, с закругленным носком. Кожа, суровые нитки, металлические гвозди. Длина — 27 см, ширина — 11 см, высота — 2 см.

2418-103 а б Пара сандалий на каблуках, с тупым широким носком. Кожа, суровые нитки, металлические гвозди. Длина — 25,5 см, ширина — 9,5 см, высота — 2 см.

2418-104 а б Пара сандалий на каблуках, с заостренным носком. Застежка — на пуговице. Кожа, суровые нитки, металлические гвозди. Длина — 26,5 см, ширина — 10,3 см, высота — 1,5 см.

2418-105 а б Сандалии деревянные, из цельных кусков дерева, с ременным крепежом. Носки широкие, слегка приподнятые и загнутые. Дерево, кожа, металлические гвозди. Длина — 25 см, ширина — 8 см, высота — 4 см.

2418-106 Музыкальный инструмент, зажимаемый между зубами (варган). Звук издается с помощью вибрирующего язычка. Металл. Длина — 11,6 см, ширина — 4 см, толщина — 0,9 см.

2418-107 Четырехструнный музыкальный инструмент. Дерево, металл, лак. Длина — 113 см, Диаметр резонатора — 23 см.

2418-108 Дудка заклинателя змей, с резонатором. Бамбук, скорлупа тыквы. Длина — 25 см, окружность резонатора — 30 см.

2418-109 Дудка заклинателя змей с резонатором и шнуром для ношения на плече. Бамбук, скорлупа тыквы, хлопчатобумажные нити, плоды. Длина — 38 см, окружность резонатора — 29 см.

2418-110 Дудка заклинателя змей с резонатором и шнуром для ношения на плече. Бамбук, скорлупа тыквы, хлопчатобумажные нити. Длина — 50 см, окружность резонатора — 30 см.

2418-111 Металлическая плевательница, с отогнутым верхним краем. Медь. Высота — 17,5 см, диаметр дна — 8 см, диаметр горла — 15 см.

2418-112 Светильник округлой формы с изображением Дипалакшми (богини Лакшми в арке). Медь. Высота — 15 см, окружность — 23,5 см, диаметр дна — 8 см.

2418-113 Пластинка в виде кисти руки. Медь. Длина — 30 см, ширина — 10 см, толщина — 0,5 см.

2418-114 Кисет для принадлежностей бетелевой жвачки. Четырехугольной формы, со шнурком, оканчивающимся кисточками. Хлопчатобумажная ткань. Длина — 12 см, ширина — 9,8 см.

2418-115 Кисет для принадлежностей бетелевой жвачки. Четырехугольной формы. Хлопчатобумажная ткань. Длина — 13 см, ширина — 10 см.

2418-116 «Серьга» из полоски окрашенного в малиновый цвет пальмового листа. Лист пальмы, краска. Длина — 6 см, ширина — 0,9 см.

2418-117 Священный шнур брахмана. Плетенье из хлопчатобумажных нитей. Длина — 146 см, ширина — 0,4 см.

2418-118 Браслет женский неразъемный желтого цвета. Стекло. Диаметр — 5,8 см, толщина — 1 см.

2418-119 Браслет женский неразъемный розового цвета, прозрачный. Стекло. Диаметр — 5,8 см, толщина — 0,4 см.

2418-120 Браслет женский неразъемный темно-синего цвета. Стекло. Диаметр — 5,7 см, толщина — 0,3 см.

2418-121 Браслет женский неразъемный зеленого цвета, граненый. Стекло. Диаметр — 5,5 см, толщина — 0,9 см.

2418-122 Браслет женский неразъемный зеленого цвета. Стекло. Диаметр — 5,5 см, толщина — 0,5 см.

2418-123 Браслет женский неразъемный розового и белого цвета, крученый. Стекло. Диаметр — 5,0 см, толщина — 0,6 см.

2418-124 Браслет женский неразъемный бежевого цвета. Стекло. Диаметр — 6,0 см, толщина — 0,3 см.

2418-125 Браслет женский неразъемный красного цвета с голубыми и желтыми крапинками. Стекло. Диаметр — 5,8 см, толщина — 0,2 см.

2418-126 Браслет женский неразъемный темно-синего цвета. Стекло. Диаметр — 4,5 см, толщина — 0,5 см.

2418-127 Браслет женский неразъемный зеленого цвета. Стекло. Диаметр — 4,4 см, толщина — 0,5 см.

2418-128 Браслет женский неразъемный темно-лилового цвета. Стекло. Диаметр — 4,5 см, толщина — 0,5 см.

2418-129 Браслет женский неразъемный зеленого цвета, с косыми черными штрихами. Стекло. Диаметр — 6,4 см, толщина — 0,5 см.

2418-130 Браслет женский неразъемный бирюзового цвета. Стекло. Диаметр — 6,2 см, толщина — 0,2 см.

2418-131 Браслет женский неразъемный синего цвета. Стекло. Диаметр — 5,4 см, толщина — 0,2 см.

2418-132 Браслет позолоченный. Мастика, сусальное золото. Диаметр — 6 см, толщина — 1,1 см.

2418-133 Браслет с нарезным орнаментом, позолоченный. Мастика, сусальное золото. Диаметр — 6,7 см, толщина — 0,8 см.

2418-134 Браслет с нарезным орнаментом, позолоченный, перевит суровыми нитками. Мастика, сусальное золото, хлопчатобумажные нити. Диаметр — 6,0 см, толщина — 1 см.

2418-135 Браслет с крупным нарезным орнаментом, позолоченный, перевит суровыми нитками. Мастика, сусальное золото, хлопчатобумажные нити. Диаметр — 6,3 см, толщина — 1 см.

2418-136 Браслет с крупным нарезным орнаментом, позолоченный. Мастика, сусальное золото, хлопчатобумажные нити. Диаметр — 6,3 см, толщина — 1 см.

2418-137 Кольцо белого цвета. Стекло. Диаметр — 1,8 см, толщина — 0,3 см.

2418-138 Кольцо желтого цвета. Стекло. Диаметр — 1,8 см, толщина — 0,3 см.

2418-139 Кольцо синего цвета. Стекло. Диаметр — 1,8 см, толщина — 0,3 см.

2418-140 Кольцо зеленого цвета. Стекло. Диаметр — 1,7 см, толщина — 0,3 см.

2418-141 Кольцо белого цвета. Стекло. Диаметр — 1,7 см, толщина — 0,3 см.

2418-142 Кольцо желтого цвета. Стекло. Диаметр — 1,8 см, толщина — 0,3 см.

2418-143 Кольцо зеленого цвета. Стекло. Диаметр — 1,6 см, толщина — 0,2 см.

2318-144 Тонкое металлическое колечко. Медь. Диаметр — 2,0 см, толщина — 0,1 см.

2418-145 Тонкое металлическое колечко. Медь. Диаметр — 2,0 см, толщина — 0,1 см.

2418-146 Кольцо металлическое с выпуклым точечным орнаментом. Металл белого цвета. Диаметр — 1,4 см, толщина — 0,8 см.

2418-147 Кольцо металлическое с выпуклым точечным орнаментом. Металл белого цвета. Диаметр — 1,4 см, толщина — 0,8 см.

2418-148 Кольцо металлическое с выпуклым точечным орнаментом. Металл белого цвета. Диаметр — 1,4 см, толщина — 0,2 см.

2418-149 Кольцо металлическое с выпуклым остроконечным выступом. Медь. Диаметр — 1,4 см, толщина — 0,2 см.

2418-150 Кольцо металлическое с выпуклым нарезным орнаментом. Медь. Диаметр — 2,0 см, толщина — 0,3 см.

2418-151 Кольцо металлическое с выпуклым точечным орнаментом. Медь. Диаметр — 1,0 см, толщина — 0,5 см.

2418-152 Кольцо металлическое с выпуклым точечным орнаментом. Металл белого цвета. Диаметр — 1,0 см, толщина — 0,5 см.

2418-153 Кольцо металлическое с выпуклым округлым выступом. Медь. Диаметр — 1,0 см, толщина — 0,5 см.

2418-154 Кольцо металлическое с выпуклым точечным и нарезным орнаментом. Металл белого цвета. Диаметр — 0,8 см, толщина — 0,4 см.

2418-155	Кольцо гладкое, изогнутой формы. Медь. Диаметр — 1,6 см, толщина — 0,6 см.
2418-156	Макет колодца с рычагом для орошения поля, с группой мужчин за работой. На подставке. Дерево, глина, краска. Длина — 495,0, ширина — 315,0, высота — 47,0.
2418-157	Скамеечка для приготовления стружки из ядра кокосового ореха. Скамеечка на трех ножках. На ней укреплены заостренные выступы. Дерево, металл. Длина — 37,5 см, ширина наибольшая — 9,5 см, высота — 4,5 см.
2418-158	Лоток для провеивания риса и сбора сора. Бамбук, плетение. Длина — 43,5 см, ширина — 39,5 см, высота — 12 см.
2418-159	Доска-подголовник. Дерево, металл. Диаметр — 52 см, длина — 16 см, высота — 5,5 см.
2418-160/2	Пара ножных колец. Медь. Диаметр — 3,3 и 2,3 см, толщина — 0,5 см.
2418-161	Меч с овальной гардой и изогнутой рукоятью, обвитой черным ремешком. Сталь, кожа, гравировка на клинке. Длина — 100 см, ширина клинка — 6 см, окружность рукояти — 11 см.
2418-162	Мера сыпучих тел в виде цилиндрического сосуда. Металл белого цвета. Высота — 12,0 см, диаметр — 10 см.
2418-163	Мера сыпучих тел в виде цилиндрического сосуда. Металл белого цвета. Высота — 6,3 см, диаметр — 5 см.
2418-164	Ложка «разливательная» на длинной ручке. Костянка кокоса, бамбук. Длина ручки — 47 см, диаметр черпака — 11 см, высота черпака — 4 см.

Приложение 5

КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН, СОБРАННЫЕ М.С. АНДРЕЕВЫМ В АФГАНИСТАНЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Афганистан

№ 3458. Таджики, Афганистан. Куклы и другие игрушки. 1927 г.

3458-1. Кукла. Ткань. Высота — 13,5 см, ширина с рукавами — 14,2 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-2. Кукла. Дерево, ткань. Высота — 10 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-3. — Кукла. Стебель растения, ткань. Высота — 9,2 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-4. Кукла. Стебель растения, ткань. Высота — 8 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-5. Кукла. Кисея. Высота — 8 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-6. Кукла. Дерево, кисея. Высота — 10,5 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-7. Кукла. Дерево, ткань. Высота — 10,5 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-8. Кукла. Ткань. Высота — 11 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-9. Кукла антропоморфная. Ткань. Высота — 9 см, ширина в плечах — 2,5 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-10. Сурмадан (мешочек для сурьмы). Ткань шелковая. Длина — 14 см, ширина — 6,5 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-11. Сурмадан (мешочек для сурьмы) на шнурке. Ткань хлопчатобумажная. Длина — 11 см, ширина — 6,7 см, длина шнурка — 39 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-12. Сурмадан (мешочек для сурьмы). Ткань, расшитая шелком. Длина — 7,8 см, ширина — 3,7 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-13. Игрушка — колыбель. Дерево. Высота — 17,5 см, длина — 20 см, ширина — 7 см. Место приобретения — селение Руха. Панджшир.

3458-14. Кукла детская (сходная с № 3458-2). Дерево, ткань. Высота — 10 см. Место приобретения — селение Бурдж-и Яман. Панджшир.

3458-15. Кукла детская (сходная с № 3458-4). Стебель растения, ткань. Высота — 6 см. Место приобретения — селение Бурдж-и Яман. Панджшир.

3458-16. Кукла антропоморфная. Дерево, ткань. Высота — 9 см, ширина в плечах — 1,5 см. Место приобретения — селение Бурдж-и Яман. Панджшир.

3458-17. Кукла антропоморфная (сходная с № 3458-16). Дерево, ткань. Высота — 13 см. Место приобретения — селение Бурдж-и Яман. Панджшир.

3458-18. Кукла антропоморфная (мужчина). Ткань. Высота — 11 см. Место приобретения — селение Бурдж-и Яман. Панджшир.

3458-19. Кукла антропоморфная (мужчина). Ткань. Длина — 11 см, ширина в плечах — 2,5 см. Место приобретения — Кабул.

3458-20. Кукла антропоморфная (мужчина). Ткань. Длина — 18,5 см, ширина в плечах — 4 см. Место приобретения — Кабул.

Средняя Азия

№ 3083. Куклы. 1924 г. (Подробнее см.: [Пещерева 1957: С. 22–94]).

3083-1. Кукла (молодая женщина). Дерево, ткань. Высота — 11,5 см. Место приобретения — Таджикистан. Ура-Тюбе.

3083-2. Кукла (молодая девушка). Дерево, ткань. Высота — 19 см. Место приобретения — Таджикистан. Матча, Оббурдон.

3083-3. Кукла (девушка). Дерево, ткань. Высота — 22 см, подставка — 4,5 × 6,5 см. Место приобретения — Таджикистан. Матча, Оббурдон.

3083-4. Кукла (женщина). Дерево, ткань. Высота — 29 см. Место приобретения — Таджикистан. Матча. Оббурдон.

3083-5. Кукла (женщина). Дерево, ткань. Высота — 13,5 см. Место приобретения — Таджикистан. Матча. Рогиф.

3083-6. Кукла (женщина с ребенком). Дерево, ткань. Высота — 16,5 см, подставка — 4 × 8 см. Место приобретения — Таджикистан. Матча. Лянглиф.

3083-7. Кукла (женщина). Дерево, ткань. Высота — 29 см, подставка — 5 × 8,5 см. Место приобретения — Таджикистан. Матча. Пальдорак.

3083-8. Кукла (мужчина с длинной шеей). Дерево, ткань. Высота — 21 см, длина шеи — 7,5 см, подставка — 3,5 × 4 см. Место приобретения — Таджикистан. Матча. Пальдорак.

3083-9. Кукла (женщина). Дерево, ткань. Место приобретения — Таджикистан. Ягноб.

3083-10. Кукла (молодая женщина). Дерево, ткань. Высота — 23,5 см, подставка — 8,5 × 5 см. Место приобретения — Таджикистан. Ягноб. Новабад.

3083-11. Кукла (женщина с ребенком). Дерево, ткань. Высота — 9,5 см. Место приобретения — Таджикистан. Гиссар. Ромит.

3083-12. Кукла (девочка). Дерево, ткань. Высота — 7 см, подставка — 2,5 × 3,5 см. Место приобретения — Таджикистан. Каратегин. Шингилич.

3083-13. Кукла (девушка). Дерево, ткань. Высота — 10 см, подставка — 2,5 × 4 см. Место приобретения — Таджикистан. Каратегин.

3083-14. Кукла (женщина). Дерево, ткань. Высота — 10,5 см. Место приобретения — Таджикистан.

Источники

СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1901. Ед. хр. 148.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1906. Ед. хр. 153.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1907. Ед. хр. 154.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1910. Ед. хр. 157.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 159.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1922. Ед. хр. 170.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Ед. хр. 172.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1924. Ед. хр. 173.
СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1926. Ед. хр. 175.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 44.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 50.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 52.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 53.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 55.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 56.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 61.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 62.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 64.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 65.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 66.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 67.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 70.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 71.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923 г.). Ед. хр. 3.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). Ед. хр. 5.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). Ед. хр. 7.
СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927 г.). Ед. хр. 7.
СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 287.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1888. Ед. хр. 14.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 31.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1910. Ед. хр. 54.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1896. Ед. хр. 1.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1909. Ед. хр. 8.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1912. Ед. хр. 8
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8.
СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1915. Ед. хр. 8.
СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Ед. хр. 90.
СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Ед. хр. 29.
СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Ед. хр. 20.
СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31.
СПФ АРАН. Р. Х. Оп. 1-А. Д. 116.

Библиография

Акрамова Х.Ф. М.С. Андреев как инспектор народных училищ // Сборник аспирантских работ Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. Душанбе, 1968. С. 43–68.

Акрамова Х.Ф. Из эпистолярного наследия М.С. Андреева // Сборник аспирантских работ Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. Душанбе, 1969. № 7. С. 15–42.

Акрамова Х.Ф. М.С. Андреев как археолог // Сборник аспирантских работ Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. Душанбе, 1969. № 7. С. 48–60.

Акрамова Х.Ф. Об этнографическом наследии М.С. Андреева // Сборник аспирантских работ Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. Душанбе, 1969. № 7. С. 150–157.

Акрамова Х.Ф. Жизнь и научная деятельность члена-корреспондента АН СССР Михаила Степановича Андреева: Автореф. дис. … к.и.н. Душанбе, 1969. 24 с.

Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Душанбе, 1973. 223 с.

Акрамова Х.Ф. Михаил Степанович Андреев (К 100-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1973. № 6. С. 66–72.

Альбедиль М.Ф., Кисляков В.Н., Ревуненкова Е.В. Индия. Индонезия: Путеводитель. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 94 с.

Андреев М.С. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 г. к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба // Известия Туркестанского отдела РГО. Т. XVII. Ташкент, 1924 а. С. 217–218.

Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году // Известия Туркестанского отдела РГО. Т. XVII. Ташкент, 1924 б. С. 121–140.

Андреев М.С. Деревянная колонна в Матче // Известия РАИМК. Т. 4. Л., 1925 а. С. 115–118.

Андреев М.С. Из результатов экспедиции в Кызылкумы. О колодцах в Кызылкумах и их постройке // Бюллетень САГУ. № 9. 1925 б. С. 204–205.

Андреев М.С. К материалу по среднеазиатской керамике. Запись экспедиции от Общества изучения Таджикистана и Средазкомстариса, работавших в пределах Таджикистана летом 1925 г. Ташкент, 1926.

Андреев М.С. По Таджикистану. Краткий отчет об этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. Ташкент: [Б.и.], 1927 а. Вып. I. 85 с.

Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 году). Ташкент, 1927 б. 101 с.

Андреев М.С. Экспедиция в Ягноб 1927 года под руководством М.С. Андреева // Бюллетень САГУ. Ташкент, 1928. № 17. С. 162–171.

Андреев М.С. Поездка летом 1928 года в Касанский район (Север Ферганы) // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1929. Вып. I. С. 109–128.

Андреев М.С. Язгулемский язык. Таблицы глаголов (1904 г.). Л.: [Б.и.], 1930. 20 с.

Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик. М.; Л.: АН СССР, 1957. 390 с.

Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 1. / Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1953. Вып. 7. 251 с. (Рец.: Кисляков Н.А. // Советская этнография. 1953. № 4. С. 167–169).

Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 2 / Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т. 61. Сталинабад, 1958. 524 с.

Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928 гг.). Душанбе: Дониш, 1970. 192 с.

Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (крепость) Бухары в конце XIX — начале XX века. Душанбе: Дониш, 1972. 162 с.

Андреев Михаил Степанович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 32–34.

Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник МАЭ. Т. I. Вып. IX. СПб., 1911. 41 с.

Борочина Е.О. Михаил Степанович Андреев и его путешествие из Индии в Туркестан в 1907 г. // Страны и народы Востока. Т. XXVI. М., 1989. С. 26–146.

Воронина В.Л. Резное дерево Зарафшанской долины // МИА СССР. М.; Л., 1950. Вып. 15. С. 210–223.

Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. [Электронный ресурс.] URL: http://militera.lib.ru/research/grekov/index.html.

Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.; Л.: АН СССР, 1940. 312 с.

Государственный Музей искусств Узбекской ССР: Путеводитель. Ч. 1. Народное искусство Узбекистана. Художники Узбекистана. Ташкент: [Б.и.], 1956. 44 с.

Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т. XXXV. Сталинабад: Изд-во Акад. наук Таджик. ССР, 1955. 231 с.

Загородникова Т.Н. Индийская страница в книге жизни академика М.С. Андреева // Восток — 2001. № 5. С. 102–110.

Зимина Т.А. Лук и стрелы веддов: оружие охотников-собирателей // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. Сборник МАЭ. Т. LXI. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 170–187.

Иностранцев К.А. К толкованию нижней надписи в Варухском ущелье // Сборник МАЭ. Т. V. Вып. 2. Л., 1925. С. 553–556.

Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М.: Наука, 1983. 108 с.

Краснодембская Н.Г., Кисляков В.Н., Соболева Е.С. М.С. Андреев как пионер формирования методики научно-собирательской деятельности МАЭ (по материалам восточных коллекций МАЭ РАН и архива РАН) // Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 335–340.

Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю. «Меч Шиваджи» как предмет театрального реквизита и историческая «ремарка» // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. Сборник МАЭ. Т. LXI. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 199–211.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Мечта об Императорском зале: неизвестные идеи устройства МАЭ (конец XIX — начало XX в.) // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: Материалы XV Царскосельской научной конференции. СПб.: ГМЗ «Царское Село», 2009. Ч. 1. С. 257–266.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Становление индологического направления научных исследований МАЭ в эпоху Радлова и Штернберга (по архивным материалам) // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 203–232.

Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. МАЭ в судьбе востоковеда М.С. Андреева — исследователя Центральной Азии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 196–204.

Кудрявцев М.К. Фрагмент дворца из города Насик (Индия) // Сборник МАЭ. Т. XIV. М.; Л.: АН СССР, 1953. С. 140–146.

Лебедева А.А., Соболева Е.С. Водный транспорт на Цейлоне в начале XX века (по коллекциям МАЭ) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. Сборник МАЭ. Т. LXI. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 121–122.

Литвинский Б.А. Северная надпись в Варухском ущелье (опыт исторического исследования по данным нумизматики) // КСИИМК. М., 1956. Вып. 61. С. 114–119.

Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент: АН Узбек. ССР, 1958. 320 с.

Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Вып. VI. С. 302–346.

Лунин Б.В. /Рецензия/: Б.А. Литвинский и Н.М. Арамов. Александр Александрович Семенов // Народы Азии и Африки. 1973. № 6. С. 196–198.

Массон М.Е. Рудник погибели (Из истории первых лет деятельности Туркестанского кружка любителей археологии). Фрунзе: [Б.и.] 1971.

Мерварт А.М. Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л.: АН СССР, 1927. 96 с.

Мерварт А.М., Мерварт Л.А. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 г. Л.: АН СССР, 1927. 24 с.

Михаил Степанович Андреев // Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки / Составитель Б.В. Лунин. Ташкент, 1974. С. 88–95.

Моногарова Л.Ф. Ягнобцы // Народы мира. Историко-этнографические очерки. М.: АН СССР, 1988. С. 536.

Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова 1894–1906 // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. С. 27–109.

Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого // Императорская Академия наук 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Часть первая. Пг., 1917. С. 241–307.

Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 году // Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. Т. 45. 1916. Иркутск, 1917. С. 219–231.

Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т. CXX. Сталинабад, 1960. 345 с.

Певзнер С.Б. Южная надпись в Варухском ущелье // Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. Приложение III // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т. XXXV. Сталинабад, 1955. С. 223–224.

Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924–1935 гг.) // Сборник МАЭ. Т. XVII. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 22–94.

Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе: Дониш, 1976. 98 с.

Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873–1948) — исследователь культуры и быта народов Средней Азии // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. / Тр. Института этнографии АН СССР. Новая серия. Вып. 104. М., 1977. С. 126–132.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1971. Т. VI. 124 с.

Резьба по дереву в долине Зеравшана (Альбом средневековых орнаментов). М.: Наука, 1966. 72 с.

Решетов А.М. Судьба ученого: цветы и тернии (К 120-летию со дня рождения М.С. Андреева) // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений 1993 г. СПб., 1994. С. 78–80.

Русско-индийские отношения в XIX в.: Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. 527 с.

Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.: Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1999. 527 с.

Садыкова Н.С. Музейное дело в Узбекистане. Ташкент: АН Уз. ССР, 1975. 300 с.

Смирнова Е. В. История становления маратхского государства. СПбГУ, 2010. 48 с.

Соболева Е.С. Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского Музея народоведения (конец XIX — начало XX века // Санкт-Петербург — Гамбург: Балтийские побратимы. СПб.: Европейский дом, 2007. С. 179–203.

Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина: Очерки истории. Ташкент: Узбекистан, 1970. 351 с.

Хромов А.Л. Ягнобский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия в трех томах. М., 2005. Т III. С–Я. С. 513–521.

Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистана: (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). Душанбе: Дониш, 1966. 32 с.

Шуваева Л. Роль Российского консульства в Индии в установлении русско-индийских связей в 1900–1917 гг. // Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). М.: Институт востоковедения РАН, 2000. [Электронный ресурс.] URL: https://archive.is/Jzn9m.

Эдельман Д.И. Язгулямский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах. III. С–Я. М., 2005. С. 521–532.

Список сокращений

АН — Академия наук

ИАН — Императорская Академия наук

ИФО — Историко-филологическое отделение

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАЭ — Музей антропологии и этнографии

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МИД — Министерство иностранных дел

РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГО — Русское Географическое общество

САГУ — Среднеазиатский государственный университет

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Научное издание

Н.Г. Краснодембская,
Е.С. Соболева, В.Н. Кисляков

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ И ЕГО ВКЛАД В ИНДИЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ РАН

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *М.А. Ильина*
Корректор *Е. З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н. И. Пашковской*

Подписано в печать 08.04.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,3.
Тираж 150 экз. Заказ № .

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано

ISBN 978-5-88431-346-0